

[Polaris]

Лев Рубус



ЗАПАХ ЛИМОНА

Советская авантюрно — фантастическая проза
1920 — х гг.

Том VII

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

С



Salamandra P.V.V.

**Лев
РУБУС**

ЗАПАХ ЛИМОНА

Salamandra P.V.V.

Рубус Л. (Рубинов Л. А., Успенский Л. В.).

Запах лимона. Подг. текста и комм. А. Шермана (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том VII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 240 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. С).

В юбилейном 100-м выпуске серии «Polaris» представлено одно из самых редких произведений советской авантюрно-фантастической литературы — сногшибательный и озорной фантастическо-шпионский роман Л. Рубуса (Л. Рубинова и Л. Успенского) «Запах лимона». В приложенных к книге воспоминаниях Л. Успенского раскрывается история создания романа, который был выпущен авторами вопреки запрету ГПУ и быстро стал библиографическим раритетом.

© Authors, estate, 2015

© А. Sherman, подг. текста, комментарии, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

ЛЕВ РУБУС

РОМАН

ЗАПАХ



ЛИМОНА

КОСМОС

ЕМ

Лев Рубус

ЗАПАХ ЛИМОНА

Глава I.

«А может быть, ход коня?»

Лондон. Туман. Огни. Бешеное движение замедлено. На Кетлер-Стрит небольшой особняк спрятался в облезлый садик. Роллс-ройс в последний раз вздрогнул и бесшумно замер.

Свет от лампы на письменном столе очерчивает круг. Два кресла, — глубоких, спокойных. Двое. Один — длинные ноги, гладко выбрит. Другой — плотный, в военной форме, черные усы. Почтительный, но уверенный голос. Сердитое, но напряженное внимание.

«Двадцать шестого аресты. Провал. ГПУ захватило одиннадцать. Засада в пункте № 5. За мной слежка. Мой частный адрес неизвестен, но кольцо сжато. Ничего не поделаешь. Граница. Финляндия. Здесь. Дешифрант и серия Н.Т.У. защиты в чемоданчик. Чемоданчик остался в шкафу в комнате. Вернуться не имел возможности. Адрес этот никому из арестованных и другим неизвестен».

Часы на столе: 18 час. 30 мин. Календарь — 7 февраля. Звонок. Почтительный пробор: — «Брук! Зашифруйте». — Радио... Радио английской торговой делегации. Москва... Ряды четких цифр.

«До свидания, сэр Вальсон». — До свидания, Стон!

Медленно тянет паровоз с красной звездой длинный состав из Москвы к Ленинграду. А ночью сотрудник английской торговой делегации отправляет срочную телеграмму: от больного дядюшки — племяннику в Питер.

За окнами слякоть. Так хорошо поспать еще часок... Стук в дверь. «Да?! Да!» — «Телеграмма!». «А, спасибо, спасибо!».

О! Странную телеграмму получил племянник от дядюшки. Читает с карандашиком в руке, ежесекундно в записную книжку заглядывает. Сначала на бумажке написал, затем в книжечку переписал, — а бумажку — в пепельницу — и поджег. Огонь быстро прочитал: «Н. 17, срочно. В доме 14 по Советскому пр., кв. 3, выбыл жилец Соков. В шкафу забыт желтый чемоданчик. Защиты документы. Изъять, что бы ни стоило».

Племянник, молодой, чисто выбритый, изящный, открыл пишущую машинку (отчего не получить со скидкой по хорошо сделанному ордеру?) и быстро нацелкал: «Командировочное удостоверение... Семенов. Гвоздь-Трест из Москвы».

Маленький ящичек для бритвы — за печкой. Печати каучуковые. Так, так... Изящная комбинация из нескольких печатей. Чуть-чуть смазано. Готово.

Советский пр., д. 14. Дом, как все. Управдома нет дома. Управдомша словоохотливая.

«Жил в квартире 3-ей жилец. Солидный. Спокойный. Исчез. Верно, налетчики ночью где-то раздели.

Из вещей — ничего. Может, сам наворовал и бежал. Теперь и такие люди пошли. Комнату откомхоз запечатал. С мебелью. Бесхозная оказалась. Хотите комнату снять? Эта — в 10%-ую площадь сдана. А комната хорошая. Сходите в жилотдел. — Ордерочек получите...»

Поезд, тяжело дыша, подполз к длинной серой платформе. Вздрыгнул, дернулся и вытряхнул разных. Шинель, ве-

щевой мешок, потрепанный саквояжик. Бородка. Пенсне. Справочное бюро.

— Скажите, товарищ, как можно получить комнату не в гостинице?

— А это в счет 10%, через откомхоз. Жилотдел.

Столкнулись в дверях откомхоза. Чистенький и потрепанный. С изящным портфелем и с вещевым мешком. Чистенький вежливо пропустил. Очередь. Собственно, и очереди никакой нет. Но чистенький сзади. Барышня-товарищ: — Ваши документы?!

— Петров. Из Ц. К. — в распоряжение Губкома для партработы.

Другая, просто барышня-советская:

— Ваши?

— Семенов. Гвоздь-Трест из Москвы.

— Почему не в гостиницу?

— Дорого. Мне надолго. Я уже подыскал себе: Советский пр. 14, кв. 3.

— Петров, получите ордер: Советский пр. 14, кв. 3. Одна комната с мебелью, в счет десятипроцентки. Управдому: распечатать.

И стукнуло сердце: «Вот хорошо: Вера — Советский, 24. Совсем же рядом!».

Барышня-советская — другому — кокетливо чистенькому:

— Вам не повезло. Другая барышня только что выписала. Минуту бы раньше...

У выхода.

— Товарищ, простите. Не хотите ли поменяться ордерами?

— Нет, мне очень удобен район.

— Но у меня в этом доме больная мать... (в голову взбрело).

И снова стукнуло сердце: «14 и 24...»

— Нет, нет...

Управдомша словоохотливая и про комнату, и про жильца, и про жизнь.

— Ну и счастливчик же вы. В такое время комната с мебелью... Другой бы набегался!..

Пишет племянник дядюшке в Москву. А волны радио пронесут через Ригу в Лондон четкие цифры. Вечером Брук расшифрует: «Комната сдана коммунисту Петрову. Н. 17».

Итак, теперь Петровым, который был раньше знаком очень небольшому кругу товарищей и друзей, интересуется и племянник с прочими, и дядюшка в Москве, и Рига, и Лондон. А Петров и не чувствует, что отныне он связан прочными нитями с молодым, изящным, с портфельчиком, который вежливо просил его поменяться ордерами, и, рассматривая желтый чемоданчик, найденный им в шкафу, не подозревает, что держит в руках тайну английской контрразведки.

Через несколько дней племянничек (Н. 17), который теперь представил управдому удостоверение о службе в Губсоюзе (с чрезвычайно четкой печатью) на имя Агапова В. И., знал каждый шаг Петрова.

«Каждый день, после восьми часов вечера, уходит к своей знакомой, Вере Львовне Степановой — Советский 24...»

«В квартире № 3, кроме Петрова, живет бывший генерал (торгует на рынке пирожками) с племянницей и сот-

рудник Ловиу-Кац — в командировке».

А еще через несколько дней, когда Петров в 9-м часу ушел из дому, зоркий глаз незаметно проводил его до угла. А в восемь тридцать резкий звонок прозвучал в квартире № 3. «Уголовный розыск!». Испуганный генерал-пирожник, забыв о правилах и управдоме, дрожа, открыл дверь. «Руки вверх!» Холодный чулан равнодушно принял генерала с племянницей.

Открыть дверь, на которой четкая записочка: «Федор Ильич Петров», не составило труда.

В 8 час. 55 мин. хлопнула наружная дверь. Ушли, позавывая извиниться перед генералом и его племянницей... Через час, испуганные насмерть, генерал и племянница, перебывая друг друга: «Налетчики... Трое... К вам».

— Нашли кого грабить! Самое ценное у меня, пожалуй, уж этот чемоданишко, доставшийся мне по наследству от прежнего жильца. Да, он мне сегодня пригодился в бане.

Недоволен московский дядюшка, сердится Стоп, гневается сэр Вальсон. Не везет Н. 17.

В губкоме: «Да, жаль, тов. Петров. Не успели вы у нас еще поработать, как приходится с вами расстаться. Ц. К. предлагает направить вас, как знающего восточные языки, в Баку. Ваше назначение будет, очевидно, согласовано с Азербайджанским ГПУ... Что? Непривычная работа? Ничего, ничего! Справитесь! Вам будет дан пакет для ГПУ в Баку. Вам его доставят на дом. Мандат готов. Счастливого пути, товарищ!».

«Как обидно, Федя!» — «Ничего не поделаешь, Вера». «Вот тебе фланелевый мешочек, — повесь на грудь. Если

нужно что, — можешь спрятать. На южных дорогах, говорят, здорово воруют».

Белый, плотный конверт, небольшой, без адреса и печати. «Распишитесь, товарищ. Документы очень важные. Как думаете везти? Думаете зашить в чемоданчик? Ага! Хорошо! В чемоданчик положите полотенце, мыло... В дороге откройте, чтобы было видно, что там ничего ценного нет. Так никто не подумает».

Обычная вокзальная толчея. Петров с трудом прокладывает себе и провожающей его блондинке путь.

Вдруг слева плотно навалился, прижал серый полушубок, а по правой руке кто-то больно ударил деревянным сундучком. Рука с желтым чемоданчиком онемела от боли. Еще минутка и, кажется, чемоданчик сам поплывет куда-то в человеческой волне.

Изо всей силы ударил локтем в серый полушубок, освободил правую руку, вцепился в чемодан. «Черт! Чуть не вырвал! — Нет, конечно, надо будет переложить документы в фланелевый мешочек».

Свисток. «Прощай! Пиши!». И тяжелая железная змея, медленно раскачиваясь, лениво поползла из-под навеса.

«Петров едет в Баку. Мои агенты с ним. Н. 17».

Вагон. Мягкий, чистенький, — бывший I класс. Сосед по купе, высокий военный с черными усами и бородой. «Моя трубка вас не беспокоит?». Стук-стук, чеканят колеса четкий мотив. Разговор о том, о сем. А у Петрова не вылезает из головы: «Надо переложить документы !... »

«Скажите, пожалуйста, в каком конце уборная?» — «В обоих, комфорт-с». — «Благодарю вас». Раскрыл чемоданчик, так чтобы были видны полотенце и мыло. С чемоданчиком в уборную. Торопясь (не подсматривает ли кто) нащупал, распорол подкладку и достал белый фланелевый мешочек! «Теперь можно будет выходить на станциях. А то сосед совсем замучил своей вонючей трубкой».

Дверь в соседнее купе открыта. Там хорошенькая дамочка, одна. С военным уже познакомилась.

Малая Вишера. Петров вздремнул на нижней полке. Военный так накурил, что пришлось открыть окно. Вечер неожиданно теплый. Чемоданчик стоит на столике. В окно вползает веревка с крючком. Зацепила чемоданчик и поползла обратно. Военный одним прыжком с верхней полки, схватил веревку, сорвал чемоданчик. Петров проснулся. Военный закрывает окно. Какой-то мальчишка улепечивает. «Разве можно оставлять вещи у открытого окна! Еще минута, и не видать бы вам вашего чемоданчика! Жулье такое!». Искреннее возмущение.

Бологое. Хорошенькая дамочка предлагает Петрову пройти. Документы на груди — можно! «Посмотрите, какой красивый огонь семафора...» Военный быстро открыл чемоданчик Петрова и торопливо, не разглядывая, разрезал подкладку на дне перочинным ножом, нащупал, вытащил и спрятал за пазухой белый плотный конверт без адреса и печати.

Желтый чемоданчик! Ты теперь потерял всякую ценность. Оба белых плотных конверта улеглись в мешочки у самых сердец.

В Москве военный слез. А вагон 463 — беспересадочный до Баку. Новый сосед Петрова как забрался на верхнюю полку, так все время и спит, будто впрок запасает.

Стук-стук, колеса... День прошел. Хоть и весело болтать о всякой всячине со смешливой черненькой Ириной Петровной, но спать, спать надо!...

Чудится Петрову: открылась дверь из соседнего купе, вошла веселая Ирина Петровна. Руку теплую ласково ему на грудь, — и сняла фланелевый мешочек.

Проснулся, вскочил: что? сон? Нет, какой там сон: нет фланелевого мешочка! Как был, в одном белье, вскочил в купе к веселой соседке. Нет ее! Поздно! Значит, успела сойти. Жуткие мысли — мурашки побежали по телу: «Позор!». Рука невольно потянулась к браунингу, и в тот же миг, вдруг, неожиданно почувствовал — фланелевый мешочек на спине: видно, во сне переполз. В соседнее купе, легкими по линолеуму шагами, вошла Ирина Петровна. Петров еле удерживается от радостного душащего смеха. «Ха-ха! Вскочить к женщине ночью в купе в одном белье, а документы на спине. Потом доказывать, что не верблюд!».

На пятый день оба белых конверта благополучно добрались: один, во фланелевом мешочке под шинелью и френчем, до Баку; другой, сперва под серой бекешей, до Острова, затем под мужицким армяком до границы, и в изящном портфеле — до Лондона.

Председатель Аз. ГПУ вскрыл белый конверт. «Гм, гм... Больше вам ничего не поручено нам передать, товарищ?». «Нет, это все». «Мм-да... Еще раз на минуточку ваши документы. — Петров, в распоряжение ЦК Аз. КП(б). — Д-да!» Внимательно рассматривает подписи и печати. «Зайдите, товарищ, сегодня вечером к семи часам».

Стон, на Кетлер-Стрит, вскрыл такой же белый конверт. Вздрогнули тонкие пальцы. «Не понимаю! Что такое?». Два чистых листка.

Почтительный пробор Брука. «Приготовьте растворы для проявления».

Пред. Аз. ГПУ долго хмурится над привезенными Петровым документами. Три чистых белых листка, а на четвертом, который его собственно и смущает, четко:

Первая партия.

8	Лит		Король					
7			Ладья			Конь	Пешка	
6			Ладья					
5								
4								
3			Пешка					Пешка
2	Король	Конь			Ферзь		Пешка	
1								
	a	b	c	d	e	f	g	h

Белые: ng2, c3, h3, kb2, кра2, Фе2.

Черные: kf7, крс8, ng7, ca8, Lc7, nb6. —

Звонок. «Тов. Борис. Осторожненько проявите. Сначала попробуйте нашим раствором, а потом как знаете. Только

смотрите, не испортить».

Бумажка, зажатая на двух каучуковых валиках, серединой своей медленно опускается в прозрачную жидкость. Стон и Брук склонились у вытяжного шкафа и внимательно следят. Цифры, цифры, и вдруг наверху, неожиданно четко по-русски: «Копия». А внизу: «С подлинным верно». Печать: — «Пролетарии всех стран...

Серп и молот...»

— Проклятие, конечно, это не мой пакет... Брук! Опустите вторую бумажку!

Товарищ Борис докладывает нахмурившемуся председателю:

«Три листочка покрыты цифрами. Это не наш пакет. Придется поломать себе голову. Я бы рекомендовал тебе на всякий случай задержать этого парня»...

Вечером председатель — Петрову: «Вы твердо уверены, что привезли именно тот пакет, что получили в Ленинграде? В чем вы его везли?» — «Сначала зашитым в подкладке чемодана, затем во фланелевом мешочке на груди». — «Где чемоданчик?» — «В гостинице». Звонок.

«Товарищ, немедленно распорядитесь прислать из гостиницы “Новая Европа”, комната 16, все вещи. Крайне важно — особенно маленький чемоданчик». Строго — Петрову: «Вы подождете».

«Где было зашито?». «Здесь...» Внимательно рассматривают чемодан... «Мм-да, распорото в двух местах. М-м-м, я вас вынужден пока арестовать. Да-да. Запрошу центр...»

«Вы понимаете, Стон, что ваши агенты никуда не годятся?! Итак, серия Н.Т.У., наша важнейшая задача в данный момент в России, и ключ к шифру — у них в руках, не так ли? Раскрой они этот шифр, они предотвратят удар и все наши усилия пропали даром. Что за дурацкая идея такие документы зашивать в чемоданы?»

«Да, сэр Вальсон, документы у них в руках, но шифр надо еще прочесть, а я уверен, что у них глаза вылезут на затылок раньше, чем они расшифруют хоть строчку».

«Ваша честь в ваших руках, Стон. Делайте, что хотите. Но помните: Н.Т.У. — это все. Отняв у них это, мы их задушим!»

Гнется Брук над четкими цифрами. Хитрые штуки цифры и радио.

Гнется над цифрами и тов. Борис в далеком Баку. А Петров сидит уже третьи сутки. — «Ничего не понимаю!»

На второй день короткий допрос. Рассказал и про проезд, и про встречу в жилотделе, и про налет, и про желтый чемоданчик.

На третий день вечером пред. Аз. ГПУ вызвал Петрова.

«Я получил ответ из центра. Вам вполне верят. Документы, которые у вас украли, не имеют особого значения. Совершенно ясно, что в вашем чемоданчике прежним владельцем был зашит другой документ. Они охотились за хорьком, а убили зайца. Вы простите, товарищ... вы сами понимаете... будь на вашем месте мой родной брат, я бы и то... Работа требует...»

Ступайте, отдохните. Простите еще раз. Завтра утром приходите. Да, я дал распоряжение — комендант выдаст вам постоянный пропуск. Да, да, сейчас».

А на столе у председателя лежит расшифрованная телеграмма из центра.

«Вам была отправлена с Петровым копия шифрованной записки, отобранной при разгроме контрреволюционной организации в Ленинграде. Также вам сообщалось: шифр неизвестен, один арестованный при допросе показал, что шифровано по-русски, шифровка книжная, дешифрант какая-то русская книга. Больше ему ничего неизвестно. Вероятно, документы, попавшие к вам, той же организации. Попробуйте расшифровать».

В горном ущелье, недалеко от того же Баку, ловят уши волшебные волны радио. — Из Лондона, Лондона, Лондона. — БН. 37... Руки наймитов Сити готовят новый удар...

«Ну, как дела, Борис?...» Председатель зашел в комнату шифр-отдела. «Очень трудный шифр. То, что он книжный, я и сам предполагал. Но вся беда с этими книжными шифрами в том, что их совершенно невозможно раскрыть способом наиболее часто встречающихся букв. Ведь на одной странице книги какая-нибудь буква, скажем, А, может встречаться до ста раз и более. Значит, А может быть изображено ста различными цифрами. Несомненно, что шахматная задача — ключ, т. е. фамилия автора и название книги. Я поговорил с этим Петровым. Есть одна идея. Попробую. Авось удастся. «Ну-ну, Борис, собери все силы. Не знаю почему, но я уверен, что здесь скрыта тайна исключительной важности. А мое чутье... ты его знаешь. И, потом, если не ты, то кто же? Ты ведь один из лучших спеццов Союза по этому делу». «Что ж? Утро вечера мудренее. Поглядим». — «Ну-ну!»

Нервничает БН. 37. Лондон категорически приказал не допустить раскрытия шифра. Угроза снять с работы. (А платят отлично!). О, этот тов. Борис! Не первый орешек разгрызает. БН. 37 хорошо памятен один шифр, разгаданный Борисом. И только случайность спасла БН. 37 от неприятности встретить солнечный восход у стенки. Другого такого Бориса у них нет.

Ранним утром, когда еще тени длинны и не кричат еще бакинские разносчики, председатель уже в кабинете. «Попросите тов. Бориса». «Его еще нет». — «Позвоните по телефону... Что? Телефон не работает? Немедленно пошлите машину».

«Что? Что такое?». Непривычно дрожит голос председателя. «Убит! Не может быть! Подайте машину. Поеду сам».

Товарищ Борис в постели.словно красным шарфом перевязано горло и концы шарфа по простыне упали на пол, но это не шарф. Это кровь.

Тщательный осмотр. Ясно. Спустились с крыши, выдавили бумагой, намазанной медом, стекло и одним прыжком, без борьбы, стальным лезвием разорвали горло страшным ударом. Провод телефона перерезан. Ни одной бумажки, ни в столе, ни в корзинке, нигде...

— Неужели он взял с собою документы? Нет, не может быть. Но скорей, скорей, в ГПУ... Нет дорогого товарища Бориса... Что это? Слеза? нет, так что-то в глаз попало...

— Что вы, товарищ председатель! Тов. Борис никогда не брал с собой секретных документов. Они в несгораемом шкафу. — Скорее за работу, эти документы для них крайне важны!

Брук радостно — Стону: «БН. 37 сообщает: этот Борис

устранен!». Стон радостно — сэру Вальсону. Скептически — сэр Вальсон: «Так. Да, да. Полезно, но они найдут другого Бориса. Пока время во всяком случае выиграно, но необходимо перейти к решительным действиям. Отдайте распоряжение. Срочно. Я не люблю повторять. Н.Т.У. — это все. Или мы, или они. Скорей, скорей!».

Заместитель покойного Бориса и председатель снова согнулись над шахматной диаграммой. «Тов. Кривцов, тебе Борис не передавал, о чем он говорил с Петровым? Нет? Да, ведь Борис не любил делиться своими предположениями, не окончив работы. А он мне сказал, что после разговора с Петровым у него появилась одна идея. Борис зря не сказал бы. Надо будет спросить у Петрова, о чем они говорили. Он должен прийти утром, я ему назначил. Пора бы. Выслать пропуск? Я дал ему постоянный еще вчера».

Звонок внутреннего телефона. «Да? А, хорошо, хорошо! Конечно, пропустите. Это Петров. Легко на помине».

Тот же ясный рассвет, которого не дождался тов. Борис. На грязноватом плюше гардин в номере гостиницы утреннее солнце. Петров проснулся. Где он? Ах, да, в Баку. А в голове все перемешалось: и желтый чемоданчик, и Верочкин мешочек, и Ирина Петровна и, неожиданно, тюрьма. Маленькие часики на стальном браслете едва дотацились до шести, а спать уж совсем не хочется. В номере душно. Хорошее утро, раннее солнце зовет на улицу. В голове легкая боль, — у затылка. Щемит что-то. Какое-то беспокойство... Да после таких историй разве можно быть спокойным? Впрочем, мы теперь уже ко всему привыкли. Какое счастье, что все уже ясно и кончено.

Ясно и кончено? Петров в Баку думает, что кончено. Стон в Лондоне полагает, что только еще началось. Но что началось и что кончено, оба знают только наполовину. А странный человек с поношенным лицом актера, заставший в постели своего крепко спавшего знакомого, сует ему в лицо свежую телеграмму и думает, что еще и не начиналось.

Ворочается Петров. Черт, как душно! И тоскливо как-то. А, нет же. Просто надо встать. Умыться, побродить, пройти к морю. Хорошо бы выкупаться. Раз, два!... Вскочил, потянулся под кран. К черту тоскливое настроение, вместе с этой мыльной водой. Дело не даст тосковать, огромное, ответственное, — дело трудящихся всего мира!

Хорошо утром бродить по пустому городу. Море едва слышно, лениво, как бы играя, ударяется о гранит. Петров — взад и вперед по мосткам пристани № 15. Слева, должно быть, черный город — город вышек серой дымкой затянут. На набережной еще никого, в этом месте, по крайней мере. Впрочем, два каких-то рваных не то амбала, не то грузчика, тоже сошли с берега на досчатый помост. «Таварыщ. Пазвол прыкурыт». Протянул папиросу, хотел спросить что-то и вдруг захлебнулся словом. Неожиданно короткий удар. Нелепо взмахнули руки, и с мостков вниз. Запрыгала лодка под мостками от неожиданного груза. Двое прыгнули следом вниз. Никто не видал — значит, лодка наша. Сбит замок. Весла в уключинах... Лодка описывает длинную дугу от берега и снова к берегу.

На дне длинный тюк, в плотной парусине. Через час этот тюк втаскивают, как нечто неживое, в третий этаж грязного дома на самом краю города.

Петров очнулся в маленькой конуре, на непокрытой кровати. Во рту — грязная тряпка. Руки и ноги не свои под туго стянувшей их веревкой... Осмотрелся. Двое чисто одетых джентльменов изучают содержимое его карманов. Говорят по-тюркски, в уверенности, что он не понимает. Вот где пригодились Петрову его восточные языки. — «Хе! Партбилет. Удостоверение. Хе! Пропуск в ГПУ. Еще лучше. Это нам все пригодится. Знаешь что? Мне пришла в голову такая шту-

ка. Роста мы одинакового. Его френч на мне как вылитый. Бородка? Ну, бородка пустяки. Через десять минут ты не отличишь меня от него. Я думаю, что нам полезно побывать в ГПУ вместо него. Может быть, узнаем что-нибудь насчет этих документиков. За это уплатят не так, как за мелочи».

Подошел к Петрову. Чисто по-русски: «Ну-ка, поворачивайся, каков-то ты с фасада? Как ты думаешь? С этой бородкой и паричком похож я на тебя?». И фраза по-тюркски. — «Ну, ерунда, его в ГПУ еще мало знают. Не заметят. Пустяки. О, нет. Ликвидировать его положительно рано. Мы из него еще вечером кое-что выудим». И опять по-русски. — «Ну лежи, лежи, собачье мясо. Френч то у тебя па-ар-шивенький».

«А вы, товарищ Петров, легки на помине. Мы с Кривцовым только что о вас думали. Председатель привстал из-за стола навстречу входящему. Вдруг вспомнив: «Ведь вы знали товарища Бориса? Он сегодня ночью убит. Да, да... Ничего, мы свернем этим сволочам голову... Ну, а теперь к делу. Время не ждет. О чем вас расспрашивал тов. Борис? Ведь мы все ломаем себе головы над этим проклятым шифром. Я придаю ему очень большое значение». «Так, ничего особенного. Сказал, что поговорим завтра». — «Ну ладно, минуточку подождите. Я сейчас».

Председатель вышел. Кривцов спрятался за сегодняшнюю газету. Петров с наклеенной бородкой подошел к окну, чтобы лучше ориентироваться: «Второй этаж. Не высоко. Выход на улицу. Под окном автомобиль с поднятым верхом. В окне большое стекло. Одна рама. И стекло тонкое. Это совсем хорошо. На всякий случай и это выход».

Снова председатель. — «Ну, приступим!». Кривцов вынул из портфеля четыре листка. Один с шахматной задачей и три других, все в четких цифрах. «Это копии. Нечего трепать зря подлинник».

На листках с цифрами, на каждом, четко выделяясь, отдельной строчкой наверху:

На первом: 51 52-54 67.

На втором: 1313 94 814 51 1017 175 1218 135 54.

На третьем: 115 2325 1218 2610 67.

«Я думаю...» И Кривцов начал излагать свой план. Внимательно слушает председатель. Еще внимательней — Петров с бородкой, — даже кажется, в книжечке что-то вычисляет...

Звонок внутреннего телефона. «Да, да. Что? Что такое? Тотчас же приведите сами». И, положив трубку: «Ничего. Продолжай, Кривцов...» Всегда спокоен. Всегда. Только правую руку опустил в карман.

Стук в дверь. Комендант. И следом за ним прыгнул растрепанный, красный, в сером пальто поверх белья, в ночных туфлях, без шапки, так странно похожий и непохожий на Петрова с записной книжкой.

Дальше все произошло с невероятной быстротой. — Растрепанный смешным прыжком бросился к мнимому Петрову, схватил его за бородку; и тот, без бороды совсем другой, чужой, вовсе непохожий на Петрова — ответил быстрым ударом ноги в серое пальто. Одно движение, документы зажаты в руке, звон стекла — прыжок вниз.

Одновременно ворчание отъезжающего автомобиля. Выстрел. Крик. Комендант, председатель, Кривцов и комичный, растерзанный Петров — к окну... Автомобиль немного отодвинулся в сторону, и на мостовой ничком, потерявший парик и жизнь сам БН. 37...

«Ну так. Такие истории бывали. Но вот, как вам удалось вырваться оттуда, тов. Петров?».

«Я сам с трудом понимаю. Помог случай. Когда этот ушел, остался маленький. Сидит, брусом кинжал точит. Мурлычет что-то... Не уйдешь! Что делать! Вдруг под ок-

ном женский голос — по-тюркски. Очень быстро. Многого не разобрал. Куда-то зовет, уговаривает, умоляет идти. Куда и зачем, не понял. Он: — «Нельзя, нет, не могу!». — Говорили долго, наконец вскочил. Мне: — «Только двинься, — конец». Бросил кинжал на стол. Ушли оба. Прежде всего надо тряпку изо рта. Я уже заметил отогнувшийся железный лист у печки. Острый конец так и торчит. Судорожным усилием — вниз с кровати. Докатился до листа. Зацепил тряпку — раньше, правда, всю рожу себе изрезал, — вытащил. Ну, а со свободными зубами, оказывается, все равно, что с третьей рукой. Подполз к столу, уронил стол. Тяжелый кинжал вонзился острием в пол. Я еще плечом нажал — сейчас сам не верю! И перерезал об него пути на руках. И к счастью, под окном близко крыша сарая. Одедся во что нашлось и больше всего боялся, что за сумасшедшего примут. Бросился к первому же милиционеру. Говорю: «Меня шпионы раздели, — вези в ГПУ». Он, кажется, ошалел от моего вида и прямо на извозчике доставил сюда. Не знаю, за кого меня принял тов. комендант. Да и немудрено...»

Побледнел и пошатнулся. «Ах... устал все же здорово. Если есть где, заснул бы с часок... А вы делом займитесь, оно важнее моих приключений».

«Ну, выспались? Отдохнули? Что ж, давайте теперь, товарищ настоящий Петров, поломаем коллективно головы над этим шифром. Вы не помните, о чем вас особенно спрашивал тов. Борис?»

«Постойте... Помню... он спрашивал, не заметил ли я, какие книжки остались в той комнате, где я нашел чемоданчик. Я ответил, что очень хорошо заметил. Только одна книга — полное собрание сочинений Пушкина в одном томе. Затем он спросил, не видал ли я там каких-нибудь пометок, но я книги не читал».

Глаза пред. ГПУ заблестели. «О, это дело! Меня гнетет этот шифр. Я две ночи не сплю над ним. Пушкин, Пушкин... вот вам и русская книга. Однако, по порядку. Итак, мы имеем: по сообщению центра, шифровка на русском языке

ке и книжная. Шахматная задача, очевидно, содержит в себе фамилию автора и название книги». Все сгрудились над листочком.

Первая партия.

8	С		Король					
7			Ладья			Конь	Пешка	
6			Ладья					
5								
4								
3			Пешка					Пешка
2	Король	Конь			Ферзь		Пешка	
1								
	a	b	c	d	e	f	g	h

Белые: ng2, c3, h3, kb2, кра2, Фе2.

Черные: kf7, крс8, ng7, ca8, Lc7, nb6. —

«Может быть, белые фигурки означают автора? Может быть... Пушкин?!» Медленно и раздумчиво падают слова председателя. «Смотрите, 6 букв и 6 белых фигур. Да, но если это предположение и правильно, то нам, во всяком случае, нужно знать, в каком порядке расположены эти фигурки. На одном авторе далеко не уедешь». Раздумье. Вдруг Петров взволновано: «Обратите внимание! Подписанное под диаграммой расположение фигур неправильно, в необычном порядке. Обычно обозначают: сперва короля, потом королеву, ферзь, потом уже пешки. А тут, смотрите — в разбивку. И тогда, если мы предположим, что Пушкин, то пешка g2 значит П, пешка c3 = у, h3 = ш, kb2 = к, король, a2 = и, и ферзь e2 = н».

Петров быстро набросал шахматную доску и расставил обозначения:

8								
7								
6								
5								
4								
3			у					<u>ш</u>
2	и	к			н		н	
1								
	а	б	с	д	е	ф	г	г

«Теперь смотрите: “И” и “К” в квадратиках рядом. Между “К” и “Н” два квадратика — две буквы — “Л” и “М”. “У” и “Ш” в третьем ряду. Значит, алфавит начинается с левого угла первого ряда». Кривцов, тем временем тоже что-то мрачно вычислявший, радостно воскликнул:

— А сочинение — из черных фигурок. — «Полтава».

— Откуда ты взял?

— А надо с черными фигурами алфавит тоже начинать с верхнего угла. — И он также протянул свой чертежик:

8	<u>а</u>	б	<u>в</u>	г	д	е	ж	з
7	и	к	<u>л</u>	м	н	<u>о</u>	п	р
6	с	<u>т</u>	у	ф	х	ц	ч	<u>ш</u>
5	щ	ы	ь	э	ю	я	-	-
4								
3								
2								
1								
	а	б	в	г	д	е	ж	з

Все внимательно смотрят. Радость близкой победы их охватывает. «Да, но ведь “Полтава” — семь букв, а тут только всего 6 черных фигур. Что-то не так». — «Нет, так! А ты видал в обозначениях под задачей: Са8 подчеркнуто? А на последнем месте тире. Вот и как раз: Два “А”. ПолтаВА». — «Верно».

Кривцов тянется к телефонной трубке и рука его дрожит от нетерпения.

— Алло, библиотека? Да? Сейчас же сюда, в кабинет председателя — собрание сочинений Пушкина. Да, я, Кривцов. — Повесил трубку. «Ну, — попытка не пытка!».

— Постой, постой. Не торопитесь. 1-ая партия, 45 ход. Это тоже что-нибудь да значит. — Спокойно, — удерживает председатель.

Кривцов быстро перелистывает Пушкина. «Полтава. 1-ая песня... Весело: Первая партия — первая песня. 45 ход — 45 строчка.

«МГНОВЕННО СЕРДЦЕ МОЛОДОЕ ГОРИТ И ГАСНЕТ.
В НЕМ ЛЮБОВЬ ПРИХОДИТ И ПРОХОДИТ ВНОВЬ».

— Ну, ну, не декламируй. Ну что ж, попробуем? Кажется, хвостик поймали. Рыбку вытащим.

Попробуем сначала заголовочки. Ну-ка, молодцы, ну-ка... На листке наверху: 1313 94 814 51 1017 175 1218 135 54.

— Ну, это уже известно. 13 строчка — 13 буква — «Т», 9 строчка — 4 буква, «Р». Нетерпение с удвоенной силой охватывает всех.

8 и 14. Есть. — «А». 5 и 1. Есть — «Н». 10 и 17 — «С». 17 и 5 — «П». 12 и 18 — «О», 13 и 5 — «Р», 5 и 4 — это «Т». Транспорт. Ура! Правильно, товарищ!

Дальше, другой листок. 51 52 — 54 67... Что же это? НЕ—ТЬ. Что это значит?

«Ну, ясно: Нефть! Разве можно тут сомневаться?».

А на третьем четко — ЕГОЛЬ.

«Это что еще за — еголь? Какая-то ерунда».

«Ну, нет, это тоже ясно: уголь. Конечно, уголь! Нефть, транспорт и уголь. А, проклятые акулы! Вот чего они добиваются... Ну, тогда, очевидно, в дальнейшем будет или план или список сотрудников. Ах, погодите, погодите.» Но Кривцов уже забрал бумажки. «Теперь пустяки. Осталась чисто техническая работа и ее мои ребята сделают скорее нас. Через два часа я вам принесу результаты».

Из Лондона... Лондона... Лондона... Снова ловят волшебные волны. Новый приказ. «Ударить немедленно! Отсрочек нет!».

Нервничая, работают шифровальщики. Даже всегда спо-

койный председатель, и тот немного волнуется. Так, незаметно, но внутри все ходуном ходит. Может, сейчас, через несколько минут, мы будем знать, какая страшная угроза висит над нефтяными вышками, железными дорогами и Донбасом. Может быть, еще сегодня же ночью, тут, в городе черной крови-нефти. Тогда, конечно, сегодня же ночью, сумеем мы предупредить удар и задушить врага.

А ради этого спокойный председатель готов отдать не две и не три и не сто бессонных ночей, а всего себя до последней капельки крови, как он и отдает каждый день в непрестанной борьбе с упрямыми и опасными врагами.

Два часа прошло. Ему не сидится. В ожидании он ходит большими шагами по кабинету. Он смотрит то на дверь, из-за которой вот-вот войдет Кривцов, то на часы, на запястье. И шоферам приказано держать машины наготове. Куда прежде? Откуда направлена атака?

Дверь открывается. Кривцов. В ответ на жадные вопросы, он глухо и мрачно бросает: «Ничего... дальше абракадабра. Ни одного слова...»

«Маху дали? Видимо, поэтому и вышло “НЕ—ТЬ”». Но Кривцов досадливо машет рукой: «А, бросьте вы. Знаете, почему “Ф” выпущено? Потому что во всей “Полтаве” нет буквы “Ф”. Я уверен, что это правильно. Но дальше нам чего-то нехватает».

Нервничают и в особняке на Кетлер-Стрит. Все ждут. Всего несколько человек знают, чего ждут. Но нервничают все. В который раз уже сэр Вальсон обращается к Стону с одним и тем же вопросом: «Ну что, Стон?». И неизменно вежливый Стон в который раз отвечает: «Я жду с минуты на минуту, сэр».

«Тов. председатель! Вас к аппарату!».

Председатель у аппарата.

Что? Как? Опять желтые чемоданы?

Глава II.

Желтые чемоданы

19 ч. 53... Скорый «Баку-Москва» отходит через минуту. Место № 11 в спальном вагоне еще не занято. Пассажир места № 12, полный человек, видимо, армянин и, должно быть, торговец восточными товарами, жалуясь на одышку, пристаёт к проводнику.

«Значит, можно будет занять нижнее место? Значит, один еду?» — «Не знаю. Место занято. Если никто не придет, занимайте», равнодушно отмахивается проводник, видимо, немец.

Второй звонок. Запыхавшийся носильщик втаскивает в коридор вагона чей-то багаж. «Место №11? Вот здесь. Сюда». Недовольно фыркает торговец, облюбовавший нижнее место. «Позвольте, поберегитесь, гражданин!». Носильщик ловко укладывает в сетку два желтых чемодана. Проводник проверяет билет и сверяет фамилию с предварительной записью места. «Николай Трофимович Утлин. Совершенно верно. Пожалуйста».

Плавно, как бы нехотя, тронулся поезд. В купе к обиженному торговцу, слегка щурясь сквозь пенсне в черепаховой оправе, подходит уверенный, высокого роста, в сером изящном пальто: «Простите! Я вас побеспокоил? Я охотно уступлю нижнее. Пожалуйста. Мне все равно. Будьте добры». И, не обращая внимания на рассыпающегося в благодарностях соседа, уверенным движением осторожно положил третий, небольшой, но как две капли воды похожий на два других, желтый чемоданчик на упруго качающуюся сетку.

Еще несколько секунд, — он снял пальто, из бокового кармана серого, скромного, но очень хорошего покроя костюма достал газету и спокойно, как у себя дома, развернул свежий еще лист вечерки. Несмотря на любезность соседа, коммерсант раздражен. Почему-то, он сам не знает почему, ему все в нем не нравится: и этот крепкий, притор-

ный запах духов, и манера не снимать перчаток и часто поглаживать рукой аккуратную, золотистую бородку, и совершенное нежелание вступать в обычный вагонный разговор, и этот слишком спокойный, почти наглый в своей внешней вежливости взгляд из-за газеты.

Ох, хочется поговорить толстому, жизнерадостному Шах-Назарьянцу! А тот все молчит, как шайтан какой-то. Наконец, отложил газету... Последняя отчаянная попытка завязать разговор не удалась. Окончательно обидевшись, армянин тяжело засопел... и вдруг... вдруг — тот весь навстречу... «Простите, вы, если не ошибаюсь, владелец уважаемого торгового дома Шах-Назарьянц и К°?».

Расчувствовался и ожил купец. Какой приятный собеседник! Какие духи, какие перчатки! Какая чистоплотность! И, конечно, не надо их снимать. Хоть вагон и международный, — а все-таки в вагоне пыль. И, разумеется, не со всяким разговаривать станет, потому воспитанность!...

Несмотря на одышку, любит выпить Шах-Назарьянц. Почему не выпить легкого кавказского вина с хорошим человеком? Хороший человек все понимает: и про дела и про фининспектора понимает. Хоть и химик ученый человек, а душа-человек!

Сквозь черную южную ночь летит скорый — «Баку-Москва». Летит в его хвосте и ярко освещенный вагон-ресторан, и Назарьянц со своим новым другом — инженером-химиком Утлиным, и три желтых чемодана на полках в соседнем вагоне.

Не нравятся Утлину ресторанные папиросы на выбор. «Нет уж, — я привык к своим». Встал и покачиваясь, а ведь почти и не выпил, — пошел в купе за своими, — ах, слабый человек. Хороший человек, а слабый.

Сидит Шах-Назарьянц, дожидается приятеля. Полустанок, — нет остановки, станция, — остановился поезд, и снова в ночь... нет приятеля. Спать надо старому виноторговцу, закрывается вагон-ресторан. «Наверное, уже давно спит профессор... Ох, чистеха, ох чистеха! В ресторане и то перчаток не снял! А слабый человек. Ну, что поделаешь, с непривычки?»... Расплатился и пошел в купе. В купе давно

уже горит только маленькая синяя лампочка под потолком. Профессор не отзывается, — спит и не храпит на верхней полке... Ох, ох, о!... С трудом разделся кавказский нэпман и... 60 верст в час быстро укачали его жирное тело и лысую голову в мерлушковой шапке.

Проснулся утром. Яркое солнце забралось уже в купе. Проводник уже два раза постукивал в дверь...

«Вставай, милый чилавек! Кофей пить будем». Но не храпит, не отвечает и утром воспитанный собеседник... Купец за одеяло... Что такое? Нет никого! А чемоданы? Желтые чемоданы лежат.

В купе пришел проводник, пора убирать постели. Нет пассажира №11. Проводник его с вечера ни разу не видел... Недоумение, волнение, справки в других вагонах. Нет нигде: как в воду канул. Шах-Назарьянц боится: не свалился ли после легкого кавказского вина при переходе из вагона в вагон? Спокойный немец-проводник полагает, что пассажир № 11 вышел где-нибудь на станции и опоздал к отходу:

«О, это бывает. Теперь надо вещи сдать на хранение в Махач-Кала (Порт Петровск). Оттуда телеграфируют по линии».

Махач-Кала. Железнодорожный агент, встав на диван, снимает с сетки желтые чемоданы. Огорченный Шах-Назарьянц глубокомысленно думает, как нехорошо слезать на маленьких станциях и опаздывать к поезду... Внезапно резкий толчок. Подали паровоз. Дикий звериный визг Назарьянца. Маленький желтый чемоданчик упал с сетки на стол, раскрылся. А... а... а... словно тяжелый мяч, на колени Назарьянцу упала человеческая голова... В неистовом ужасе он одним прыжком — на плюшевый диван. Тучное тело вдавилось в спинку, глаза выпучились, остекленев, руки в безумной судороге вцепились в материю, а голова, брызгая жидко-красным соком, как спелый арбуз, захлупала по полу.

Трясется, как сало на крюке, глава фирмы Назарьянц и К° в транспортном отделении ГПУ. Он ничего не понимает. Дрожит его жирный затылок, трясутся пухлые губы. А агенты медленно, осторожно вынимают из желтых чемоданов: из одного — две ноги в серых, хорошо сшитых брюках и черных ботинках, потом — две руки в серых рукавах; из другого — тяжелый, четырехугольный обрубок, в сером, на все пуговицы застегнутом пиджаке, без рук; разложили на столе и приставили голову... И еще сильнее затрясся Шах-Назарьянц. Золотистая борода, хорошо знакомая голова. Перед ним на столе, в сером костюме, любезный сосед, — только нет на руках неизменных перчаток.

А агенты ГПУ тем временем уже вынули из кармана бумажник с документами и отрывной талон плацкарты спального места №11: Николай Трофимович Утлин, инженер-химик, жительствующий в Баку, Крепостная 7, кв. 8.

В кабинете начальника отделения решается судьба Назарьянца, которому срочно, срочно нужно быть в Ростове.

«Удивительный случай... когда его успели разрезать? И так аккуратно. А между тем все опознали. Садился в поезд, ехал, кутил с этим старым нэпачем, его-то, по-моему, во всяком случае задержать необходимо... Дай телеграмму по линии и в Баку нашим».

И скорый «Баку-Москва» мчится верста за верстой к Ростову без желтых чемоданов, без Утлина, без главы торгового дома Шах-Назарьянц и К°, а по проволокам, во все стороны, экстренные телеграммы несут весть о странном и страшном загадочном убийстве, интригуя телеграфисток, а, домчавшись, поставят трудную задачу перед Азербайджанским ГПУ и уголовным розыском.

Ничего не добиться от совсем раскисшего Шах-Назарьянца. Он плачет и бессмысленно твердит на все вопросы: «Хороший человек, слабый человек!... Не может пить кавказского вина, выпил бутылочку и вот...»

И не понять сразу, сознательно ли притворяется хитрая бестия, или действительно не перенес жуткого приключения несчастный старик.

Баку. Крепостная, 7. Молодой человек долго звонил в квартиру № 8. В ответ ни звука. Недоумевает, — пошел к управдому. «Квартира № 8, а вам кого — Утлина? Да он вчера уехал на пару дней» — «Не может быть?» — «Ну вот, не может быть! Уехал на пару дней в Ростов. При мне вчера вечером на извозчика сажился. Три чемодана взял. Сказал, в Ростов на пару дней. Да».

«Управдом здесь?» — Мандаты ГПУ и угрозыска... «А... а... В чем дело, товарищи?». — «Кто у вас живет в квартире № 8?» — «Инженер Утлин. В Совнархозе служит. Он вчера уехал». — «Куда?» — «Сказал, в Ростов.» — «Отметился?» — «Никак нет; сказал, в Ростов на пару дней». — «Проводите в его квартиру. Он вчера убит в поезде».

Молодой человек, тревожно слушавший разговор, заметался. «Что? Не может быть!...» — «А вы кто такой?» — Управдом, человек, видимо бывалый, привычный ко всему, охотно сообщил: «А они его только что спрашивали... И все допытывали, действительно ли уехавши...» — «Вы его знаете?».

И тот, запинаясь, волнуясь, чуть не плача, теряя слова и мысль: «Моя фамилия — Борщевский; Николай, немного старше... Росли вместе. Я ему телеграфировал. Он ответил, что ждет. Мы условились. Я приехал из Тифлиса. Он никуда не собирался уезжать».

Ключа к французскому замку не подобрать. Приходится выпиливать... Наконец открыли, вошли... В квартире ничто не говорит об ужасной смерти хозяина. Все, очевидно, на своих обычных местах, никакого беспорядка, никаких записок; ящики стола заперты, шкафы тоже. На столе стакан недопитого чаю с лимоном, рядом сухарики на тарелочке и недорезанная половинка лимона, распространившая

по всей трехкомнатной квартирке острый, может быть, слишком острый свой запах. Тут же рядом — телеграмма из Тифлиса... «Это ваша телеграмма?» «Да, да, да — моя, моя!».

Осмотр квартиры ничего не дает: да это и естественно, раз его видели целым и невредимым в поезде. Пытаются выяснить у Борщевского, что ему известно. Какие люди у него бывали? Он не знает... Судя по его письмам, у него друзей не было. Может быть, служебные знакомые. Немного замаявшись: «Он жил... с одной... Евгения Георгиевна Джава ла». — «Вам адрес ее известен?». — «Да, да». — «Немедленно съездить туда». Петров, которому на первых же порах работы в ГПУ пришлось принять непосредственное участие в этом трудном деле (председатель сразу понял в нем очень дельного работника), вместе с двумя старыми сотрудниками, захватив с собою Борщевского, помчались в конец Меркурьевской улицы. Два агента угрозыска остались на месте.

В автомобиле Борщевский заметил: «она живет со старушкой матерью, я с ними знаком. Не стоит пугать бедную. Лучше войдемте вдвоем, и я при вас спрошу, не знает ли Женя чего-нибудь о Николае».

Петров согласен. «Хорошо. Но вот еще... Вы сами не можете ничего предположить, никакой подкладки этого убийства?»

— «Нет, нет... Хотя, впрочем... Позвольте, погодите... Единственное, что я могу предположить... Хотя...»

— Ну, не мямлите. В чем дело?

— «Да вот... Я был здесь недели две тому назад, и он мне говорил в случайном разговоре, что он работает над открытием колоссальной важности. Он всегда очень скромн, но тут страшно, необычайно вдохновился... Говорил о том, что если его открытие попадет в руки трудящихся, то оно будет солнцем, которое озарит все человечество. Наша победа во всем мире обеспечена. Но в руках капиталистов это наша смерть. Мне страшно подумать: что, если это и стало причиной его гибели?... Но ведь он никому об этом не говорил. Это никто не может знать. Мне, единственному другу, он ведь тоже не сказал, — в чем заключается его откры-

тие. Может быть, только Женя знает...» Нахмурился Петров. Сильней застучало сердце. Скорей, скорей! Но машина уже хрипит у подъезда небольшого серого дома.

Чистенькая, очень чистенькая старушка: «Нет Женички, нет ее дома. Она, верно, у Николая Трофимовича. Эх, хоть бы поженились они! А то так болит мое сердце! А вчера Женичка ездила в Баладжары к тетке. В 6-ом часу вечера зашла домой, побывала у меня с часик и пошла к Николаю Трофимовичу...» Большая собака, помесь овчарки и сенбернара, вошла в комнату. Почуяв незнакомых, глухо зарычала. «Молчи, Абрек», зацыкала на нее старушка. — «Это его собака, Николая Трофимовича. Женичка ее очень любит. Она у нас иногда по несколько дней живет. Вот уж теперь который день здесь околачивается. Недели две, должно быть... Я-то ее, признаться, даже и боюсь: все-таки пес, псине и на уме. Так вы уж поезжайте к нему прямо. Там их обоих и застанете. Там она, там. Ох горе мое с ними!...»

Дело захватывает Петрова все сильнее и сильнее. Хорошо знакомая всем, кому приходилось распутывать нити преступлений, лихорадка овладела им. Скорее, скорей! Автомобиль полным ходом — обратно. Петров — Борщевскому: «О ваших предположениях об изобретении Утлина — никому ни слова. Поняли?!»

Агенты уголовного розыска, оставленные на Крепостной 7, сообщают Петрову: «Мы пока допросили швейцариху (швейцар недели две, как болен). Она по утрам прибирала квартиру Утлина и вечером ставила ему самовар. Обедать он не дома. Она показала, что Утлин почти никого к себе в дом не водил, за исключением своей любовницы, Евгении Георгиевны Джавала, да последние две недели к нему захаживал молодой человек, фамилии которого она не знает. Слышала, что он спас Евгению Георгиевну от каких-то хулиганов. Кто вчера был у Утлина, она сказать не может, так как мужа сильно скрутило и она почти не выходила на лестницу. В четвертом часу инженер Утлин сказал, что уезжает по делам в Ростов, неожиданно, и записочку Евгении Георгиевне оставил. Часу в седьмом Евгения Георгиевна приходила, записочка ей была передана и она под-

нялась наверх. Когда уехал Утлин и когда ушла Евгения Георгиевна — она не видела. Сегодня она, швейцариха, только что пришла из стражассы...»

Управдом показал, что к нему Утлин зашел тоже в четвертом часу и предупредил, что на пару дней уезжает, а в 8-ом, сильно торопясь, уехал на вокзал.

«Спасибо, товарищи! Теперь вы свободны. По некоторым соображениям ГПУ принимает это дело всецело в свое ведение. Дайте сюда допросы. Так... и доложите».

И снова приступили к внимательному осмотру квартиры. Вскрыли закрытые шкафы в кабинете и маленькой лаборатории, перерыли все в спальне: все в порядке. Только в один сундук как-то чересчур поспешно, как при внезапном отъезде, свалены кое-какие носильные вещи. В спальне все в порядке. В письменном столе, насколько можно судить, не тронута ни одна бумажка. Нет, положительно, в квартире искать следов преступления нечего; но Петрова теперь интересует уже и другое: нет ли здесь каких-либо следов таинственного изобретения молодого химика? «Нет Утлина; но у нас в Союзе немало талантливых ученых: может быть, его работу сумеют докончить?» Петров собирает всю его переписку, все деловые бумаги. Но, по крайней мере, при беглом осмотре, ничего необычного обнаружить нельзя: ни записей работ, ни дневника. В маленькой лаборатории — обычные колбы, реторты, кипповские сосуды и набор самых простых реактивов. «Нет — или отсюда все похищено, или это он спрятал где-нибудь в другом месте...» говорит Борщевский. — «Он был очень осторожный человек».

— Наверяд ли похищено. Абсолютно никаких признаков грабежа...

— Пожалуй... Раз он действительно собирался уехать в Ростов... Не отняли ли это у него по дороге?...

Но Петров несколько недоволен сбивающими ход его мыслей рассуждениями: «Ну, очень благодарен... Вы сейчас нам больше не нужны. Зайдите завтра утром в ГПУ. Пропуск я вам выплню».

Борщевский откланивается, он хочет идти... Но в этот момент кто-то скребется в дверь. Сильнее и сильнее. Петров делает движение, чтобы посмотреть, в чем дело... В то же мгновение створки двери распахнулись, и собака Утлина, — лохматый, пятнистый огромный пес, ворвалась в комнату. На одну секунду он остановился у двери, нюхая пол, потом с внезапным рычанием, повернувшись на месте, бросился назад по лестнице. Петров не успел еще крикнуть: «За ним», как в комнате никого уже не было. Опытные сотрудники не нуждались в указаниях.

Абрек — по лестнице, на улицу. В горле его клокотало злобное рычание. След виден дальше по тротуару к мостовой; затем теряется. Животное остановилось, повертелось на месте и вдруг, снова отчаянно зарывчав, назад, в дом.

— «Ну, что?» — «Да ничего. Очевидно, проводил хозяина по следам до извозчика и прибежал назад».

Пес опять, точно тоже что-то расследуя, осторожно нюхая воздух, вошел в комнату. Оглядев и обнюхав незнакомых, — вдруг подошел и лег у ног Петрова. «Ну что, уминица, что? Где же твой хозяин?».

Морда Абрека поднялась кверху и, ни на кого не глядя, полузакрыв глаза, собака завывала вдруг страшным, тоскливым, волчьим воем, таким, от которого волей-неволей ползут по спине мурашки даже и у людей не робкого десятка.

Напряженные нервы Борщевского не выдержали. «Да что это она! Замолчи ты, животное. Что она, с ума сошла?»

«Да нет, по хозяину... Или... или чует что... Да еще этот лимон проклятый. Или это духи такие? Никогда не слыхал, чтобы небольшой лимон...» Не договорил и оборвал. С ужасом уставился на собаку. Вся шерсть у нее на спине встала дыбом, она ощерилась. Точно завидев врага, пес поднялся и, припадая к полу, крадучись, пополз к стене комнаты... Вдруг вскочил и, словно бешенный, начал кидаться, прыгать, сдирать зубами обои, визжа, подвывая, рыча...

Петров вскочил. «Как я не догадался раньше! Эх...»

Молотком по стене — звук металла. Обои прочь: стальная дверь, несгораемый шкаф. Как хорошо заделано. Совершенно незаметно. Ручка в углублении. Поворачивается лег-

ко и дверь открыта. За ней другая, совершенно сплошная. Только посредине, в глубоких пазах, три белые кнопки. А из четвертой что-то торчит. Что такое? Вот так... Ах, черт возьми!

Человеческий палец, оторванный до третьего сустава... Сочится сукровица. Пес воет, не переставая.

Петров, к которому собака почувствовала какую-то симпатию, ласково гладит ее: «Погоди, погоди, Абрек. Сейчас откроем». Но у самого в ожидании разгадки застучало в висках, а открыть не так просто. «Буниат-Заде, немедленно привези сюда нашего специалиста. Но только — язык за зубами. Если спросит случайно председатель — приеду и доложу сам».

Через полчаса мастер с автогенным аппаратом на месте. «Ну, начинай. Только смотри, осторожно! Там могут быть важнейшие документы». — «Знаю, знаю, товарищ Петров. Я вам, хотите, пуговицу на френче расплавлю, — сукна не испорчу». — «Ну, не остри...» — «Да я к тому, что у нас аппарат усовершенствованный». — «Работай, за дело, не трепли языком!».

Медленная и осторожная работа. Больно глазам. Пламя ослепительным язычком выгрызает необходимое отверстие. Все, сгрудившись, дожидаются результата. Даже Абрек затих.

Готово. Распахнули дверь и вдруг... о... вдруг, оттуда прямо на руки к близко подошедшим, — безжизненное женское тело... Разорванный легкий синий костюм, черные волосы растрепаны. Все вскрикнули. Абрек завыл, бросившись вперед, стал тыкаться мордой в лицо найденной... И общий говор покрыл истерический голос Борщевского: «Женичка, это она, она!...» Хрупкую маленькую женщину положили на диван. Скорей, доктора, доктора. Глаза закрыты, сердце не бьется. Дыхания нет. Поможет ли доктор? Жалобно воя, Абрек лижет крошечную, безжизненную ручку.

Несгораемый шкаф пуст. Ни одной бумажки, ни одной записки... Ничего.

Мастер осторожно пытается извлечь из паза зажатый в нем палец.

В кармане синего костюма Евгении Джавала найдена записочка: «Женичка! Я совершенно неожиданно вынужден сегодня же уехать на пару дней в Ростов. До отъезда еще масса дел. Должно быть, не увидимся сегодня. Борщевский приедет сегодня вечером или завтра днем. Пусть меня дожждется. Ты его прими и устрой. Не скучай, моя радость. Крепко тебя целую, твой Коля».

Внимательно хмурится пред. Аз. ГПУ во время доклада Петрова. «Да, да. У меня уже есть сведения, что Утлин был весьма дельным работником ВСНХ. Только что получил отпуск для самостоятельной работы, суть которой держал в тайне. Над этим надо бы поработать. Возьмите себе в помощь Козловского. Очень опытен в уголовной работе. Ежедневно докладывайте непосредственно мне».

Ну, а что слышно в особняке на Кетлер-Стрит? Дождался ли, наконец, благоприятного сообщения сэр Вальсон, или пошел спать; ждет ли один Стон, кусая ногти, в тщетной ярости и бессильной злобе... на кого? А может, дежурный помощник Брука уже давно расшифровал все, что было нужно, и все, удовлетворенные, разошлись? Ничего не видно за плотными клеенчатыми шторами. Они хорошо пригнаны и туго натянуты. Ни один ненужный взгляд не проникнет за них.

Так. А наш Шах-Назарьянц? Шах-Назарьянц едет об-

ратно в Баку. В арестантском вагоне везут Шаха. Позабыл про сон глава торгового дома, ворочается, вздыхает... А рядом по проволоке обгоняет его вагон-телеграмма: «Баку, ГПУ, уполномоченному Петрову...»

Давно за полночь, а упрямый Кривцов все еще сидит за письменным столом над таинственной шахматной диаграммой. Сказывается школа товарища Бориса: «Нет такого шифра, которого нельзя было бы расшифровать, когда того требуют интересы Республики!»

Новая загадка... Раз двадцать пожал плечами удивленный тов. Петров, получив эту телеграмму: «Во исполнение вашего распоряжения за № 3714/соч. сообщаю: дежурная телеграфистка ст. Ялама 10 ч. 07 м. 15/3 приняла телеграмму: 13 слов. “Тифлис — Комитет Краеведения — Борщевскому. Если не выехал, жди извещения. Я Ростов экстренно. Николай Утлин”. Телеграфистка Тренева хорошо запомнила подателя: серое пальто, пенсне в черепаховой оправе, рыжеватая борода. Совпадают приметы пассажира места № 11».

10 час. 7 мин.? — Но ведь труп обнаружен в Порт Петровске в 9 час. 40 мин. Может быть, опечатка в телеграмме... Надо запросить.

Не успел отдать распоряжения, — принесли вторую телеграмму: «Дополнительно сообщаю: Отправитель депеши за подписью Николай Утлин поездом № 6, в 11 час. 23 мин., того же 15 марта выехал Ростов».

Председатель распорядился послать сообщение в Ростов о розыске и наблюдении. Утлин жив. Но кто же тогда убит, и кто же убийца?

«Тов. Петров, прибыл труп убитого Утлина. Приедете посмотреть? Без вас не распаковывали. Что? Нет, фотографий нет. На месте вряд ли мог быть аппарат».

«Тов. Петров, к Вам Борщевский. По делу Утлина. Пропустить?». — «Да, да. Как раз кстати». Положил трубку. «Надо с ним поехать посмотреть труп. О, черт их дери совсем. Ничего не понимаю. Может быть, это и не Утлин совсем убит, а кто-нибудь, похитивший у него документы... Или Утлин убийца?... Нет, уж это кажется совсем дико. А впрочем, чего не бывает?»

Сейчас откроют ящик и вынут большую банку с заспиртованной головой. Страшно нервничает Борщевский: жутко видеть голову, а особенно голову того, кто был так дорог и близок! Нет, он не может смотреть, он закрывает глаза!...

«Ну, возьмите же себя в руки, товарищ! Вы должны понять, что от вашего опознания зависит многое».

Но что это? Не на что смотреть! Опознавать нечего. Голова в банке будто бы опалена огнем. На обнажившемся местами черепе отдельные клочки мяса. Нет носа. Ни признака бороды и волос на голове. Что это значит? Неужели не сумели законсервировать? Какое несчастье! Какое несчастье, — но делать нечего. Опознание невозможно. «Едемте, товарищ Борщевский».

Если бы кто-нибудь допросил мальчишку на станции Ялама, торговавшего чучелой при проходе скорого «Баку-Москва», он, может быть, сумел бы рассказать, как высокий, в сером пальто, в пенсне, вышел из спального вагона, дал ему три рубля, — отправить телеграмму в Баку, — сдачи не надо — взял у него квитанцию, зашел в буфет и, когда тронулся поезд, сначала, как будто, хотел нагнать его, но потом, видно, передумал и, махнув вслед буферным фонарем рукой, спросил его о ближайшей гостинице.

А кого нужно было допросить, чтобы узнать, что делал дальше этот странный в сером? Заспанная горничная, проводившая его по темной лестнице и коридорам до грязного номера, не смотрела в его лицо. Уплатил он за номер вперед, документов оставлять там было не принято, и под утро ушел он, как и пришел, тоже не возбуждив ничьего любопытства.

А кого расспросить, какие документы достал он и долго рассматривал в номере, какие у него тогда были глаза и как он улыбнулся, и вообще, зачем он слез со скорого, чтобы снова сесть в почтовый, в том же направлении? Неужели только затем, чтобы отправить две телеграммы; одну через мальчишку неграмотного в Баку, другую — утром, лично, в Тифлис?... Кто его знает, зачем все это ему понадобилось?...

На утреннем докладе. Петров у председателя.

— «Первое сообщение из Ростова. 16 числа инженер Утлин, на основании представленных документов, получил доступ к записанному на его имя несгораемому ящику во 2-м Отделении Госбанка. Служащий, проводивший его в помещение сейфов, при допросе показал: были представлены все требуемые документы, и, кроме того, Утлин лично ему известен по своим неоднократным посещениям банка во время его служебных командировок. В данном случае, по открытии ящика, пользователь находился возле него около часа, просматривал и проверял документы (ценностей у него там нет) и затем, не вынув ничего, ушел. Бумаги из ящика Утлина не могут быть изъяты без вашего распоряжения».

— Документы изъять, препроводить сюда. Ну, а что, вы выяснили причину странного разложения трупа?

— Производится экспертиза. Исследование еще не закончено, но эксперты склонны предположить, как причину смерти Утлина, присутствие какого-то неизвестного яда,

вызвавшего такой неожиданный эффект. Заключение будет дано, конечно, в письменной форме.

— Ну, что еще?

— Жду дальнейшего сообщения от агентов Ростова. Им предписано во что бы то ни стало разыскать человека, бывшего в банке.

Долго еще расспрашивает пред. ГПУ и о несчастной Евгении Джавало, и об оторванном пальце, и о славном псе Абреке, перешедшем во владение Петрова.

«Начальнику Ростовского ГПУ. Копия ГПУ Азербайджана. От Ростовского Уголовного Розыска.

Согласно вашего предписания, доношу о произведенном мною совместно и в связи с № 6 наружном наблюдении по делу инженера Утлина...»

Дальше следовало вот что:

Трудная задача предстояла наряженным агентам. Предложено было во что бы то ни стало разыскать и задержать человека по предъявленным фотографическим карточкам и приметам. С раннего утра принялись они за это нелегкое дело. Город был разбит по районам. Ни в одной гостинице, ни в одной частной квартире за эти дни не прописывался Николай Трофимович Утлин. Ни в одной из гостиниц, которые успели обойти агенты, не останавливался гражданин, похожий на фотографическую карточку. Ни опрос швейцаров, папиросников и милиционеров, дежурящих у 2-го отделения Госбанка, ни другие способы не дали никаких результатов. Некоторые видели такого. Пошел, — кто говорит — направо, кто — налево, а впрочем, хорошо и не приметили... Казалось, все методы были использованы. Может выручить только случай.

В первом часу дня агент № 17, идя по ул. Энгельса, вдруг столкнулся лицом к лицу с высоким в сером пальто, с бородкой. Столкнулись они вплотную: агент прямо наскочил на него. Тот вежливо отстранил его левой рукой и

продолжал свой путь тем же размеренным шагом. Дав ему отойти, агент повернулся и, не отставая, — за ним. Вскоре оба скрылись, вынырнув из толпы, в одном из переулков. «Ну, посмотрим, куда ты пойдешь? Теперь-то ты от меня не скроешься».

Улыбнулся случай и второму агенту. Около часа или в начале второго ему показалось, что на автомобиле мимо проехал Утлин. Он готов был держать пари, что это он. Да, но поймай! Обойдя гостиницы, пивные и многие другие места в своем районе, — он бесцельно побрел к городскому театру. И вдруг остановился. Утлин вышел из подъезда театра... Серое пальто, рыжеватая растительность на лице... Выходя, снял пенсне, разгладил бородку, закурил папиросу, положил пенсне в карман и медленно пошел по улице.

Агент тихонько за ним. Вдруг преследуемый повернулся, посмотрел назад; не то подозрительно ему показалось, не то вспомнил что-то, — быстро подошел к извозчику и вскочил в пролетку. Другого извозчика нет. Значит, — бегом, следом, прячась за выступы зданий. К счастью, лошаденка — плохенькая. Наконец, свободный извозчик. Вскочил: не отставай. Эх, ускользнет, чего доброго... Э, была не была. Хоть и не совсем то по инструкции, — нагоняй. Нагнал. За рукав схватил, как поравнялись..

У проходного двора встретились самые удачливые из агентов, случайно знакомые. 13-й, запыхавшийся, выскочил из какой-то подворотни; другой спокойно вразвалку:

- Ты куда?..
- Да за ним. Я уже с час бегу!..
- Брось!..
- То есть?..
- Я тоже за ним бежал!..
- Ну?..
- Ну... Нагнал.
- Ну... и?
- За рукав схватил!
- И?...
- Председатель Сорабиса Колесников!
- Обознался?!

- Две капли воды! И ты за ним бежишь.
- А как одет?
- Как полагается.
- Какие ботинки?
- Рыжие.
- Ну вот. А у моего лаковые.
- Батюшки! Значит, твой настоящий!

Весь разговор на ходу, из подворотни в подворотню. Но, должно быть, закрутил он их проходными дворами. Упустили!

«...В последующие дни ни одному из агентов не удалось ни разу не только видеть, но даже напасть на след инженера Утлина. На основании изложенного прошу вашего разрешения прекратить наблюдение за бесполезностью».

Сотрудники Ростовского ГПУ, получив бумажку из ГПУ Азербайджана, прибыли во 2-ю контору Госбанка для изъятия содержимого сейфа, принадлежащего инженеру Утлину. Формальности выполнены. Старичок служащий, тот самый, что водил несколько дней тому назад самого Утлина, словоохотливый старичок, бренча связкой странной формы ключей, похожих скорее на воровские отмычки, повел их в стальную кладовую.

Длинное коридорообразное помещение, сплошь как бы облицованное серыми стальными шкатулками.. «Вот где прочно-то! И рад бы вынуть, да попробуй-ка».

— Да, да... Насчет этого можно быть спокойным у нас... А вот и № 623 — инженера Утлина...

— Ну что же, приступайте, товарищ...

Старичок медленно, шаг за шагом, как бы священнодействуя, приблизился к ряду металлических сот. С легким, музыкальным звоном поворачивается в замке ключ... Распахнулась одна дверца, потом другая... Закружилась старая, в седом бобрике голова. Колени его, слабея, подогнулись и он сразу, как мешок, опустился на землю.

Что, что, такое? Что случилось?

Двое или трое бросились на помощь, но почти тотчас же, задышавшись, зажимая носы, бросились обратно.

Острый, приторный, душный запах, будто аромат баснословного лимона, плотным слоем ваты закрывает нос и рот, ползет в горло, протекает, просачивается под зажимающие нос пальцы. Бежать, бежать, пока не поздно! А седому старичку поздно. Не привелось умереть в своей постели.

Вызвали отряд Авиахима. Весь вечер, всю ночь до утра работали мощные вентиляторы и воздушные насосы. И только к утру в стальной корридор решились спуститься люди в масках. Свежий воздух выгнал пряный аромат лимона.

А в несгораемом ящике № 623 нет ничего. Только маленькая кучка зеленого пепла...

В деле о таинственном убийстве пассажира плацкарты № 11 остается все меньше и меньше материала. Не успели эксперты еще закончить своей работы, как от трупа, также как и от документов сейфа инженера-химика Утлина, остался только грязнозеленый пепел.

Дело о трех таинственных желтых чемоданах становится делом чрезвычайной важности. Центр направляет в Баку и Ростов лучших своих специалистов-химиков для исследования природы «лимонного газа».

При внимательном исследовании кучки пепла, оставшейся от всего содержимого сейфа № 623, найдена крошечная ампулка. Эта ампулка и тело несчастного старика-бухгалтера, и еще наблюдения над медленно поправляющимися от тяжелых легочных заболеваний сотрудниками Ростовского ГПУ, — жертвами сейфа 623, вот и все, над чем могут быть произведены попытки изучения.

Сегодня большая работа у Брука. Вот уже восьмой час, как он и три его помощника, не разгибая спин, составляют причудливые группы, комбинируют, располагают по им одним ведомым законам, бесконечные ряды цифр...

Сегодня большая радость у виноторговца Шах-Назарьянца. Утром, когда грустный сидел он у маленького окошечка в своей камере в Баиловской Бакинской тюрьме и думал, что никогда больше ему не пить легкого кавказского вина и не торговать восточными сладостями под прохладной тенью своего магазина, — в это самое время зашел ключ в замке. — «Выходи, старик!» «Ах, боже мой, боже! Неужели опять допрос? Ничего он не знает. Как он может сказать, — может, и он убил? Пьяный человек — без ума человек. Пьян был, — ничего не знаю». «Куда идти?» — «Домой. Ты свободен, гражданин». Большая, большая радость у Шах-Назарьянца!

В изящной комнате огромного роскошного номера гостиницы «Интернационал» в Тифлисе на проспекте Руставели, на низенькой, длинной кушетке, с книгой в смугловатой ручке, очень тонкая, очень гибкая, — не то девушка, не то молодая женщина. В списках отеля и по документам она значится Валентиной Степановной Яковенко. Иногда она говорит, что ее муж — комиссар бригады в Харьковском округе, а она живет на средства своих родителей. В другой раз, что она — бывшая артистка киевской оперы: благо, голосок маленький есть. И много других про запас есть у нее историй и сказок. И только одна старая Нина, верная служанка, знает правду. Валентиночка, маленькая певчиха варьете, любовница и рабыня бывшего князя офицера-гвардейца Брегадзе, денкинца и врангелевца вчера, англий-

ского шпиона — сегодня. Такая же рабыня, как старая Нина.

Скучает и злится Валентина, целыми днями валяется на кушетке. Не любит она Брегадзе и боится его и дрожит перед ним. Вот теперь он куда-то исчез, — ни строчки, ни весточки. О, как она его ненавидит: это он научил ее быть такой, чуть ли не хлыстом заставил ее стать шпионкой.

О, она не заплачет, когда его расстреляют! Старая Нина пошла сегодня в условленное место — «их» почта; сегодня будет письмо от князя. На опасную работу уехал.

На Советском проспекте, д. 24 в Ленинграде, в маленькой комнатке, вернувшись со службы, скучает Вера. Давно нет писем от Феди. Такой уж он: работа его целиком поглощает. Хоть и сердится на него Вера, но все-таки вот сейчас сядет и напишет ласковое письмо. Конечно, работа прежде всего!

В ГПУ, в Баку готовятся к большой работе: все силы брошены на дело трех чемоданов, на путь борьбы со страшным «лимонным газом».

А в особняке на Кетлер-Стрит радостный день: Брук расшифровал бесконечные ряды цифр. Вальсон радостно и поощрительно Стону: «Все идет отлично. Приготовьте на завтра подробный доклад, — будут присутствовать все. Мак-Кину выдать тройное вознаграждение».

Борьба только начинается.

Глава III.

«Запах лимона»

Стону назначено явиться с докладом в Кетлер-Стрит ровно в девять. Всегда спокойный, Стон сегодня, кажется, несколько взволнован. Еще бы! Сегодня, как-никак, совсем особенный день. Сегодня он удостоился чести делать доклад, непосредственный доклад, настоящим хозяевам и особняка на Кетлер-Стрит, и сэра Вальсона, и его министра. Сегодня он увидит тех, чьи щеки манят за собой, но и подстегивают, как хорошие бичи, всех этих безликих Н. 17, БН. 37, Мак-Кинов и многих других, никому, даже друг другу, неизвестных, но крепко связанных между собою прочными нитями. И, конечно, прочнее карабельных тросов они держат фунты стерлингов, склеенные кровью.

Стон хорошо выдрессирован. Его лицо даже не выразило удивления и разочарования: «Стон, они пожелали, чтобы доклад делал я. Передайте необходимые материалы». Хозяева, очевидно, не хотят, чтобы еще один слуга знал их в лицо. О, это все чрезвычайно уважаемые люди, а в грязном деле всегда лучше иметь поменьше свидетелей.

Стрэнд, 101-103, ресторан «Симпсон».

Если кто-нибудь заглянет в кабинет № 16 (навряд ли кого-нибудь допустят близко к его дверям фешенебельные лакеи), — обычная картина чинного, благопристойного, делового ужина. Их шестеро. Черные фраки. Тонкая закуска. Легкое вино, чтобы не дурманило головы при коммерческих расчетах; безличный, спокойный, ослепительный электрический свет.

Много видевший метрдотель взволнован. Что завтра будет на бирже? Ведь не зря, не просто поболтать заняли

самый дорогой из всех дорогих номеров эти пять хозяев Сити. На повышение или на понижение? Два подслушанных слова могут дать наутро миллионы.

Нет, не сегодня и не завтра рассчитывают они потрясти мировую биржу. И не в известных ценных бумагах дело на этот раз. «Красным по белому, или белым по красному...» Торжественный, над давно потухшей сигарой, вот уже больше получаса докладывает Вальсон: о борьбе Мак-Кина за Н.Т.У. (фамилии хозяев не интересуют).

— Хотя опасность расшифровки не представлялась нам серьезной, но осторожность не позволяла медлить. Мы оставили попытки каких-либо переговоров и пришлось его устранить. Химик Утлин убит. Отравлен. Да, нашим ядом. Случилось так, что пришлось убрать с дороги и его сожительницу. Она была брошена в несгораемый шкаф, но, к сожалению, не успела задохнуться, извлечена еще живой, но сумасшедшей. Безопасна. Сейчас в сумасшедшем доме в Баку. Все документы Утлина изъяты и доставлены мне. К сожалению, точного местонахождения вещества из этих записей установить нельзя. Найденный план охватывает довольно обширный участок — примерно квадратный километр, или около того, лесной площади. Вот тетрадка записей инженера с дневником произведенных опытов. Вот перевод на английский язык. Если я вас не утомил, господа, то разрешите ознакомить вас с его заключениями о колоссальной силе открытого им вещества и с его наивными мечтаниями относительно той пользы, которую он принесет большевистскому Интернационалу.

Долго еще не решается постучаться в герметически закупоренные двери кабинета № 16 метрдотель, и долго еще, — а ведь время — деньги, — внимательно слушают пятеро хозяев Сити доклад сэра Вальсона об изумительном открытии русского химика Утлина.

Свирепый Абрек спокойно лежит у ног своего нового хозяина, Петрова. Поздняя ночь. Пора спать. Абрек не понимает, почему это хозяин все сидит, задумавшись, в кресле: «Скажи мне, псина, кто убил твоего хозяина?»

Абрек будто понял. Завыл жалобно, морду опустил и хвостом, словно отрицательно и недоуменно, замахал. Потом сел и, глухо лая, начал скрестить себе грудь и брюхо. Но вдруг, только Петров захотел его погладить, вскочил и, злобно рыча, отошел в угол. Видно, старого хозяина вспомнил.

Недаром до поздней ночи, задумавшись, сидит Петров, — дело о таинственном убийстве инженера Утлина не подвинулось ни на шаг. Единственный человек, кто мог бы дать хоть какую-нибудь нить, — Утлиновская Женичка — обречена всю свою жизнь провести в сумасшедшем доме. Врачи говорят: надежды нет никакой. Целыми днями она бормочет бессвязные слова... Где искать ключ? Но дело об убийстве Утлина должно быть раскрыто во что бы то ни стало. Осталась еще одна, маленькая надежда — профессор Стрешнев хочет попытаться под гипнозом заставить Женичку говорить. Этот опыт будет произведен на днях.

Доклад сэра Вальсона произвел сильное впечатление. Метрдотель не узнал бы сейчас чинных, строгих гостей кабинета № 16. Черные фраки возбуждены. Размеренные голоса утратили учтивость. Сэр Вальсон едва успевает отвечать на вопросы... Все отлично. Но оставить ее в живых, это непростительная ошибка! Она должна быть исправлена... Сумасшедшая может стать нормальной и... Сэр Вальсон успокоил хозяев — приказание будет выполнено. Сегодня же ночью дежурный помощник Брука бросит в Баку четкие таинственные цифры.

Старая Нина будит заспавшуюся Валентиночку. «Проснись, проснись. Приехал. В 46 номере остановился». Сразу отлетел ласковый сон... Скорей вставать, одеваться... Валентиночка не хочет, чтобы он застал ее в постели — она боится и не хочет его ласк.

Властный, уверенный стук в дверь. Он сам. Брегадзе — высокий, стройный, с такими неприятными, наглыми, прищуренными серыми глазами, на помятом, видно, привычном к гриму, лице.

«Приготовься, соберись. Мы завтра вечером едем в Баку. Сегодня свободный вечер — можно кутнуть».

Валентиночке хочется крикнуть: «Нет, довольно! Никуда не поеду! Перестаньте меня мучить! Я больше не хочу помогать вам в ваших гадостях». Но спокойно и повелительно смотрят наглые глаза и всем своим существом робко сжимается Валентиночка.

«Впрочем, я не знаю. Может быть, тебе придется еще остаться на некоторое время здесь. Надо было бы тут еще одним человечком подзаняться. Завтра увидим. Утро вечера мудренее».

Много людей надо успеть за день повидать Брегадзе. С утра приходил и какой-то торговец коврами, и представитель автомобильной фирмы, и театральный агент. Разными коммерческими делами занимается постоялец № 46, представивший в контору гостиницы документ на имя Сатановского из Баку... Надо еще успеть в кафе и за партией-другой в нарды перекинуться нужными словами с одним из посетителей, который сегодня не уйдет из кафе, пока не дожидается Брегадзе. Надо сходить в две парикмахерские, — в одной побриться, а в другой немного подстричь волосы, и между болтовней парикмахеров о базарных сплетнях, о погоде — от одного узнать некий адрес, а другому бросить несколько фраз повелительных наклонений и в ответ поймать тихое, но по-военному четкое — «есть».

Брегадзе не заходил ни в один конфетный магазин, но уверен, что завтра ему будет прислана большая коробка конфет, которую он даст Валентине, предварительно вынув небольшой конвертик. Когда Брегадзе уверен, это значит, что

он не ошибется. По крайней мере, так было до сих пор. И наутро, действительно, мальчишка из кондитерской принес в № 46 большую коробку конфет. А минут через пятнадцать телеграфный рассыльный принес срочную длинную и немного нелепую телеграмму из Баку.

Брегадзе долго читал телеграмму, внимательно изучал бумажки, полученные в конфетах и, коробки Валентиночке не занеся, быстро отправился в город.

Целый день проскучала Валентина — не смей пойти даже погулять — такое распоряжение передала ей старая Нина. — «Ждать!»

Только к вечеру вернулся в свой номер. Удивительно. Когда его нет дома, его ни один человек не спросит. Долго и аккуратно писал какое-то письмо, вложил в конверт, написал адрес и, не запечатывая, отнес к Валентине.

Когда Брегадзе через 40 минут вышел от Валентины, уже запечатанное письмо осталось на столе, а Валентина бросилась на кушетку, заплакала горько, как обиженный ребенок, и встревоженная старуха долго не могла ее успокоить.

С вечерним на Баку уехал недолго гостивший в Тифлисе жилец из 46 номера, а Валентина осталась исполнять его поручения.

В кабинете председателя Аз. ГПУ начальник отделения тов. Бибабаев, уполномоченный тов. Петров и сам председатель нагнулись над письменным столом. Тов. Бибабаев докладывает:

— Документы, привезенные тов. Петровым из Ленинграда, согласно инструкции, до передачи в шифровку были дактилоскопически исследованы. На желтых чемоданах, в которых был обнаружен труп Утлина, среди других отисков пальцев, найдены оттиски, совершенно одинаковые со следами на документах, привезенных тов. Петровым. Мы произвели исследование и на теле несчастной подруги Ут-

лина, исследовали и палец, защемленный в несгораемом шкафу. Поразительный результат! Это одна и та же рука. На документах все пять пальцев, а на шее женщины четыре пальца правой руки и на чемоданах пять пальцев.

— Чрезвычайно важный результат! Таинственные документы и убийство Утлина дело одной и той же организации. Как дела у Кривцова с расшифровкой?

— К сожалению — никак. Это, очевидно, безнадежные попытки.

— Если бы жив был Борис, он бы раскусил. Впрочем, может быть, и Кривцову удастся. Он упрям, как черт...

Старая Нина сегодня опять рано, рано разбудила Валентину: барин велел... К десяти часам ей надо уже быть на месте по делу. Несмотря на принятое ночью решение никуда не идти и ничего не делать, молодая женщина чувствует, что не в силах сопротивляться... О, проклятый, проклятый!... Хоть и нет здесь около нее его холодных глаз, все-таки словно чувствует она на себе его пристальный взгляд, не мигающий, злобно-равнодушный.

Но вдруг вспыхивает маленькая надежда... Ах, вот... Можно ведь пойти на улицу, пойти, куда глаза глядят... и... вовсе не вернуться. Наивные мечты, детские глупости!...

У двери в гостиницу ей поклонился приятель Брегадзе, тот самый, который ждал бы его до вечера в кафе, пропустил ее вперед и, не скрывая, что следит, пошел за ней сзади следом. Наивные мечты... Попробуй только свернуть в сторону, — он внимательно смотрит на ее спину. Последняя попытка сопротивления — Валентина сворачивает в переулок. Но он уже рядом, опять вежливо поклонился: «Сударыня, может быть, вы плохо знаете дорогу?»

Лучшие силы русской химии в Ростове и Баку продолжают энергичную борьбу с тайной «лимонного газа». Трудно, почти невозможно, узнать что-либо. Материал исследования уменьшается с каждым днем. Так же, как труп Утлина, в тот же зеленогрязный пепел превратилось тело несчастного сотрудника Ростовского Отделения Госбанка. Самый пепел становится со дня на день более и более невесомым... Никакие реакции, даже самые тонкие, не дают ничего... Много побито химических стаканов, много бюреток испорчено и выброшено в помойную яму, а результатов все нет. Отравленные сотрудники медленно поправляются, но доктор вынужден признаться, что не его лекарства помогают им, а та сила приспособляемости человеческого организма, которая иногда одерживает верх даже над неизвестными ученым ядами.

Если бы химикам-профессорам как-нибудь попал в руки номер маленькой английской провинциальной газетки «Глазговский Герольд» с сообщением о бунте и о том, как недавно в загородной тюрьме неожиданно задохнулись 14 политических заключенных; если бы они могли слышать долго ходивший по тому городу слух, пущенный тюремными служителями, что на днях им пришлось закопать 14 гробов, которые так странно мало весили, точно покойники были из пуха, — тогда бы они, может быть, лучше бы знали, у каких ученых Европы надо наводить справки относительно химического состава некоторых удушающих газов.

Если бы Петрову сделалась известной странная история с молодым ирландским инженером О'Дэти, приключившаяся в эти же дни, он, вероятно, еще скорее, чем ученые химики, нашел бы способ узнать, что это за газ. Но как попадет в руки русских авиахимцев захудалая английская газетка? Откуда дойдет до них нелепая легенда о пуховых мертвецах? А истории с О'Дэти никто вообще еще не знает; да если бы ее и знали газетчики и журналисты, то все равно никому из них не удалось бы напечатать фельетон о том, как маленькие человеческие слабости могут быть причиной великих потрясений, и о том, что, если насморк На-

полеона послужил поводом для его Ватерлоо, то испорченное пищеварение директора знаменитой фабрики Уоллс-Воллс и К°, мистера Фаренгайта, могло привести к последствиям, несколько не меньшим. Как можно, страдая скверным желудком, оставлять сверху на письменном столе совершенно секретные бумажки?

КОПИЯ № 1375/169

Совершенно секретно.

Господину Военному Министру.

«...Действие газа “Цитрон-деббл'ю-5” необходимо проверить на людях. Благоволите сообщить о возможности приведения в исполнение.»

Директор: Артур Фаренгайт.
С подлинным верно: Секретарь Д. Хьюс.

Канцелярия
Военного Министра
Его Величества.
№ 7703/сек.

Весьма конфиденциально

Господину Директору
Уоллс-Воллс фабрики

Милостивый государь!

В ответ на Ваш № 1375/169 его Светлость Лорд Военный министр приказал сообщить, что, по соглашению его с министром юстиции, Ваше ходатайство подлежит удовлетворению. Необходимый материал будет предоставлен в одной из тюрем Королевства обоих Британий. Время, место и точные инструкции будут указаны дополнительно к сему.

Подписал:

Начальник 3-го Отделения

сэр Вальсон.

Бумажки в руках О'Дэти. Руки его трясутся. Ему кажется, что кабинет качается. Как они попали к нему в руки?

Сегодня мистер Фаренгайт вызвал его для доклада к себе. Мистеру Фаренгайту для чего-то понадобились сегодня из архива данные по испытанию «цитрона-деббл'ю-5» и Уильки, маленький клерк, принес их под мышкой в конверте с большой печатью. Мистер Фаренгайт нездоров сегодня. Рассеянно слушает доклад инженера, а распечатанные бумажки лежат перед ним обратной стороной кверху. О, эти острые индийские сои. Лорд Кеддльстон — большой гурман, у него замечательный повар, но его блюда слишком тяжелы для больного желудка мистера Фаренгайта.

«Простите, Дэти, я вас оставляю на минуточку».

И быстро, насколько позволило приличие, грузный директор покинул инженера.

Минуточка ожидания в кабинете у начальства тянется довольно долго. О'Дэти совершенно машинально перевернул белые листки, лежавшие перед ним. Проклятие!! Так вот для борьбы с какой саранчой три года напряженно проработал молодой жизнерадостный О'Дэти. А его глупая Кэт плакала над кроликами, которых он употреблял в прошлом году для опытов... Кролики... «Требуемый материал будет предоставлен...» Нет, так этого нельзя оставить!

М-р Фаренгайт, возвращаясь, в изумлении окаменел в дверях. Как в кинематографе, перед ним мелькнула длинная, типично ирландская рука инженера, хватающая документы со стола, затем и он весь, неуклюже-молниеносным прыжком бросившийся за дверь.

Хриплый крик Фаренгайта, тревожный звонок, полицейский сигнал с фабрики Уоллс-Воллс, свисток...

Если настроиться совсем на таинственный лад, то можно подумать, что нечто чрезвычайно странное и даже, пожалуй, жуткое скрывается за буквами «Сек. Э. О. К. К.». А в действительности Э. О. К. К. — это мирное советское учреждение в столице Союза Закавказских Республик: Эксплуатационный Отдел Комитета Краеведения. А «Сек.» — это секретарь отдела, приятель покойного Утлина, Борщевский.

Сегодня непривычно много посетителей в отделе и, как на грех, зав. отдела только вчера уехал на несколько дней в служебную командировку. Маленькой даме, изящно одетой, под легкой вуалькой, приходится долго ждать, пока освободится переобремененный работой секретарь. Но, насколько можно судить, она и не торопится особенно. Что это? Она в третий раз пропускает свою очередь? А между тем как ни устал Борщевский, как ни занят он своей серьезной и ответственной работой, но молодость берет свое. Он уже заметил хорошенькую посетительницу, такую необычную в этом техническом учреждении. Впрочем, он ничего не имеет против того, что она будет последней на приеме, когда за дверью уже не ждут нетерпеливые посетители, когда кончилось служебное время и можно даже поболтать... Борщевский, хотя быть может и легкомыслен немного, но все же работник дельный. Настолько дельный, что именно ему во время служебных отлучек заведывающий оставляет самые важные бумаги и самые ответственные поручения.

Но когда он вскрыл конверт, переданный маленькой ручкой в тонкой лайковой перчатке, — не до болтовни ему стало. Что за знакомый почерк? Каким образом? Не может быть! Да, да, сомнений быть не может. Так хорошо известная подпись с длинным вытянутым «у...» Ник. Утлин.

Дорогой друг!

Зная о твоей всегдашней доброте и любезности по отношению ко мне, направляю к тебе чрезвычайно милую барышню, — дочь нашего старинного семейного знакомого,

Валентину Степановну Петренко. Она трагически потеряла в те тяжелые годы свою семью и, совершенно случайно, находится в крайне тяжелых условиях на Кавказе. Не удивляйся ее приличной одежде, — это единственное, что у нее осталось. Прими в ней такое же участие, какое бы ты принял в моей сестре, — я ручаюсь за нее, как за сестру, и рекомендую ее тебе, как безусловно дельную и честную служащую и как очень славного человека, с которым тебе, надеюсь, будет приятно познакомиться поближе.

Искренне тебя любящий друг
Николай Утлин.

Мысли молодого человека спутались. Завертелись в голове известные со слов Петрова сообщения телеграфистки и история в Ростове, и это страшное безрезультатное опознание трупа.

Успокойтесь, Борщевский. Посмотрите внимательно на число. 29/11... Ну, вот, и все ясно. Письмо написано за две недели до смерти.

«Вы знаете, что Николай Трофимович убит?».

Вспыхнула. Слезы на глазах платочком вытирает. Да, она знает... Это так ужасно... Что ж, конечно, теперь письмо не имеет значения, она так и думала... так боялась...

Да нет же, нет, тем более! Он примет в ней самое близкое участие... Особенно теперь, когда Утлин умер. Это письмо равносильно завещанию. Где она остановилась? Прямо с вокзала? А где же ее вещи? Маленький чемоданчик здесь в приемной, и это все? А деньги? Как, и это тоже все? А ела ли она сегодня что-нибудь, в таком случае?..

Бедная Валентина Степановна совсем смущена. Сейчас опять брызнут слезы. Искренне добрый и отзывчивый Борщевский, действительно, принимает самое близкое участие. У его квартирной хозяйки найдется свободная комната, а сейчас живо идемте обедать.

«Одну минутку. Я сейчас соберу кой-какие документы и мы спустимся за угол закутить в скромном маленьком ресторанчике, где я всегда завтракаю».

А утром того же дня, совсем ранним утром, еще до рассвета, тяжелый паровоз-декапод привез Брегадзе в Баку. Человек в фуражке с автомобильными очками принял от него портфель на мокром от росы перроне. «Все налажено, мы можем ехать прямо туда». Они прошли прямо через гулкий вокзал, и большой красный десятицильный мотоцикл «Индиана» со спокойной застекленной люлькой урча понес сквозь утренний туман легко покачивающегося на пружинящихся подушках Брегадзе по смутным улицам, за город.

Днем Петров, заранее условившись, заехал за профессором Стрешневым. «Ну что, профессор? Попробуем сегодня вашу черную магию?»

По той же дороге, где утром мчался Брегадзе, оливковое Торпедо Аз. ГПУ вздымает сухую белую пыль. Помощник коменданта Алиджалов в глубине души уверен, что гипнотизм профессора Стрешнева — сплошное жульничество. Слишком уже немагические глаза у маленького, почти седого человека, беспокойно хватающегося за спинку переднего сиденья при толчках. Но, если бы профессор понял мысли подозрительного пом-коменданта, он бы добродушно рассмеялся, и если бы не бо верст в час, охотно и обстоятельно объяснил бы, как далек гипнотизм от чего-либо сверхъестественного, и что в чуде чтения человеческих мыслей так же мало чудесного, как в любой алгебраической задаче.

А Абреку все равно, наука ли это, жульничество ли. Абрек любит быструю езду и счастлив, что его взяли с собой в такое приятное путешествие. Высокий каменный забор, с перевесившимися через него густыми укусусниками с их тенистой листвой, ограждает психиатрическую лечебницу. Заведующий встретил их на крыльце, провел по разбегающимся дорожкам к маленькому флигельку, затерявшемуся где-то в конце сада. «Да, да, она под отличным наблюдением. Сиделка, санитар и ваш дежурный. Все сменяются в 12 час. ночи. Двери всегда заперты изнутри на ключ... Ну, да ведь вы все это знаете».

Звонок. Никто не отвечает. Еще звонок. Тишина. Что такое? Спать они не могут, не слышать невозможно: всего две комнатки, и первая непосредственно у дверей. Заведующий, обойдя дом, смотрит во все 4 окна. Но низко спущенные жалюзи не позволяют ничего рассмотреть за ними. Волнение. Еще несколько попыток достучаться... «Товарищи, здесь что-то случилось. Необходимо взломать дверь».

«Ни шагу вперед!» Из двери, взломанной общими усилиями, — пряно удушливый, хорошо уже известный Петрову, — запах лимона.

Только к вечеру, после долгого, тщательного проветривания дома через разбитые извне окна усовершенствованными воздушными помпами, отряд Авиахима проник внутрь. По срочному вызову на место катастрофы явились все бакинские ученые, работавшие над лимонным газом. Может быть, здесь удастся установить его химическую сущность.

А в домике, на полу передней комнаты, три скорчившиеся трупа. Сиделка, как огромная рыба на прибрежном песке, раскрыла рот в последнем усилии схватить хоть глоток воздуха. Должно быть, уже перед смертью пробралась к самой щели под дверь. Санитар — с яростно захваченной зубами рукой у запястья и сотрудник ГПУ, под окном, с револьвером, наполовину вытянутым из кобуры. Но она, где же она? Что с нею? Где же та, которую охраняли трое, погибшие на своем посту? Похищена? Уничтожена газом? Ее нет! Дверь в ее комнату как всегда не заперта, но закрыта. Сейчас трудно установить, были ли целы все окна до

того, как их разбили при выкачивании газа. Во все ли 4 окна заглянул заведующий, когда никто не отвечал на звонок... Что случилось, что же тут могло произойти? Крайне взволнован Петров, тяжелая складка напряженной мысли залегла у него меж бровями. Потрясены и все присутствующие; ужас смерти, ужас смертоносного газа, невольно охватывает их. Но, пожалуй, больше прочих огорчен профессор Стрешнев. Не страшными лицами убитых, — такие ли лица видел он за свою долгую психиатрическую практику? — нет, но какой опыт упущен, какой неслыханный, небывалый эксперимент.

Ну, что ж. Ничего не поделаешь. Последние распоряжения отданы, протокол составлен. Начальник вызывает Петрова для немедленного личного доклада. Усиленный караул и отряд Авиахима остается на месте. Петров на крыльце. Но что это с Абреком? Огромная собака с рычанием, запыхавшись, носится по саду. Как он рычит! Только однажды слышал Петров такое рычание, — это тогда, там, на квартире убитого Утлина, когда страшный пес бросился на стену в таком же припадке бешеной ярости.

Он, очевидно, что-то чувствует. Он подбегает к Петрову, он хватается, тянет, умоляет хозяина следовать за ним...

По шоссе к городу медленно едет оливковый автомобиль. Абрек впереди, опустив нос к земле, бежит по дороге. Иногда он внезапно бросается в сторону, в степь, и тогда выскакивают из автомобиля все, кроме шофера, и бегут за ним; иногда он останавливается и долго, подняв морду вверх, нюхает горячий воздух. Куда он ведет? Собачий инстинкт, — это тоже одна из тех загадок, разъяснить которую пока еще не может даже профессор Стрешнев.

Среди всех бесчисленных сообщений о модах, об урожае, о шахматных задачах; среди сочетаний цифр, букв и музыкальных знаков, — всех этих шифрованных донесений по радио, телеграфу и почте, полученных в Кетлер-Стрит, —

одно, совсем коротенькое, особенно радует сегодня сэра Вальсона:

Камбала съедена вчера
на рассвете
Обжора.

Евгения Джавала
убита 24 утром
Мак-Кин.

Расшифровал дежурный шифровальщик:
Томпсон.

Прихоть хозяев выполнена. Сэр Вальсон кладет резолюцию: «В дело Н.Т.У.»

Действительно, она чрезвычайно мила, эта маленькая девушка. Бедная, славная Валечка. Такая наивная и так много ей пришлось пережить. И как близко к сердцу она принимает трагическую гибель Утлина, — человека, которого она сама почти не знает лично. Но он такой хороший, друг папы и мамы. О, она уверена, что это происки белогвардейцев... Она в первый раз на Кавказе. Борщевский по своей специальности хорошо должен знать Кавказ. И она спрашивает его не только о городах. Она безумно любит природу. Ее интересуют именно малоизвестные уголки. Он не участвовал вместе с Николаем Трофимовичем в его изыскательских экскурсиях по горной глуши? Она вовсе не глупа, — о, нет, совсем напротив. Она хочет много знать и о работе Борщевского. И что это за комитет краеведения, в котором ей, если все пойдет благополучно, придется служить?

Пора спать. Иначе, если поддаться своему желанию, можно проговорить без конца. Беда лишь в том, что комната хозяйки занята ее гостями. Но и это пустяки. Он устроит ее вполне удобно на диване, в его кабинете. Там она может спать, сколько угодно, хоть до тех пор, пока он вернется со службы. Утром хозяйка подаст ей завтрак, а потом они вместе пойдут обедать.

«Вы будете спать на моей подушке, — вы узнаете все мои мысли», смеется Борщевский, прощаясь перед сном. Лучше было бы Борщевскому узнать мысли маленькой гостью. Пожалуй, тогда бы он не спал так спокойно и не снилась бы ему детская улыбка Валентины Степановны. Что она делает теперь?

Проверив, заперты ли двери, она, в одной рубашке, слегка ежась от холода и страха, оглядываясь, садится к письменному столу. Раскрывает портфель, который забыл Борщевский. Вынимает бумаги. Все так же, озираясь, быстро, но внимательно просматривает их. Откладывает в сторону. Вдруг приподнялась на стуле и закусила палец. Одна обратила на себя ее особенное внимание. Торопливо забежал карандаш. Точная копия небольшой бумажки, с надписью «копия» и «вполне секретно» — готова. Поднялась, не торопя ни минуты времени, просмотрела остальные документы — ничего интересного, — аккуратно сложила их обратно в портфель, спрятала копию в ладанку на груди под тонкими кружевцами рубашки и, как маленький, но хищный зверь, юркнула под толстое теплое одеяло.

«Вот удача... Совершенно неожиданно... Одно поручение выполнено. И самое трудное. И так просто, — без какой-либо любовной интриги... Какие глупые эти хорошие люди. Даже скучно... Ну, а на второе не стоит тратить времени, — видимо, он и сам ничего не знает».

Наутро крайне неловко Борщевскому. Надо же — забыть портфель в кабинете, где спит гостья. Хорошо еще, хозяйка не ушла на рынок, а то совсем неудобно — пришлось бы идти самому. «Да и вот еще, передайте ей, пожалуйста, когда она проснется, что я вернусь рано. Пусть посидит, поскучает, потом поедем в театр».

Не ошибся ли Абрек? Куда он бежит, теперь уже не рыча, а только жалобно, обиженно повизгивая? Не просто ли

знакомый запах лимона приводит его к дому покойного Утлина?

Нет, не ошибся Абрек. У двери квартиры какая-то женщина стучит кулаком. Евгения Джавала!.. Пытается шпилькой открыть замок. Абрек бросается к ней, с воем лижет ей руки и ноги.

Это может свести с ума человека даже с самыми крепкими нервами. На лбу у Петрова крупные капли пота. Не удивлен, кажется, только неистово радующийся пес.

Джавалу хотят оттащить от двери. Но она со всей силой безумия, расталкивая всех, рвется к ней. От автомобиля, по лестнице, торопясь, задыхаясь, — профессор Стрешнев. «Да пустите же ее, пустите!... Это невероятно интересно. Сейчас же отворите дверь!».

Створки настежь. Кинулись в комнату, как одержимые. Куда она, куда? О, может быть, сейчас... сейчас... все станет ясным...

В конце коридора маленькая, белая дверь в ванную. Туда! Но зачем? Петров был там с первого дня обыска... Там ничего нет. По последнему слову техники — устроенное бывшим хозяином-нефтепромышленником помещение для мытья расслабленного буржуйского тела. Крытый толстым линолеумом пол, крашенные масляной краской, ослепительные стены. В одной из них вделанное в стену зеркало, ванна и, посередине пола, маленький, прикрытый металлической решеточкой, лючок для стока грязной воды.

Как, не может быть? Что же может там скрываться?

И безумная и собака, точно по сигналу, бросаются к лючку. Безумная почти ложится на пол. Она заглядывает в глубину трубы, осматривает решетку сверху, внимательно, что-то бормоча, исследует механизм подъема во время чистки. И почти тотчас же, словно со вздохом облегчения, отпрянула назад. Профессор не по возрасту резвым прыжком кинулся к ней, схватил ее за руку, уперся пристальным взглядом в ее глаза. Несчастная покачнулась и на его руках опустилась на пол в глубоком обмороке.

Лючок был внимательнейшим образом исследован. Ничего! Сумасшедшую перевезли в особое помещение при ГПУ,

под особо тщательный надзор. Тревожный день дал новые загадки и никаких результатов. Профессор Стрешнев выразил уверенность, что, при предоставлении ему достаточно времени, он узнает от умалишенной все, что только знает она сама.

Борщевский сегодня постарался пораньше освободиться со службы. Конечно, он аккуратно выполнил всю работу, — хотя и вернулся домой ровно в 20 минут пятого, а не, как обыкновенно, в 6-7 часов. Бедная девушка! Ведь она совсем одна. И такая милая и славная.

«Где же Валентина Степановна?». Флегматичная, толстая армянка равнодушно сообщила: «Умылась, я ей полотенце дала. Кофе выпила. Чемоданчик свой взяла и ушла. Когда вернется? Я не знаю. Мне к чему спросить, ничего не сказала». Встревожился Борщевский — и чемоданчик взяла. Ждет, волнуется, тревожится за нее искренне. К вечеру тоже нет. Тоскливое сомнение, против воли, вытесняет тревогу за милую Валечку. Тут что-то не так. И ему кажутся подозрительными и ее расспросы об Утлине, и старание уверить его в том, что убийство — это дело рук контрреволюционеров, и многое, многое становится для него странным, как это часто бывает со всеми слишком доверчивыми людьми. Но особенно начинает его сейчас смущать это письмо от Николая Утлина, написанное до его смерти. Может, подделка? Может быть, подложное? Теперь уже самые странные подозрения делаются совершенно естественными. Борщевскому кажется, что и стиль письма не похож на обычный стиль его друга. Он достает из письменного стола пачку его писем и пытается сличить почерк. Но эта работа требует специального опыта, специально наметанного глаза. И то ему чудится, что ни одна буква не похожа на другую, то, будто целые строчки, как две капли воды. Он роется в бумагах: не пропало ли чего-нибудь? Впрочем, ведь у него нет решительно никаких документов, относя-

щихся к таинственному открытию покойного. Нет, надо обязательно съездить в Баку, в ГПУ, к Петрову. Завтра должен приехать заведующий, и завтра же и он поедет.

Старая Нина встревожена. Валентиночка ушла с утра и не вернулась ночевать. Конечно, это не так редко случается, но все-таки... Но еще больше удивлена старуха, когда Валентина, вернувшись утром, дала ей неожиданное распоряжение: «Сегодня же едем в Баку». Она, конечно, не смеет послушаться, но барин что-то ей об этом ничего не говорил. На всякий случай, все-таки надо сбегать в бакалейную лавочку и предупредить кой-кого. Если что-нибудь случится потом, то пусть князь знает, что верная рабыня сделала все, что могла.

От бакалейной лавки никакого запрещения на выезд не последовало. Через 5 часов весело застучит скорый «Тифлис-Баку», а Валентина, открыв детский ротик, так же спокойно будет спать, с руками за головой, в купе, как прошлой ночью спала на широком шагреновом диване в кабине легкового «Сек. Э. О. К. К.».

Это сообщение в Лондон шифруется особенно тщательно. Бумажка, согретая в ладанке на груди у Валентины, сегодня, в виде корреспонденции о рысистых испытаниях, полетит через моря своим обычным путем, на стол сначала Бруку, затем Стону, а там и Вальсону. И, весьма вероятно, Вальсон вынужден будет потревожить на этот раз самих хозяев.

«Ваше распоряжение о выяснении степени возможности тем или иным способом получить в пользование участок, известный под именем Каракалинской дачи, где Утлиным было сделано его открытие, удалось уже выполнить.

Сотрудницей БЛ-4 списан совершенно секретный документ Эксплуатационного Отдела Комитета Краеведения о желательности сдачи в концессию означенного участка для разработки самшита. Подробности и текст документа, — следующим сообщением.

Подписал: Мак-Кин.

До крайности взволнованный Борщевский, запинаясь и перескакивая, рассказывает Петрову о странной посетительнице, о ее разговорах и о письме Утлина. Он привез и другие письма химика, и просит произвести экспертизу. «Да, в этом деле нужно ниточку к ниточке подбирать и осторожно распутывать клубок».

Заключение эксперта-графолога совершенно определено. Теперь, когда фотография его верный союзник, наука его, из стадии догадок учителей чистописания, стала почти безошибочным и точным знанием. «Письмо подделано, правда, чрезвычайно опытной рукой. Преступник имел в своем распоряжении, очевидно, небольшую записку, действительно написанную в последнее время Утлиным, но пользовался, главным образом, образцами почерка покойного в более ранние времена. Утлин, очевидно, был ранен или сам себе поранил ладонь правой руки, что изменило его почерк за последние 5-6 месяцев».

«Да, да, Николай с полгода назад упал и сильно поранил себе руку. Совершенно верно!»

Да, сэр Вальсон вынужден еще раз потревожить своих хозяев. Сообщение Мак-Кина чрезвычайно важно. Оно заканчивает первый этап борьбы за Н.Т.У. Сегодня, а может быть завтра, на Реджент-Стрит 209, в отдельном кабинете

ресторана «Вереи», хозяева решат вопрос о самшитовой концессии. Работа сэра Вальсона пока, может быть, временно, закончена. Вопрос об условиях и возможностях концессии и соглашение с союзным правительством возьмут на себя лица другого порядка, выступающие под маской мирных торговых отношений с СССР.

Впрочем, м-р Вальсон хорошо знает, что его роль в этом деле далеко еще не сыграна. Ибо без его 3-го отделения не могут ступить ни шагу благородные и благодушные хозяева Сити.

Еще одна ниточка выдернута из узелка упорной работы Аз. ГПУ.

Четыре пальца правой руки, те же пальцы, что на шее подруги Утлина, что на желтых чемоданах и на документах, привезенных Петровым — держали в руках и рекомендацию хорошенькой просительницы!

Подчиненные знают, как неприятно разговаривать с сэром Вальсоном, когда он гневается. Это испытал сегодня на себе мистер Фаренгайт с Уоллс-Воллс фабрики. Сэру Вальсону испортили все настроение последних так хорошо прошедших дней. Он придает чрезвычайно важное значение истории с этим ирландским сорвиголовой, О'Дэти. Не только потому, что эта история может кончиться, как бы того не хотелось правящей партии, — отставкой лордов войны и «справедливости...» «Но, вы понимаете, мистер Фаренгайт, что раскрытие тайны лимонного газа, это...»

Сэру Вальсону не надо договаривать. М-р Фаренгайт сам хорошо знает, что следует за этим «это...»

И вот сэр Вальсон неистовствует, английская полиция сбивается с ног, сами хозяева Сити нервничают за партией

покера или стаканом шерри, а молодой ирландский инженер О'Дэти сыграет еще для самого себя неожиданно большую роль в этой борьбе, которую не забудут трудящиеся всего мира.

Глава IV.

Инженер О'Дэти

Есть о чем поговорить за последние полтора месяца до-сужим кумушкам со всей Крепостной улицы в вечернем клубе, под воротами дома № 7. Счастливый дом! Замечательный дом! Это таинственное убийство химика, а теперь новая сенсация, и, пожалуй, поинтереснее даже убийства. «Бога нет? бога нет?... А нечистая сила, выходит осталась?... Да как нет! Хоть ты и управдом, а я тебе говорю, что вчера своими глазами видела. Да вот, возьми хоть сегодня ночью, вот выдь, послушай, страсти какие, как под полом воет...»

В доме № 7 бродят привидения. Это доподлинно известно всей Крепостной улице. Правда, ребята-комсомольцы из 14 квартиры уверяют с пеной у рта, что это просто вчера ночью был и гудел трансформатор в подвале, но почему же старуха Джабиева божится, что у нее по всей квартире ползают, что ни ночь, маленькие, с мизинец, лиловые огоньки. И комсомольцу Ахмету совестно признаться: вчера вечером в общем коридоре, едва он вышел из своего угла, как навстречу ему из-под водопроводной трубы действительно запрыгали один за другим, точно такие маленькие, с вершок, лиловато-голубые, словно спиртовые огонечки.

Привидение это, или что другое, но во всяком случае, управдому никак не удастся сдать большую, хорошо отремонтированную квартиру во втором этаже фасадного корпуса. А жилтоварищество уже чуть не с января высчитало, что, сдав эту квартиру торговцу, оно спокойно отремонтирует крышу.

Тщетно ругается и убеждает в подворотне своих подданных до хрипоты рассерженный управдом. До поздней ночи сидят проклятые старухи, шушукаясь о привидениях, и только когда наступает непроглядная темнота, расходятся по квартирам.

До поздней ночи совещаются сегодня все пять главных хозяев Сити. Большой доклад самого толстого и добродушного из них, которого все дети Англии знают, как «сладкого дедушку», чьи портреты нарисованы на лучших бисквитах, и перед кем, как перед тайфуном, дрожит Парижская биржа, того, благодаря которому фунт снова «на ты» с долларом. Доклад вызвал оживленные прения. Нужно резюмировать, — он снова встает.

...Он очень рад, что его мнение получило такую блестящую и единогласную оценку. Разумеется, не может быть никаких сомнений, что раздел мира между ними и «теми» — их заатлантическими друзьями — вопрос нескольких дней. То, что должно было совершиться, — совершится. Не стоило бы и говорить об этом, если бы не... вне всякого сомнения, могущество капитала не имеет границ. Все, что годами подготавливалось в тиши их кабинетов и контор, получит реальное воплощение. Но... нельзя забывать, что есть одно «но». Господа, одна шестая часть земного шара в руках большевиков.

Помните об этом! Мы можем спокойно одеть ярмо наше на остальные пять шестых, но эти без боя не сдадутся. И не только не сдадутся, но могут поднять и все страшное стадо цветных рабов, которое доныне покорно работает на нас.

Конечно, — «цитрон деббл'ю-5», против которого нет противогаза, нам не изменит. Но превращать в пустыню плодороднейшие области земного шара, — экономически нецелесообразно. Так же бессмысленно, как было бы нашим заатлантическим приятелям отвести от Европы Гольфштрем. Понятно, в крайнем случае, мы вынуждены будем прибегнуть к этому убыточному способу. Но теперь у нас есть возможность испробовать Н.Т.У. Правда, предстоит несколько месяцев отсрочки, но зато, может быть... Вопрос о самшитовой концессии обычным порядком, не возбуждая никаких сомнений, идет по советским инстанциям...

Решение принято.

«Фаренгайту. Не в шести, а в трехмесячный срок заготовить необходимое по плану количество цитрона силами Уоллс-Воллс фабрики».

«Фаренгайту и Вальсону. Под угрозой строжайшей ответственности принять меры к недопущению случаев, подобных случаю с О'Дэти».

«Вальсону и королевскому прокурору. Немедленно ликвидировать О'Дэти».

Календарь на столе — 30-е апреля... Уже? 34 дня прошло со времени расстройства желудка у мистера Фаренгайта. Что же с О'Дэти?

Конечно, случаев, подобных истории с О'Дэти, не допустят на фабрике Уоллс-Воллс. Но навряд ли найдется второй такой сумасшедший, как этот неуравновешенный ирландец. Ведь едва он успел выбежать на лестницу здания, как по всей фабрике затрещали уже звонки телефонов, у ворот зазвенели тревожные колокола и, наконец, покрывая все это, протяжно заревел большой фабричный гудок. О'Дэти знает, что это значит: «Все ворота заперты, усиленный караул, ни с каким пропуском из фабрики никто, даже и сам директор, до второго сигнала не может выйти». Остановился. Быстро сообразил: выйти уже нельзя. Внутри фабрики двигаться еще можно. Пока причины тревоги неизвестны, пока никто не знает, что вина в нем, скорее к себе в кабинет. Поворот ключа, дверь на надежном запоре. Но что дальше? На крышу? Заметят! Но другого выхода нет. Во всяком случае, в шкаф они не полезут.

На ходу, на дверце шкафа поворотом рычажка выдвинул предупредительную надпись: «Не открывать. Смерть». Дверь за собою захлопнул. Руками приподнял металлическую решетку... Да, да. Вверх ведет ряд прочных железных скобок. Несколько мгновений ноги человека, распластав-

шегося по полу шкафа, судорожно проталкивают его тело в слишком узкое отверстие газохода. Потом в пустой комнате с химической посудой остается пустой шкаф с категорической краткой вывеской: «Не открывать! Смерть!»

О'Дэти из газохода не слышны никакие звуки снаружи. Но в дверь его кабинета стучат. Сначала слегка, затем крепче, наконец, с остервенением. «Литера Ц» заперто. Взломать. Немедленно взять его, чего бы это не стоило.

Дверь взломана. В кабинете никого нет... «Не открывать. Смерть!»

«Вы говорите, — это единственное отверстие?» «Да, окон, как видите, нет. Стены — бетон и сталь» «Значит, он запер кабинет, направляясь к директору. Надо искать в другом месте».

Бесконечное количество ступенек. У Дэти кружится голова и от полувыветрившегося запаха различных газов, и от чрезвычайного мускульного напряжения. Но иначе нельзя, — иначе гибель.

Что такое? Этого он не предвидел. А, разумеется, он должен был знать и знал. Фильтр. Ящик в фут вышиной, совершенно загораживающий ему дорогу. Выхода нет. Но ведь выхода нет и там. Вытяжной шкаф изнутри не открывается. Светящиеся часы на запястье инженера, почти прижатые к фильтру, показывают 16 часов 35 мин.

— Братишка. Сколько до смены-то?

— Да еще с полчаса. Сейчас тридцать пять пятого. Надоело, а?

— Пошамать бы пора. Ты как? Ну да теперь скоро.

Широта 36-20', долгота западная 6, 17' 31'. «Вацлав Боровский», под красным флагом, оставив за кормой рыжие скалы Гибралтара, держит курс Вест-Норд-Вест.

«Экая жарница. И тишина какая. Если в Бискайке не укачает, то к пятнице будем в Гулле. Посмотрим Англию. А то моряки, моряки, а в Англии не бывали. Даже перед братвой стыдно».

Светит яркое солнце; оттуда, со стороны Цеуты, тянет сухой горячий ветер Африканского берега. 16 часов 35 минут. Но какое все это имеет отношение к О'Дэти? Не все ли равно ему, находящемуся в вытяжной трубе, ставшей ловушкой, под какой широтой и долготой того же 27 марта рассекает волны «Вацлав Боровский?». Не надо спешить: «Вацлав Боровский» не случайно попал в поле вашего зрения, и только жаль, что не успели взглянуть на барометр.

Надо, во чтобы то ни стало, снять ящик с фильтром. И скорей, скорей. Не хватает воздуха, трудно дышать. Кружится голова. Инженер водит светящимся циферблатом. Только бы снять фильтр — дальше свободная дорога на крышу; этот флигель всего трехэтажный, ночью можно будет спуститься. Но не устраняется препятствие, несмотря на судорожные усилия задыхающегося Дэти. Ага — слабый (16-41) свет падает на крючок. Отстегнул. Как просто. Ящик сам приподымается одной стороной и вплотную уходит в стенку.

О'Дэти дышит полной грудью. Труба прикрыта колпачком на высоких ножках... Трк-тляк — вертится флюгерок... Так его никто не заметит, но вылезти на крышу до наступления полной темноты, конечно, нельзя... 5 часов. 5 часов 3, 5 минут. Что такое? Почему нет гудка? Ведь в 5 часов смена. Да, очевидно, из завода никого еще не выпускают. Поиски ирландца продолжаются.

8 часов. Протяжный гудок. Так, так... Больше смену задерживать нельзя; наверное, и так достаточно взволнованы рабочие... Ничего не поделаешь.

Перерыли все мастерские и лаборатории... «Вероятно, все же этому негодяю удалось проскочить до тревожного гудка. Очевидно, м-р Фаренгайт несколько растерялся и не сразу сигнализировал. Ну ничего, он далеко не уйдет; все меры приняты...»

В 20 часов полит-кружок в красном уголке на «Вацлаве Воровском». Но сегодня, пожалуй, занятий не будет: что-то тревожно, быстро падает барометр...

Ночь. Теперь пора. Идет мелкий дождь. Какая скользкая крыша. Надо осторожно проползти на другую сторону. Там по стене выступают металлические скобки-ступеньки, как на корабле. Это удобнее, чем спускаться по водосточной трубе. О'Дэти, прижавшись поближе к стене, осторожно спускается сквозь сетку дождя по мокрым скользким скобам. Если по двору случайно никто не пройдет, то он почти спасен: живо к смотрителю заводской трубы № 2.

Старик не выдаст: инженер совсем недавно оказал ему большую услугу, устроил сына бесплатно и даже на стипендию в химический техникум... Ну, а в крайнем случае, есть одно средство...

Не до полит-занятий команде «Воровского». «Держись!».

«Мистер О'Дэти!...» Старик-смотритель поражен чрезвычайно... Как, ведь все говорят, что он выбежал через проход № 3. Полиция арестовала дежурного... И что это вообще случилось? Такой славный мистер и вдруг? Что он такое сделал? Объявлено, что кто его скроет, тому... Он, конечно, не выдаст, но если его найдут здесь? У старого Смита на руках вся семья. Мистер это знает. Спасибо мистеру за Джека. Но как быть?»

О'Дэти понимает, что рассчитывать на помощь перепуганного старика нельзя. Но через него единственный путь к спасению. Не за себя боится молодой ирландец. Нет! Но в его руках документы. Эти документы должен прочесть весь мир! Надо разоблачить весь этот ужас!... О'Дэти этого добьется... Он успокаивает старика, что уйдет от него до рассвета и никто не узнает, что он у него был. Ему не надо никакой помощи. Только нет ли чего закусить и, может, найдется стаканчик виски? Он очень продрог.

Это можно. Стаканчик, другой старик Смит с удовольствием разопьет с мистером инженером. Он знает, мистер ничего дурного не мог сделать. Мистер не захочет губить старика, обогреется и незаметно уйдет. Ничего не поделаешь. Единственный выход, это переодеться в платье смотрителя и взять его пропуск. Караул у выхода военный и, конечно, в лицо не знает. Во всяком случае, другого способа нет.

Инженер достал из кармана маленькую коробочку... Это совершенно безопасно для здоровья. Один крошечный кристаллик, и глубокий сон со всеми признаками опьянения. Что делать! Он, конечно, потом материально обеспечит Смита...

Во второй (и, конечно, последний) стакан Смита незаметно опустил кристаллик... Через 20 минут крепко спит старый Смит. Крепкий виски! О'Дэти раздел старика, уложил в постель. Напялил на себя его костюм. Хорошо... Старик высокого роста... Рабочий билет № 758, пропуск зеленый... действителен по 1 апреля. Так. Все в порядке... Убрал в шкаф второй стакан и тарелку: пусть подумают, если рано утром зайдут, что старый Смит один напился... Два ключа — один с фабричным клеймом, другой самодельный. А, это ключи от двери в фабричную трубу. Смит на всякий случай сделал себе запасной. Как повезло Дэти, что эту неделю топят другую печь и труба № 2 отдыхает, а то вместе со стариком дежурил бы и его помощник. Счастье улыбается молодому ирландцу, такому взбалмошному и впечатлительному. Зеленый пропуск действителен еще на три дня, и еще три дня будет отдыхать труба, и навряд ли кто зав-

тра вообще заглянет к старику... Но все-таки лучше куда-нибудь спрятать свою одежду. Время еще есть, все равно надо подождать до 5 часов; раньше через ворота не пропустят...

Стучат в дверь.

Что такое? Неужели вздремнул? Нет. 4 часа 42 минуты. Открывать нельзя. Может быть, пришел помощник? Нет, только в 5 часов можно пройти через ворота. Значит? Значит, поиски на заводе еще продолжаются. Очевидно, заметили свет.

Хорошо, что О'Дэти, устраивая в техникум Смита Джека, бывал несколько раз у старика и ему все здесь знакомо. Спасибо запасливому старику. О'Дэти возьмет его самодельный ключ и никто не подумает, что он спрятался в трубе. Схватил свою одежду — пока опять наверх, там видно будет.

Сегодня рано вызвали на фабрику мистера Фаренгайта. Рыжий ирландец не дает ему спать. Несколько минут седьмого, а мистер Фаренгайт уже в своем кабинете выслушивает доклад полицейского чиновника, дежурившего со своими людьми эту ночь на заводе.

«Когда был обнаружен показавшийся подозрительным свет сквозь ставни в помещении смотрителя трубы № 2, направились туда. На стук не открыли. В 4 часа 44 минуты дверь была взломана».

— Надо немедленно допросить смотрителя. Раз исчезли пропуск, билет и его платье, значит, негодяй побывал у него... Он был с ним в дружбе, хлопотал за его сына. А мы полагали, мерзавец ускользнул до закрытия ворот. Теперь ясно, что вы выпустили его сегодня утром, когда вывозили срочный заказ. Во всяком случае, немедленно допросить смотрителя.

— Но он мертвецки пьян...

— Доктора...

— Доктор говорит, что опьянение настолько сильное, что раньше, чем через два-три часа, мы от него ничего не добьемся.

— Позвать сюда инженера Левенстена.

Мистер Фаренгайт сам энергично берется за дело. Может быть, действительно, только немедленный допрос несчастного Смита может дать следы беглеца.

— Инженер Левенстен! Как обстоят дела с вашим отрезвляющим газом?

— Он приводит в сознание через три, четыре минуты.

— Великолепно. Надо сейчас же отрезвить одного человека. Приготовьте все необходимое.

— Слушаюсь, но смею заметить, что действие газа на человеческий организм, в смысле последствий на здоровье, еще совершенно не выяснено.

— В данном случае, это не имеет значения.

— При недостаточно здоровом сердце может последовать смерть.

— В какой промежуток времени?

— Через час, другой.

— А-а, приготовьте аппарат.

Лаборатория А-4. Инженер Левенстен prepares аппарат. Посреди комнаты большой шкаф из иллюминаторного стекла с герметически закрывающейся дверью. Три каучуковых трубки ведут от высокого баллона и раскрывают один большой зев в виде граммофонной трубы в шкафу... В шкаф ставят низкое деревянное кресло. Укрепляют прочно на винте.

— Введите пациента.

У несчастного Смита жалкий вид. Никогда в жизни не был так пьян старый смотритель. Он совершенно не соображает, что с ним делают. Пытается вырваться, но через минуту уже крепко привязан к креслу. Герметически закрывается дверь.

— Попросите мистера Фаренгайта.

— Разрешите приступить.

Инженер, с секундомером в руках, начинает медленно нагнетать газ из баллона.

2 минуты 36 секунд. Старик подымает голову и глазами, еще бессмысленными, озирается. 3 минуты 27 секунд. Он пришел в себя. Где он, что с ним? Он испуганно, дико

смотрит на директора. Да, да, здорово напоил его мистер О'Дэти.

«Готово». Доктор свидетельствует — признаков опьянения как будто и не было. Только вот сердце что-то...

— Ну, этим займетесь потом. Мистер, приступите к допросу.

Ничего путного не извлечь из этого допроса. Старик от страха совершенно потерял память и сообразительность. Он понимает только одно, что его выгонят с места и семья останется без хлеба. Может, он еще смутно рассчитывает на Дэти. Во всяком случае, больше того, что Дэти у него действительно был несколько минут и затем по его просьбе ушел, что он, Смит, действительно с вечера порядочно выпил, — старый смотритель ничего не может сказать.

Полицейский чиновник его возьмет с собой. Там его сумеют допросить получше...

Но что это со стариком? Смит вдруг закачался. Начал коротко хватать воздух. Взмахнул смешно руками и хлопнулся на пол.

Брезгливо сморщился Фаренгайт: «Что это?» — «Смерть, мистер Фаренгайт!»

Инженер Левенстен несколько ошибся в расчете — не час, не два, а всего 15 минут выдержало старое сердце отрезвляющий газ...

По всей Уоллс-Воллс фабрике, от угольных складов под землей до электро-вентиляторной службы в 6 этаже, только и разговоров и шепотов об инженере О'Дэти.

«Германский шпион...» Проклятый большевик... громко в лабораториях инженеры. — «Коммунист... коммунист... Его хотели убить за попытку какого-то разоблачения. Молодчага. Спасется...» — шепотом в рабочих мастерских...

В девятом часу Кэт О'Дэти, взволновано плачущую, не спавшую всю ночь, — слухи добежали и до нее, — допустили к господину директору. «Ваш муж государственный

преступник... Где он?... Я полагаю, вам это лучше известно... Удивлен, что вы еще имели возможность явиться ко мне...»

«Служебная записка. Сегодня 28 марта в 14 часов затопить печь № 2. Требуемая температура нагрева — максимум. Зам. технического директора инженер Чертой».

Одиннадцатый час. О'Дэти, поудобнее устроившись на ступеньках винтовой лестницы внутри дымовой трубы № 2, немного вздремнул, подкрепился куском хлеба и колбасы, которые успел захватить у смотрителя, и предался довольно грустным размышлениям. Единственная удача, что еще три дня не будут топить эту печь. Все остальное крайне печально. Случайно ли вошли к смотрителю или нет, днем все равно отсюда выйти нельзя. Очевидно, старик его не выдал... Значит, надо сидеть тут на ступеньках до ночи. Ночью попытаться незаметно вылезть: или с пропуском смотрителя пройти через пост, или, что значительно менее приятно, попробовать проехать в мусорной вагонетке. Что за чертовщина? Дверь внизу открывается. Неужели догадались... Кто-то с ярким электрическим фонарем начинает подниматься вверх... О'Дэти притаился, — может, не заметит?! Свет прямо на него. Кто там? Ирландец соскочил несколько ступенек вниз, к источнику света. Фонарь погас. При слабом, чуть сочащемся свете сверху на узких ступеньках — страшная борьба. Ирландец схватил неизвестного за горло, старается прижать его к перилам. Но неудачно схватил О'Дэти: сильный удар по локтю, и рука инженера повисает как плеть. Теперь его горло в тисках. Хрипит — «сдаюсь». Снова вспыхивает фонарик. «Вы, должно быть, инженер О'Дэти, не бойтесь. (Рука освобождает горло).

Я вас не выдам. Я вам не враг. Я трубочист Томан. Говорят, вас хотели убить за какое-то разоблачение... Я коммунист. Как видите, я могу быть вам только полезным, а минуточка и вы бы меня задушили».

Но не верит горячий ирландец, пока не убеждает его партбилет Томана.

«А ведь сегодня в 2 часа затопят печь».

Совещание. О'Дэти рассказывает коммунисту Томану, в чем дело.

«Этот лимонный газ — мое изобретение. Фаренгайт дал мне честное слово, что они не будут вводить усилителя. Этот газ может быть пяти степеней. Первая уничтожает вредителей, вторая поражает смертельно живые существа без видимых наружных изменений, а степени выше — превращают все живое и растительное в порошок... И видите, они пытаются производить опыты над людьми».

Наивный О'Дэти... Пытаются производить опыты... Как раз сегодня все, между прочим, прочтут в газетах: «Калькутта. Восстание в районе ликвидировано без пролития крови».

В бухгалтерии Уоллс-Воллс фабрики значится: «Отправлено в распоряжение военного ведомства 45 баллонов “цитрон деббл'ю-5” (2 степень)».

Военный министр уже прочел расшифрованное донесение начальника войск района Соворуппора: «В 5 часов с бомбовоза № 9 сброшены 3 баллона “цитрон д/ю-5, степень 2.” Радиус действия — 5 верст. На следующий день, в одиннадцать, войска вошли в селение... Легкий запах лимона... Ни одного живого человека, ни одного животного... На трупах никаких внешних следов смерти... Растительность обгорела незначительно...»

— Нет, товарищ Дэти, вам с зеленым пропуском смотрителя не выйти. Контора уже распорядилась выдать новые пропуска — красные. Вот как мы сделаем. Я вам отдам свои инструменты и свой пропуск. Я же и без пропуска вый-

ду без затруднений: разве не случается, что рабочие теряют свой пропуск?

— Вы правы, тов. Томан. На всякий случай, спокойнее, если документы я передам вам... Значит, мы встретимся сегодня в 7 часов.

«Пропуск! Трубочист Томан. Так. Ну-ка, выверните карманы». «Обыск? Что за новости?» «Так, значит, надо. Проходите».

Наконец, О'Дэти на свободе. Как хорошо, что передал документы Томану...

«Эй, эй! Крепи найтовы! Эй, гляди, пожарный кран оторвался. Все на левый борт!...»

По черным волнам бросает «Вацлава Воровского». На шатающемся мостике трудно стоять: ветер валит с ног, соль в лицо. Какая там пятница в Гулле! Чего доброго, сквозь шквалы и мрак тревожно полетят сигналы по радио, сигналы бедствия...

Но так же спокойно, как делал бы он доклад на собрании, к которому еще днем готовился, чеканит команды слова коммунар Соловьев. Резкий дождь бьет по зюйд-вестке, низко несутся тучи. Ничего, ничего, привычно. Ну-ка, все ветры Бискайки! Не взять вам: ни того ценного груза, что несет в своем трюме судно под красным флагом, ни тех бумаг, которые поручено доставить в Англию Соловьеву.

Еще днем спешно закончил Томан работу: к 7-ми часам ведь надо быть в условленном месте.

В конторе. «Я затерял пропуск. Да, должно быть, в трубе. Чертова работка. Да уж, верно сказано, мистер Гарри, именно чертова. Ну вот, спасибо, что не задержали».

Удивлен даже Томан, что так легко сошла проделка: выдали новый пропуск и ничего не сказали. Дьявольски везет сегодня.

Теперь скорее к воротам. Да, да, без сорока семь.

«Пропуск». «Трубочист Томан». «Ну ка, выверните карманы. Да, так, карманы, да живее, не задерживайте. Э, э, э. Это еще что такое?...»

Приятный сюрприз мистеру Фаренгайту. «А-о-о. Вот у кого документы. Ага, коммунист! Прекрасно, прекрасно». Мистер Фаренгайт полагает, что трубочиста Томана следует немедленно, немедленно... он не находит подходящего выражения... обезвредить, ликвидировать... Несчастный случай при чистке трубы... Актик, актик...

Полицейский чиновник еле успокаивает разгневанного директора. Государственный преступник Томан с поручнями на запястьях, под конвоем, водворяется в серый закрытый полицейский автомобиль.

Дэти, конечно, не решился идти на квартиру. Что ж делать, поволнуется Кэт. Как глупо, что именно ему, совершенно не думавшему об этом, приходится скрываться и бежать. Да, роль государственного преступника, похитителя тайных документов, совсем не по нем. Но нет, нет, иначе быть не может! Они предали и его и его изобретение, которое он думал сделать другом человечества, а теперь... О, пусть это ему стоит жизни, но так этого он не оставит. Ах, бедная, бедная Кэти!...

Чистенькие, опрятные улицы сбегают к огромному порту... Мост Глазго-Бридж... Вот гавань Брумилло. Вот условленная верфь Альджернон, Крэсби и Сын... Значит, здесь на углу, ровно в 7. Целый день впереди.

Хорошо, что есть с собой деньги — можно хоть немного подкрепиться. Долго в портовой таверне задерживаться нельзя; нельзя мозолить глаза; спокойнее побродить по громадине-порту, смешиваясь с армией грузчиков... Так учил опытный трубочист Томан.

Ровно в семь, на углу. Томан предупредил, что он очень аккуратен. Да, он славится как аккуратный человек. Но ровно в семь на углу — только один Дэти. И близко не видно ни товарища Томана, ни кого другого. Только большой бесшумный автомобиль, серый в серых сумерках. Прокатился и скрылся где-то налево, по дороге к тюрьме. Скорее, шофер! Полицейский надзиратель торопится — в 20 минут восьмого на Беченен-Стрит его будет ждать хорошенькая Рут, продавщица магазина патентованных зубных щеток.

Инженер О'Дэти нервно потирает руки. Наручники не позволяют трубочисту Томану даже и этого. Неужели что-нибудь случилось с товарищем Томаном?... Или... Но нет... невозможно, провокация немыслима, он же сам видел его партийный билет...

Ждал до девяти часов О'Дэти. Безумно хочется спать. Хорошо еще, что были деньги в бумажнике, но как только зашел в маленькую лавчонку, около набережной, — показалось ему: подозрительно покосился на него хозяин... Значит, ночевать в портовом ночлежном доме нельзя. Что же делать, что же делать?...

И вдруг в голове давно забытая фраза из какого-то прочитанного в детстве романа: «Пинкертон, одетый в платье рабочего, переночевал в доках». И неожиданно стало смешно: О'Дэти — герой уголовного романа.

Утреннее солнце сквозь лес огромных мачт брызнуло в глаза спящему. Первый раз в жизни, вероятно, разбудил его не обычный утренний домашний шум, а плеск и журчание воды в кингстонах дока. Никогда не приходилось ему, вместе утренней газеты, прочитать такой странный текст:

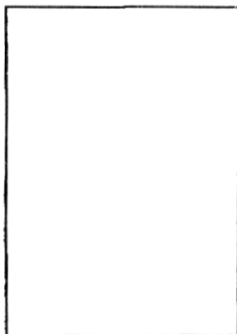
1.000 ФУНТ. СТЕРЛИНГОВ!!!
СВЕЖАЛ
ПОХИТИВШИЙ БОЛЬШУЮ СУММУ ДЕНЕГ
инженер Уоллс-Воллс фабрики в Глазго
ФРЕНСИС - ЭДУАРД - ЛЕСЛИ О'ДЭТИ,

двадцати семи лет, рыжеволосый, с темными бровями и ресницами, высокого роста. На правом виске едва заметный шрам. При разговоре энергично жестикулирует. Особых примет нет.

ПОРТРЕТ ВОРА

ИНЖЕНЕРА

О'ДЭТИ.



ТОМУ,
кто задержит вышеупомянутого О'Дэти, или с точностью укажет своевременно его местопребывание
1.000 ФУНТ. СТЕРЛИНГОВ!!!

Свеженаклеенное объявление почти над тем самым местом, где, свернувшись калачиком на голом бетонном полу, спал молодой человек! Какое дело наклеивщику плакатов до тех бродяг, которые валяются сегодня, как каждый день, под его ногами в доках? Намазал клейстер, наклеил лист и побежал дальше.

«Негодяи. Это я — вор? Убийцы...»

Эх Дэти, Дэти! Вот когда раскрываются твои глаза.

Ну, по этому портрету его никто не узнает. Вот уж, действительно, — похож до неузнаваемости. Но, черт возьми, — волосы, что делать с ними? Придется что-нибудь придумать. Пока можно только спрятать их под кепи. И как можно скорее отсюда! Надо возможно скорее пробраться в редакцию коммунистической газеты и хотя бы без документов рассказать им все. Но как это сделать? Ведь, наверное, за ним уже следят шпионы. Не может понять молодой непосредственный ирландец, как это люди могут совершать преступления и замечать свои следы. Ведь все это раскрывается в мгновение ока.

«Алло. Да, Да. Профессор Стрешнев. Да, я, Петров. Вы говорите, через пару дней можно попытаться под гипнозом допросить Евгению Джавала? Отлично. Значит, второго апреля, в час дня».

В Глазговской тюрьме не один коммунист тов. Томан. Многие сидят уже подолгу и передача с воли и на волю хорошо налажена. Уже 29-го вечером районный комитет коммунистической партии получил коротенькую записочку от нового пленника.

«...Постарайтесь поговорить с О'Дэти до его ареста... Если можно, укройте...»

О'Дэти полагает, что теперь, на третий день его блужданий, когда ему удалось, при помощи одного грабителя, остричь свои золотые кудри (если б знала Кэт!), его не узнать. Джентльмен с хорошим уголовным стажем предпо-

чел наличный расчет и золотые часы немедленно — тысяче фунтов префекта. (Да и прилично ли ему самому идти в такое грязное место, как префектура, а поручить кому-нибудь, — ищи ветра в поле). Так думает Дэти. А секретарю комитета партии уже донесли товарищи... «О'Дэти остриг волосы. Бродит в окрестностях. Замечательно не приспособлен к своей роли. Только наша идиотская полиция не может поймать его. Но, без сомнения, игра скоро кончится. Надо действовать энергичнее...»

Вечером 1-го апреля О'Дэти решился пойти в редакцию местной коммунистической газеты. Но что это? Только добрался он до восточной окраины города, как два полисмена... О'Дэти бежит от них. Но вот один догнал, хватает его за руку, что-то быстро говорит... Нечего разговаривать, — Дэти неплохой боксер. Полисмен валится навзничь. Теперь через забор... Но поздно: из-за угла автомобиль, и шестеро дюжих рук живо скрутили судорожно выворачивающегося ирландца. Наручники. Готово... Юркий корреспондентик вечерки тут как тут:

**ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК «ГЛЕЗГОУЗ ИВНИНГ НЬЮС»
«ИНЖЕНЕР-ВОР О'ДЭТИ АРЕСТОВАН».**

«Итак, профессор, вы полагаете, что она уже в гипнотическом сне».

«Да, без малейшего сомнения. Прошу тише».

«Стенографистка, приготовьтесь». Джавала полулежит в низком кресле. На груди у нее маленький блестящий докторский молоточек. Профессор, — палец на пульсе, — наклонился совсем близко к ней. Спит и, едва ли не первый раз за много дней, ровно, как ребенок, дышит. Профессор

делает обычную проверку. Простой опыт. Ключок бумаги. «Это роза. Понюхайте». Чуть-чуть шевельнулась, с улыбкой втянула воздух. «Ах, как хорошо пахнет». Торжествующий взгляд из-под профессорских очков, несколько ничего не значащих вопросов, и, сразу, самое главное. Больная видимо заволновалась: «...Да, да. Я вошла... как всегда, дверь... свой ключ. В кабинете Николай, спиной ко мне... На полу три желтых чемодана. Он перевязывает правую руку в крови. Не слышал... “Коля, что ты делаешь?”. Обернулся, прыжком ко мне... Рукой за горло... Больно... Я боролась-боролась... какой ужас... Что ты, Коля...» Плачет.

«Нет больше сил, схватил опять, потащил... бросил в шкаф... Мне душно, душно... Я не могу...»

«Кто бросил в шкаф? Николай Трофимович?» «Да, да, он, он, я не могу, меня душит, проклятый шкаф...» Очень сильная истерика...

«К сожалению, кончено. Дальше спрашивать невозможно. Обычный нервный припадок....»

Крайнее отчаяние и неожиданная радость. Экстренный выпуск «Глазгоуз-Ивнинг Ньюс» об аресте О'Дэти и вдруг... широкоплечий рабочий с запиской.

«Не беспокойтесь о муже. Он в безопасности у друзей. Арест подстроен фиктивно. Видеться опасно. Через несколько дней получите от него письмо». — «Но что с ним, где он?» — «Простите, миссис, не могу сказать».

О'Дэти на нелегальной квартире глазговской организации А. К. П.

«А вот и товарищ Уислоу, которому вы так основательно съездили по...»

Энергичное рукопожатие. — «Товарищ, простите...» — «Ерунда. Но ведь я вам почти кричал: мы — друзья. — «Ах, мог ли я предполагать, что в форме полиции могут скрываться те, до кого я вот уже три дня безнадежно старался добраться?... Замечательная инсценировка».

— «...Ну вот, тов. Дэти, вас, конечно, необходимо отправить в СССР. Там вы раскроете тайну вашего “цитрона”... Мы ждем, в Гульль должен прийти советский пароход “Вацлав Воровский”. С ним мы вас остороженько и отправим. Он должен был прийти еще вчера, но пока его нет. Задержался в пути, видно. Буря была в Бискайском заливе. Пока мы вас спрячем, а потом переправим в Гульль...»

Петров, после занятий, выйдя из ГПУ, задумавшись, с опущенной головой, — домой по улице. Вдруг... чуть не сбил с ног какой-то неистовый, выскочивший из-за угла. Поднял голову, чтобы сделать замечание. «Вы?... что с вами?» — «Вы?... Какое счастье». — Борщевский, задыхаясь, бросает несвязные слова: «Она! Она здесь! Сейчас! Сам видел!» «Да кто, она?» «Она, та, которая... знакомая Утли-на...» «Где? Вы не ошиблись?». «Да нет, нет, тут за углом... Из автомобиля, в магазин, с каким-то пожилым господином... Я бежал к вам в I ПУ».

Но Петров уже не слушает. «Ну, живо». Быстро за угол. «Какой магазин». «Вот дальше, винный... Шах-Назарьянц... Да вот...»

Открытое зеленое Торпедо Рено. Шофер, уже готовый к немедленному отправлению, копается у капота машины, заводя мотор. Вот запыхтело стальное сердце... Дверь из магазина отворилась. Впереди маленькая, под песочного цвета вуалькой, дама, потом высокий старик, с покупками, с деланной молодцеватостью пожилого кавалера, открывающий дверь, оттеснив предупредительно изогнувшегося хозяина, самого толстого богача, Шах-Назарьянца. «Она?» — «Она, конечно, она...». «Минуточку», «Э, э... в чем дело?».

«Разрешите ваши документы». Дама выпрямилась. Быстрый взгляд прожег вуаль, скользнув по Борщевскому... Несколькими быстрых, едва слышных, совершенно непонятных слов... «Э, э, э... документы, — пожалуйста. Хотя я, собственно, не понимаю...» Рука медленно, за отворот пальто — за документами, и вдруг одним неловким порывом обратно. В красных лучах закатного солнца, алой искрой, — маленький никкелированный... Эх, Петров, Петров! Смелый, но неосторожный ход... Револьверный выстрел, — прямо в грудь. Вперед. Нельзя даже уловить времени, и машина уже за поворотом. Ахнул и почти упал на распростертого на панели Петрова еще ничего не сообщающий Борщевский. Так и присел с внезапно остеклившимися глазами старый Шах-Назарьянц. «Ой, не надо, не надо... Опять смерть? Зачем смерть?...» Такого страшного месяца никогда еще не было у толстого торговца. «У самого его магазина. Такой солидный покупатель и вот...»

Неужели проиграна партия? Неужели завтра, 21 апреля, в «Бакинском Рабочем» появится траурная рамка: «Еще один...»

Не прибыл еще «Вацлав Воровский», но Дэти лучше переправить в Гуль.

«Товарищ Дэти, сегодня в 8 часов за вами зайдут два товарища. С ними вы доедете до самого Гуля, и там вас устроят. Здесь как будто стало небезопасно. Подчиняйтесь им беспрекословно и, по возможности, никаких разговоров и вопросов на улице. Счастливого пути, товарищ! Все-го лучшего! Желаю скоро и благополучно добраться до СССР».

В 8 часов 5 минут два товарища зашли за инженером. «Пойдемте, тов. Дэти. Мы немного запоздали, но не по нашей вине. Ну, времени много. Пойдем пешком, чтобы не привлекать внимания».

На лестнице О'Дэти полусшепотом: «А как же с квартирой?...» «Квартиру нам велено закрыть. Ключи у нас. Ну, идемте».

«...Удалось установить, что ирландец находится на конспиративной квартире компартии, а также, что его намереваются переправить в Гуль 25-го вечером, с двумя провожатыми. Усилиями моих агентов, в 19 часов провожатые, двое коммунистов, были арестованы и заменены сотрудниками. Дэти встретился с действительными провожатыми только в полицейском автомобиле. Дэти временно содержится под усиленным надзором в Глазговской тюрьме. Жду распоряжения.

Вальсон».

Пред. Аз. ГПУ вызвал к себе Кривцова. «Из Москвы распоряжение, — чтобы ты с этой проклятой шахматной шифрограммой немедленно приехал в ОГПУ. Может быть, там напали на какой-нибудь след. Чувствую я, что в этом шифре кроется нечто, не только большее, чем убийство Утлина, а, пожалуй, и вообще такое, чего мы себе даже вообразить сейчас не можем. Не обманывает меня это предчувствие».

1-го мая получил Вальсон короткую записку в ответ на свое донесение:

«О'Дэти ликвидировать. Срочно. Снесите с королевским прокурором. Поставлен в известность».

Вальсон двинул бровями. Чуть шевельнулись холеные усы над тонким ртом. Легкое движение вечного пера.
«К исполнению 3-го мая».

Глава V.

«Крепостная, 7»

Хорошо, конечно, управдому не верить во все таинственное, что происходит в доме на Крепостной. Живет в отдельном флигеле, далеко от всего и в ус себе не дует. Но в эту ночь, со 2-го на 3-е мая, не удалось ему уснуть спокойно после дневных управдомских забот.

После полуночи показалось старухе Джабиевой, что в квартире ее кто-то посторонний. Она села в постели и прислушалась. Действительно, по всей комнате шел какой-то странный шепот, легкое шуршание, не то от стаи ползущих по стенам насекомых, не то... потом что-то стукнуло... Жутко стало старой торговке каштанами. Вся дрожа, встала, проковыляла к тому месту, где на стене давно знакомый выключатель, протянула руку, — зажечь не успела: кто-то, со страшной силой ударив ее по руке, швырнул на пол. «Проснитесь, на помощь, спасите!!...»

Но и так не спят в эту ночь в ее квартире. У комсомольца Ахмета, который еще сидел над своими книгами, усталого после целого дня физической работы, тоже случилось что-то странное. Над статьей тов. Бухарина задумался парнишка; даже закрыл глаза ладонью. Он не обращал внимания на то, что у него в комнате шуршат, — мыши, должно быть, что же другое? Но вдруг странное ощущение вывело его из состояния задумчивости: от низко наклоненной к нему лампочки пахнуло в его лицо струей необычного сухого зноя. Он отнял ладонь: «Что такое?». Он трет глаза рукой, трясет головою. Нет, это и на самом деле так. Вся комната его залита неестественным, сказочным, зеленовато-голубым светом. От лампочки, маленькой, 16-ти свечовой, пышет теплом, как от паяльной лампы. И вдруг, не успел он еще себе отдать отчета в том, что видел, — страшный крик старухи, и тотчас же, — дзин-дах, лопнула лампочка. Большая

изумрудно зеленая искра, — и темно. Только бешенно воеет под полом трансформатор. Не робкого десятка комсомолец Ахмет, а сам не помнит, как очутился в коридоре и носом к носу столкнулся с ругающимся в полном мраке другим жильцом старухи, русским рабочим Цветковым. «Ну и ночь, черт бы ее драл. То крысы проклятые развозились... Потом штукатуркой чего-то жене по голове стукнуло. Свет погас... Старуха заорала... не кончилась ли она?» — «Да, да, у меня то совсем...»

В темноте — в комнату старухи... Та без чувств на полу... «Надо воды».

Ощупью идет к крану Ахмет. Кран тут же в этой комнате где-то...

Час от часу не легче. Если бы не сам видел, никогда бы не поверил комсомолец. Не надо зажигать электричества: вода, брызнувшая из крана, светится, как многосвечевая голубая лампа. Снова вся комната полна ясным, ровным рассеянным светом, каким горят летними ночами гнилушки на дворе. Брызги на полу переливаются, как маленькие светляки, нежными голубыми искрами. Над раковиной, где разбивается струя, — светящийся прозрачный туман. Слова застряли во рту у обоих. Наверное, долго бы простояли они, смотря то на воду, то друг на друга, если бы в тот же момент большой кусок обоев не пополз бы, оторвавшись от своего места со стены, и, свалившись на пол, не покрыл бы бесчувственную старуху.

Шум наверху, беготня, крики на лестнице, — видимо, весь дом проснулся... Никогда не ожидал нэпман Промышлянский, что после крупного выигрыша в клубе ему предстоит такая неприятная ванна...

Как обычно, возвратился он домой поздно. Как обычно, ждала его горничная («бывшая графиня...», не упускает случая уронить Промышлянский), чтобы доложить, что ванна приготовлена. Как приятно опустить жирное тело в мраморную ванну, наполненную слегка надушенной водой в двадцать семь градусов. Как неприятно через несколько минут неожиданно проскочить мимо тужель и халата, мимо мадам Промышлянской и бывшей графини, через кори-

дор и прихожую, прямо в спальню: «Ай, ай, ай. Караул! Налетчики». Не помня себя, визжит обезумевший нэпман. «Что с тобой, что с вами?» — «О, о, вода, вода... Зеленая... Что вы меня, в серную кислоту посадили?» Дзинь-бахх. Дзинь-бахх, — полопались все лампочки в квартире Промышлянского. Дикие вопли в полной темноте несутся оттуда. Хозяин разбил окно и на всю улицу вопит: «Помогите, спасите!».

Разбуженный управдом, — не придя в себя, — вызывает и милицию, и скорую помощь, и уголовный розыск, и пожарную команду...

Вальсон разгромил Глазговскую организацию Английской коммунистической партии. В свободной Англии подобные случаи, к сожалению, обычное явление. К. П. А. к ним готова, — организация ее достаточно гибка. Через несколько времени, почти что назавтра, подпольная работа была налажена окончательно.

«Повезло, товарищи, этому О'Дэти. Точно установлено, что он сидит в камере 93...» «Ну, ладно! Значит так, товарищ Уислоу...»

Сэр Вальсон доволен исполнительностью своих агентов. Короткий доклад позволяет ему совершенно уверенно сделать отметку в своей записной книжке: «3 мая. О'Дэти, — сегодня в ночь, между часом и двумя».

Сэр Вальсон знает, что завтра на утреннем докладе он сможет против этой строчки пометить: «исполнено».

А управдом в домовый книге дома № 7 по Крепостной отметил, что из фасадного корпуса, днем 3-го мая, — иные с руганью, иные с сожалением, — выехали все жильцы. Пожарной команде делать было решительно нечего. Не нашлось подходящей работы и уголовному розыску. Скорая помощь увезла с собою разбитую электрическим разрядом старуху Джабиеву и нэпмана Промышлянского, все тело которого, со ступней и до пояса, представляло собою какой-то огромный, незнакомый медикам, ожог.

Милиция окружила дом, но и ей собственно дела была немного, — ни один вор не решится теперь забраться в такой домик. Зато много работы будет присланной откомхозом научной комиссии; пока все члены ее только недоуменно пожимают плечами.

Девятую ночь проводит в Глазговской тюрьме узник камеры девяносто три, инженер-вор, государственный преступник О'Дэти. Девятый раз ночная тишина раскалывается для него на части дребезжащим боем старинных башенных часов, где-то там, над его окном. Один удар. Он задумался и сбился со счета. Что это? Полчаса первого, час, или полчаса второго, бесконечно длинной ночи, ночи с третьего мая на четвертое? Старая эта глазговская тюрьма... Калориферное отопление, электрический свет, автоматическая сигнализация, антенна радио-приемника над крышей, а башня помнит еще Уота Тайлера, этого древнего мученика знаменитой свободы Англии.

Припадки ярости у О'Дэти сменяются длительными приступами тоски и уныния... Голые серые стены; пол из огромных, циклопической средневековой кладки плит; высоко маленькое окошечко, еще выше — теряющийся в вечных сумерках потолок... Отвратительно днем, еще хуже, еще

тоскливее при мертвом электрическом свете, который почему-то не гасят и по ночам...

За 9 дней ни одной прогулки... «Жалкий неудачник. Сам ничего не сделал, подвел трубочиста Томана и старого Смита, — бедный старик». В первые дни невольно, да, пожалуй, и сознательно вспоминая все когда-либо читанные рассказы о заключенных, все ждал, что вот с ним начнут перестукиваться... Ведь в тюрьме же сидит много коммунистов, — Уислоу сам говорил об этом... Но напрасно. Ни стука, ни какой-либо другой попытки завязать с ним сношения. Прикладывал ухо к холодной и по-тюремному чуть-чуть влажной стене, к трубе парового отопления и водопроводной, напряженно ждал зайчиков солнца через окошко... Ничего.

Сколько времени он будет сидеть, и что с ним будет вообще. Никаких обвинений пока что ему не предъявлено.

О'Дэти вздрогнул. Стук. Да, да, определенно стучат вверху. Но он ничего не может понять. Три долгих, один короткий... Опять и опять, все резче, смелее и настойчивей... Он припоминает азбуку Морзе, старается восстановить когда-то случайно попавшуюся систему тюремного шифра... Но ничего, ничего не выходит...

Но... восемь ударов подряд... Этого нет ни в каком шифре. Да и звук стал совершенно другим, — как будто наверху что-то сверлят... Неужели... неужели... О'Дэти едва подавляет готовое сорваться с губ восклицание... И вдруг... с потолка падает большой кусок старой штукатурки, а следом в образовавшееся в потолке отверстие, что-то вползает... Веревка? Дэти напряженно впивается взглядом в высокий сумрачный потолок.

Не может быть! Но нет. Нет никакого сомнения. Это не веревка. Каучуковая трубка с хорошо знакомым небольшим медным наконечником. «Цитрон-дебблью-5!» Так значит... Значит... смерть. Так вот на ком хочет произвести опыт мистер Фаренгайт...

Ясно. Плотнo закрыт глазок двери. Чем-то плотно забита замочная скважина. Наконечник повисает под самым потолком. Не достанешь, не зажмешь. О'Дэти прекрасно

знает — наверху баллон, откуда через несколько мгновений под давлением в 50 атмосфер вырвется бесцветная, безвкусная, с одуряющим лимонным запахом — смерть. Та, которую он, О'Дэти, создал.

Так что же? Значит, так и умереть? Забиться в угол и задохнуться, как жалкая, затравленная крыса?!

Весь вопрос в том, какой степени газ. Если выше второй — тогда конец, тогда ничего не поможет. Если же второй или первой,— тогда... о, тогда... Соль, соль! Где здесь у него оставалась солонка с поваренной солью, со спасительной солью, хлористым натрием... Он случайно оставил ее для полоскания горла... О, вот она, вот... Ну теперь... Натрий и хлор плюс аш два о!

Если бы кто-нибудь мог предположить, что существует такое детски простое средство против 2-й степени «Ц д-ю-5?» Но этого не знает мистер Фаренгайт.

Зашипел газ, вырываясь из наконечника со своим характерным звуком, но инженер уже успел, — смертельная опасность удесятеряет быстроту движений, — успел завернуть в мокрую вату соль, заложить тампоны в нос, большой кусок ваты с солью в рот... Такие же тампоны в уши... На подбородок полотенце, чтобы, если будет все-таки обморок, не дышать ртом, — и ничком в подушку. Больше ничего сделать нельзя. Теперь только, — второй или третий балл? Если он не умрет через три минуты, — спасен...

Спасен ли? А завтрашняя ночь, если даже он и победил бы сегодня?

Только сегодня, 4-го мая, решился хирург сделать операцию по извлечению пули тов. Петрову. Кусочек стали извлечен, операция прошла благополучно, но еще далеко нельзя быть уверенным в окончательном исходе процесса. К счастью, не оправдались первоначальные подозрения докторского персонала, что рана отравлена, — а то не было бы никаких шансов на выздоровление. Бледный лежит в чистой

до педантизма палате тов. Петров, нелегко дается ему хлороформ. Сестра милосердия заботливо наклоняется над больным. Его мучают страшные кошмары, он что-то невнятно бормочет. «Утлин, Утлин... Это он, он, — седой... Я его почти поймал... Но все зашифровано, решительно все. В этом шифре все дело... Советский, 14. Маленький желтый чемоданчик!!...»

В 7 часов утра сотрудник 3-го отделения, исполнявший задания Вальсона, предложил начальнику тюрьмы открыть третью камеру. Газовысасыватель, через ту же самую трубку, опущенную сквозь пол камеры второго этажа, в течение целого часа радикально освобождает помещение от остатков лимонного газа. Без него обойтись нельзя, — ведь камера 93 пробывала под действием «цитрона» четыре с половиной часа.

«Необходимо составить акт о смерти от разрыва сердца. Там уже все кончено. Ведь совершенно достаточно полчасового действия».

Трудно, более того, — немислимо передать изумление сотрудника мистера Вальсона и начальника тюрьмы. Дверь освобождена от герметических прокладок, вынута заклепка из замочной скважины. Двойной поворот ключа... Как?... Камера № 93 пуста! Инженера Дэти нет! Может, он забился под койку и смерть настигла его там? Нет, никого... Цветы на окне (гуманные тюремщики демократической Англии поощряют в своих пленных любовь к прекрасному), — немного обгорели от действия «цитрона». Но где же узник?...

Не ожидал такого доклада сэр Вальсон. С первых слов, побагровев, привстал из-за письменного стола. «Нечто совершенно необъяснимое. Камера в полной исправности. Перед пуском газа наличие заключенного засвидетельствовано всеми нами. Газ нагнетался в течение 40 минут...»

«Может быть, допущена ошибка при выборе баллона? Может быть, вы захватили баллон 5-ти балльной силы, пре-вращающий все в порошок».

«В первую минуту я и сам подумал так. Но нет... Растения на окнах... Ошибка такого рода исключена».

«Но в чем же дело?» По обе стороны письменного стола два лица друг против друга: гневное, красное, изумленное и другое, испуганное, растерянное, изумленное еще более...

«Ошибок нет, чудес тем более, промахи олухов, которые за это ответят».

«За это ответят — наверное, ответят, но вот кто и как ответит на вопрос, куда, каким образом исчез Дэти из смертельной западни — неизвестно».

«Сэр Вальсон! Спросите об этом товарища Уислоу. Может быть, он сможет вам об этом рассказать. Но в данную минуту вам удастся сделать это разве только по радио».

Скорость хода — 212 километров, альтиметр — 1350. Компас — норд-норд-ост. Гидроплан Ди Эч-файф несет над Северным морем тов. Уислоу и его почти потерявшего сознание спутника.

Куда, товарищи? Прямо в СССР? Пока еще нет. Как огромная морская птица, гидро снижается, как только на горизонте показывается дымок нагоняемого им судна. Радио. Просьба об остановке. «Вацлав Воровский» стопорит.

Никто не присутствовал при разговоре тов. Уислоу и Соловьева. Но через 10 минут, не более, стальная птица, скользя по гребням легких волн, взяла курс на юго-запад: летчик повел машину туда, где оба они, и человек и его воздушный конь, могут сослужить еще не один раз службу Английской коммунистической партии.

Странно, чрезвычайно странно инженеру О'Дэти после тюрьмы, после ожидания смерти, так неожиданно очутиться среди заботливого товарищеского ухода в теплой, чистой, безопасной каюте «Воровского».

Столько приключений, столько перемен за один месяц, — сколько не выпадало на его долю за всю предыдущую, такую простую, такую обыденную жизнь.

Славный парень этот Соловьев. Он и Уислоу кажутся инженеру друзьями, которых он знает с раннего детства. И небывалые, непривычные для него отношения между матросами и командирами, и новые разговоры, когда вслух и ясно говорят о том, о чем даже в Англии нельзя даже и подумать, — все это волнующе интересно. До сих пор бывшая для него чужой и отвлеченной, несмотря на то, что его отец был простой рабочий, великая борьба трудящихся, — стала близкой и родной. А впереди его ждет цитадель мировой революции — СССР. Единственное, что его тревожит, — это его маленькая Кэт. Но товарищ Уислоу успокаивает его. Она в безопасности. Она все знает. Она гордится своим мужем. Дэти оказывает незабываемую услугу делу рабочих и крестьян. Тов. Уислоу может в ком угодно — поднять настроение, жизнерадостный человек, живой, как ртуть. Команда «Воровского» его очень полюбила. Ни слова не понимая по-русски, объясняется все же. тов. Отвислый, так его перекрестили ребята с матросами, присутствует на всех собраниях и принимает в них оживленное участие.

«Скоро, скоро, товарищ Дэти, будем дома. Маленький круг только, к сожалению. Если бы мы шли не на Мурманск, а на Ленинград, мы бы давно доставили вас на место... М-н-да. Эта буря в Бискайке задержала-таки нас немного. Пришлось заходить в Шербург, подправить кое-что. А прибыли бы мы, как предполагалось, в Гуль 25-го числа, не пришлось бы вам попариться в тюрьме. Но сначала вы нас ждали, потом и нам пришлось вас подождать... Правду говоря, и надежду потеряли, да и ждать больше не имели возможности».

Тов. Соловьев после разгрома революции 1905 г. был матросом в Английском торговом флоте и свободно говорит по-английски.

Две неразрешенные до сих пор загадки стоят перед учеными СССР, все так же бьются они, разыскивая состав таинственного лимонного газа, а, с другой стороны, новый вопрос волнует их с тех пор, как все русские газеты обошла сенсационная история с таинственным домом на Крепостной улице. Приехали профессора из Москвы и Ленинграда. Пустой дом осмотрели десятки раз. Вскрыли и заменили новой всю электропроводку, применяли точнейшие измерительные приборы, выселили управдома, и в его флигельке устроили целую лабораторию; но ни химики, ни медики, ни геологи, ни специалисты электротехники не могут дать исчерпывающего объяснения. Впрочем, договорились ученые на одном пункте, что, впрочем, было ясно всем и неученым: на дом № 7 действует какая-то, в природе не наблюдавшаяся сила. Назначенный комендантом этого таинственного дома молодой коммунары однажды спросил знаменитого профессора Убутьева: «Где же тут все-таки собака зарыта?» Профессор хмыкнул носом, сердито посмотрел на нетерпеливого юношу через очки: «А вот ее-то мы и ищем... и найдем...»

Один из сотрудников Ростовского ГПУ, хлебнувший лимонного газа в стальном отделении Ростовского отделения Госбанка, обречен, — умирает. Товарищи исполнили его последнюю просьбу, — привезти его в Ленинград, — где он родился и где живет его семья. Профессор Попов, специалист по отравлениям, главный врач большой Ленинградской клиники имени Мечникова, уделяет много внимания интересному пациенту, но все усилия спасти несчастного напрасны. «Ох, попался бы мне тот мерзавец, который выдумал этот проклятый газ», не раз повторял профессор.

На Кетлер-Стрит все поставлено на ноги. Новая боевая задача: Дэти, Дэти! во что бы то ни стало, живым или мертвым, он необходим «им».

Давно не беспокоил московский дядюшка своего ленинградского племянника, того самого, который когда-то неудачно охотился за желтым чемоданчиком Петрова, с такой настойчивостью и так категорически. «Дэти, рыжий ирландец Дэти... Ищите в вашем районе... В случае нахождения сообщить немедленно...»

Наконец, 22-го мая у Вальсона есть повод одновременно и облегченно вздохнуть и еще более озлобиться.

«Рыжий ирландец О'Дэти высадился в Мурманске с “Вацлава Воровского”. С ним известный глазговский коммунист Уислоу».

Сколько бы часов в день не работал неизменный раскрыватель зашифрованных тайн, мистер Брук, прибор его пребывает все в том же, отменно четком, геометрически правильном виде. Ему все равно, что именно, какие вести проходят через его руки на его привычном письменном столе. Так же он сгибает над ним свою сутулую спину, не поднимая серого лица, так же бесчувственно здоровается после службы с миссис Брук, так же с полным желудком и спокойной совестью засыпает каждую свободную ночь в теплой постели. Кажется, все зашифрует он с тем же ничего не выражающим лицом, все, кроме, может быть, уменьшения своего жалования и смертного приговора самому себе. Любит-таки пожить серенький мистер, и, может быть, его эту слабость кто-нибудь еще использует.

Целиком захватил привезенный из Баку шифр и тов. Кривцова и его нового начальника, московского тов. Майзеля. Аз. ГПУ отправлена телеграмма: «Тов. Кривцов необходим для работы здесь. О всех новых сведениях по делу Утина сообщайте немедленно».

Вот вывод союзного ГПУ: эта шифрограмма несомненный ключ к таинственным событиям в Баку. Она должна быть раскрыта, она будет раскрыта во что бы то ни стало,

— за это ручаются Майзель и Кривцов. Пока что, они поневоле выучили всего Пушкина наизусть. Нефть, транспорт, уголь не дают им покоя. Это Н.Т.У. должно означать что-нибудь совсем иное. Испробована тысяча комбинаций букв на шахматной доске; остались непроверенными еще многие тысячи других — но шифр должен быть найден! Майзель и Кривцов готовы отдать за это жизнь, как отдал ее тов. Борис в Баку.

«На восьмом раунде чемпион мира, замечательным ударом на четверть ниже сосковой линии, бросил противника на землю...» Как всякий настоящий британец, Стон из всей своей ежедневной «Дейли Кронайкль» больше всего ценит страницу шестнадцатую, — спорт. Но сегодня ему, к сожалению, не удалось проследить до конца подвига маэстро, затмившего Джефриса и Джонсона: звонок, — сэр Вальсон требует мистера Стона в кабинет.

Делу О'Дэти придано чрезвычайное значение. О'Дэти в СССР, — мистеру Стону надлежит вернуться к прежнему месту работы, — в Ленинград. Правда, это не вполне безопасно, но хозяева сказали — «именно» мистер Стон должен быть польщен. Сегодня же мистер Стон на экстренно снаряженном аэро выбывает в Ревель. Это кратчайший путь.

Здоровый организм Петрова понемножку берет свое, сегодня он уже может написать несколько строк на Советский 24, в Ленинград, своей Вере.

Это письмо дойдет дней через пять, через неделю, а пока что Вера обречена томиться в неведении относительно судьбы любимого человека, вдали от нее сражающегося с упорными, ничем не пренебрегающими врагами. Давно уже

нет писем. Бывали и раньше задержки, — из-за работы, но теперь уже больше месяца, как он молчит.

Сегодня, в воскресенье, она отказалась пойти с подругами в кинематограф, хотя теперь именно первые дни новой напумевшей фильмы советского производства... И особенно тоскливо в такие свободные от работы дни сидеть дома, когда в голову, помимо воли, лезут всякие тревожные предположения.

Звонок... Кто бы это мог быть?... Вот нечаянная радость: Соловьев, близкий приятель Феди. «Ты откуда? Столько времени не видались!...» «Откуда? Как это считать? Владивосток — Мурманск. Сейчас из Мурманска. Да я не один. Вот посмотри, привез из Англии славный подарок для всех нас и наших. Вот, мой новый друг, инженер О'Дэти. К сожалению, по-русски ни слова. А вот и другой новый знакомый, тов. Уислоу. Тоже русского не знает. Ну, обойдемся. Да, матросы у нас его перековеркали в Отвислого. Да, что ж я! А Федя-то здесь?». «Ах, нет. Он уже два месяца в Баку на серьезной работе по геппеу'ской линии. Давно уже нет писем, и я страшно волнуюсь».

Тысяча вопросов, множество новостей. «А что он писал за последнее время?» — «Да очень мало пишет.. Ну, много работы, конечно... писал, что как раз в последнее время вел страшно сложное запутанное дело... Мне кажется, по почерку, нервничает, хотя и уверяет, что все нипочем, как все вы...»

Сам сэр Вальсон не узнал бы теперь мистера Стона... Да это, действительно, не мистер Стон. Это вятский купец Карякин, по личным делам приехавший из Котельнича в Ленинград для продажи масла; но надо сказать, что с тех пор, как два дня назад он благополучно перебрался через границу, где-то около села Синего, уже не первая фамилия вместе с новым костюмом меняет его природные свойства. Черт возьми! Надо быть очень настороже купцу Карякину!

Малокультурная страна. Не очень-то любят здесь английских шпионов. Прямо с вокзала и по пути несколько раз с шиком переменяв трамвай на извозчика и извозчика на автомобиль, приехал бородатый вятч в приготовленную племянником квартиру. Дельный работник, как-никак, этот племянничек. Неудача серии Н.Т.У. — совсем не его вина. Роковое стечение обстоятельств. Во всяком случае, на этот раз, он достоин всяких похвал. «О'Дэти вчера приехал в Ленинград вместе с командиром “Воровского” и с тем глазговским Уислоу. Вчера же все они были на Советском 24, у той женщины, с которой жил Петров, если угодно вспомнить мистеру Стону».

«Вы представляете себе возможным организовать похищение ирландца?»

«Ни под каким видом. Это немисливо по тысяче причин».

Стон того же мнения. Он знал это заранее. Это могут предполагать люди, пусть весьма почтенные, но совершенно не знающие здешней обстановки.

«Но О'Дэти надо все-таки ликвидировать».

«Жаль, что нам запрещено пользоваться лимонным газом. Как облегчил бы он нам работу на юге. Я сам получил маленький балончик, — степень третья, — приятная штучка. Но тотчас же за ним пришло категорическое — «нельзя».

«Да, это нельзя, к сожалению, я должен вам повторить, особенно теперь, когда этот идиот поставил нас под прямую угрозу глупейшего раскрытия так хорошо приготовленного дела».

«Ну, во всяком случае, не беспокойтесь. В конце концов, безвыходных положений нет. На этих днях с ним будет покончено».

«Вот что, товарищ О'Дэти. С вашим делом надо ехать в Москву, я уже это выяснил. Мне придется побыть здесь еще два дня, а потом поедем вместе. Но тут я буду очень за-

нят, а чтобы вы не скучали, я просил товарища Веру уделить вам хоть вечера. Ну театр, кинематограф... Вы и она владеете немецким языком, значит, кое-как объяснитесь...»

Бисквитный король, сладкий дедушка, лорд N между девятью и девятью с четвертью, то есть между чеками № 24567 и 24587, вместе со стаканом очень крепкого кофе и яйцом всмятку проглотил приятное сообщение: «Концессия, несомненно, будет получена в первой половине июня. Следует предпринимать шаги по ее реализации, ввиду крайне строгого отношения к фиктивным предприятиям».

Развлекает всеми мерами Вера своих милых, но не знающих русского языка гостей. Не совсем-то это легкая задача. В театр их не поведешь — не поймут ничего, на лекцию не сходишь... Остается только «великий немой», который говорит на языке, равно понятном всем национальностям. По счастью, оба они очень любят кино. «Пикадилли» манит «Агонией земли», а «Гранд-Палас», — «Эликсиром жизни», — грандиозные постановки Совкино.

Решено идти на «Агонию». — О'Дэти и Уислоу интересно то, что там изображены и Англия и СССР. И потом, такая «колоссальная драма».

Кончилось... Толпа теснится у выхода... Дэти в восторге. В давке спускаются по лестнице. Но в выходных дверях какая-то особая теснота. Инженер осторожно ограждает Веру от толчков. Вдруг вскрикнул и обернулся: что-то резко и остро укололо его в локоть... «Что с тобой?» спрашивает Уислоу... «Да ерунда... Обо что-то здорово укололся...» Смех...

По проспекту 25 октября в теплый майский вечер, переходящий в белую ночь, молодые англичане, смешавшись в бесконечном людском потоке, провожают Веру домой.

Уислоу болтает, как всегда, на своем полиглотском наречии. Но О'Дэти почему-то неразговорчив. И эти белые

сумерки утомляют его, да, кроме того, ему сегодня что-то нездоровится...

На углу проспекта Володарского он, неожиданно покачнувшись, остановился: «Простите... мне вдруг... мне совсем плохо...» И не успели еще обернуться Вера с Уислоу, как колени его ослабели, перед глазами поплыли разноцветные узоры... Медленно оседая, инженер О'Дэти опустился на панель...

В больнице имени Мечникова, в палате для подвергшихся действию ядов, на третьей койке от окна медленно угасает сотрудник Ростовского ГПУ, пожелавший умереть в родном городе. А рядом, пока еще тоже совсем плох, с огромной опухолью на локте, инженер Дэти.

Сегодня Соловьев получил ответ из Москвы на свое письмо о Дэти.

Ни он, ни сам Дэти не предполагали, что это так важно.

«Профессор Попов, вы должны приложить утроенные усилия, чтобы спасти этого человека».

«Ну, это не такой страшный случай, благо захватили в самом начале; посредством укола в локоть, был вспрыснут яд, который не успел еще рассосаться. Выживет! не беспокойтесь!»

«Спасибо, профессор. Этот товарищ чрезвычайно нужен Республике. Ведь он единственный, кто знает тайну лимонного газа...»

«Как!» перебил профессор.

«Ну да. Он и есть изобретатель этого газа».

Лорд N сегодня может известить своих компаньонов, что хлопоты о получении самшитовой концессии на Кавказе, которые велись от имени известного объединения деревообделочных фирм Британии, увенчались долгожданным успехом.

«Нам пришлось пойти на все условия, поставленные Советской властью».

Концессия не обещает быть слишком прибыльной...

«Это совершенно неважно... Какое нам дело до этого самшита... Н.Т.У...»

Вальсон, на основании полученных директив, делает предписание агенту Мак-Кину в Баку. Брук зашифровывает его. Мак-Кину предложено выехать в качестве инженера Самшитс-Компэни к месту разработок...

После неприятной встречи у магазина Шах-Назарьянца Валентиночке и Брегадзе пришлось, выбравшись из Баку, временно поселиться в одной из ближайших дачных местностей... Но ненадолго. Брегадзе недоволен. Опять какое-то предписание, опять надо укладываться и ехать.

Глава VI.

Подарок с неба

Дорого бы дал Петров, чтобы можно было ему сейчас проехать куда-нибудь за город. Но нет, как ни силен молодой организм, а тяжело, страшно тяжело дается ему победа над смертью. В течение многих недель Петров то встает и, шатаясь, похудевший, желтый, как восковая кукла, небритый, бродит по веранде дома, где помещается лазарет, то снова валится с ног и по целым суткам лежит без сознания. О, эти убийцы из-за угла! Масками, гримом, засадами думают вырвать они у трудящихся всего мира то, чего не вырвали в борьбе лицом к лицу!

В конце июня доктор после осмотра: «Больной Петров просится домой. Разрешаю с завтрашнего дня считать выбывшим...»

Мягкий Бенц Аз. ГПУ проложил пыльные колеи от лазарета к маленькой улочке в центре города. И Петров у себя. Пред. Аз. ГПУ — дежурному: «За квартирой тов. Петрова установить надзор. Нельзя допустить, чтобы его еще раз вывели из строя. Я чувствую, наступает решительный момент».

Немудрое хозяйство у Петрова. Оно в порядке. Толстая Зоя Родоканаки успела привязаться к своему спокойному, тихому, всегда опрятному жильцу; она долго проклинала по-русски и по-гречески его врагов, когда узнала о ране, и добросовестно следила за всем. Одно только ее смущает:

«Что с Абреком?»

Плохо собаке. То ли от горя по раненому хозяину, то ли от чего другого, — совсем запаршивел Абрек. Целыми днями чешется — то лапами, то трется о вещи, шерсть лезет огромными клочьями, даже воет от бешенства несчастный пес.

Петров, возвратившись, едва узнал животное. Красавец, пушистый, длинношерстый — и вдруг! Из-под остат-

ков шерсти сквозит отвратительная, омертвевшая, сухая шкура. Глаза едва смотрят сквозь опухшие веки, горячий нос, жалобное взвизгивание.

«Что это с Абреком?»

«Сейчас же сбегайте за ветеринаром! Как не стыдно было до этого довести собаку. Я никогда не видел такой страшной чесотки. Это ужас! Как вам не стыдно!» О, Зоя Родоканаки не виновата в этом. Она тоже никогда не видела ничего подобного... Она сейчас сбегает за доктором, она знает хорошего, военного, русского...

Петров повалился на диван, чуть ли не со слезами. «Бедный ты мой, что с тобой случилось!» Не каждого человека так пожалеешь, как умного Абрека. Вот и сейчас, подошел, слабо повилял хвостом, тяжело вздохнул и лег у дивана. Но почти тотчас же вскочил и, слабо воя от нестерпимого зуда, начал чесаться, чесаться, чесаться... Что за дьяволыщина! Неужели... Ах, неужели и его отравил какой-нибудь злоумышленник... Может быть... нет, но это такая дикая мысль...

«Товарищ ветеринар. Эта собака мне крайне дорога. Прошу вас, сделайте, что можно... Меня самого долго не было, и вот...»

Высокий, сумрачный украинец наклонился над Абреком. Абрек даже не ворчит на ветеринара, только смотрит слабыми, печальными глазами. Но ветеринар ворчит над Абреком. Видимо, он тоже первый раз видит так страшно далеко зашедшую чесотку. Его спина закрыла от Петрова собаку. Он осторожно щупает его пальцами. Да, вот так болячки! Нагнулся ниже. Сел на корточки, исследует долго и внимательно... И вдруг повернул к Петрову досадливые сердитые глаза.

«Вы, товарищ, шо, голову мне морочите, или шо?»

«Как морочу голову? Почему?»

«Да какого это беса чесотка. Разве это чесотка? Стар я, товарищ, чтобы надо мной смеяться! Сами лечите такую чесотку».

Петров даже привстал с дивана. Он ничего не понимает. Что случилось с угрюмым, собачьим доктором? Но и

доктор долго еще и недоверчиво смотрит на Петрова. И неожиданно, сразу начинает хохотать, как сумасшедший.

«А-ха-ха-ха! Чесотка! О, хо-хо-хо! Болячки! Эх, товарищ, товарищ, уморил ты старого человека. И зачем, кому это треба? Так вы, значит, и сами не знаете! Ну, смотрите!».

У него в руках маленький острый перочинный нож. Что за черт? Что он делает? Велел Абреку встать, собрал на его загривке всю его облезлую, полуголую кожу и смело прорезал острием ножа. Резкое движение... «А! Пойдите!»

У Петрова вырвалось восклицание безграничного изумления. Хозяйка, смотревшая в дверь, истерически взвизгнула и убежала. И тут...тут случилось что-то дикое, нелепое, невозможное. Вся лохматая, ужасная, бело-желтая шкура сенбернара сразу, точно распоротая перчатка, упала к его лапам. Одно мгновение и Петрову показалось, что это либо сон, либо он сошел с ума. Из шкуры сенбернара, как бабочка из куколки, выскочил прекрасный, стройный тигровый дог, мускулистый, с гладким хвостом, настоящий бисмарковский и со счастливым лаем бросился к хозяину на грудь. Что это, что это значит?

Но времени на удивление оставалось немного. Хохочущий, как ребенок, фельдшер взял в руки пустую шкуру, встряхнул ее и... небольшой, завязанный в газету пакет, нечто вроде тетрадки или пачки бумаги, скользнув из нее, упал на пол. В ту же минуту Петров, как коршун на добычу, бросился на него.

«Товарищ начальник, уверяю вас, я сам еще ничего не понимаю. Но, действительно, на собаке была одета вторая шкура, а под ней спрятан дневник Утлина за время с конца октября и почти до его смерти. Я бегло проглядел тетрадку; он писал очень осторожно, сразу понять ничего нельзя, но я уверен, тут мы найдем ключ ко всему... Алло! Вы слушаете? Я прошу вас не сообщать никому, до прочтения. Разберу на днях. Дневник поврежден, нужна некоторая работа. Да, да, конечно, копию, пришлите переписчика. Изумительно? О, еще бы! Приедете сами? Ну, очень рад, очень рад, валите скорее! Ну, всего лучшего! До свидания!»

«Товарищ ветеринар, вы партийный? Ага, последнего Ленинского призыва? Ага, ну вот, эта история будет вам экзаменом на сознательность и зрелость. О ней никто ничего не должен знать. По счастью, хозяйка струсила еще до момента превращения сенбернара в дога и убежала. Абрека я запру и сейчас же перееду на другую квартиру. Вы же помните: одно ваше неосторожное слово может наделать множество бед. Хорошо? Поняли? Ну и отлично!»

Странный дневник. Небывалый дневник. Неужели все написанное в нем правда? Но Утлину не было смысла лгать, все обстоятельства дела говорят против этого. Но если это правда... Сердце Петрова замирает в ослабевшей во время болезни груди каждый раз, как только он пробует представить себе, что будет, если только все в дневнике — правда. И страшно, и хорошо, и все яснее становится необходимость немедленно, не теряя ни минуты, распутать до конца кровавый узел, завязавшийся вокруг автора этих острым характерным почерком исписанных листов. «О, вот теперь ясно видно, что тому, кто убил Утлина, действительно необходимо было это сделать! Но какая опасность, какая ужасная опасность для всех нас, для всего нашего общего дела».

Эта пачка грязных, затрепанных, измятых, должно быть, выдавших виды листков, повесть, которая удивительнее всех легенд, сказочнее всех сказок, известных человечеству: — потому, что она не легенда и не сказка.

Одна страничка, первая, очевидно, приписана не в порядке записей по дням, а позднее нескольких следующих за ней, но и ранее многих, после нее идущих.

«24 Ноября, 7 час. 30 мин. вечера. Сторожка близ Ак-Мечети.

Несколько случайностей, происшедших за последние дни, изменили и, видимо, еще изменят всю мою жизнь. Приходится изменить и ведение дневника. Но хорошо, что во-

обще веду его. То, что мне удалось открыть, так важно, что послужит эпохой не только в моей жизни, но и в жизни всего человечества. Жалкая ерунда, которую я заносил до сих пор в свои тетради, теперь здесь положительно неуместна. Беру часть записи, начиная со вторника 19-го, и буду вести ее снова. Боюсь даже приблизительно оценивать значение захвативших меня событий; во всяком случае, еще не произведя опытов с ним, еще не исследовав “его” хорошенько, — вижу ясно, как “оно” перевернет всю нашу технику, все производство, а с ними и общественность, и идеологию, и мораль. “Оно” проникает всюду. “Оно” завоюет весь мир. Какое счастье, что “оно” волей природы оказалось именно в СССР и, что из всех людей именно я нашел его. Потому что я отдам его на служение людям, на службу коммунизму. Попадай же оно туда, к западным... Какой бы это был ужас!».

Каждый раз, как Петров доходит до этого места, кулаки его судорожно сжимаются... «Оно» еще не у нас... «Оно» еще может очутиться и там, на Западе, и... где угодно. Но этого не может быть! не должно быть. Скрипнув зубами, он переворачивает страницу — сотни раз в этот вечер.

Шаг назад — 19-ое ноября.

«Сегодня самый удивительный день моей жизни! За тот месяц, что я пробродил по этим горам с геологической сумкой, револьвером и набором реактивов в поисках марганцевых руд, — это первое настоящее приключение. И приключение, обещающее быть интересным. Утром я вышел из сторожки, у ручья Кара-Су, и до полудня шел по ущелью на запад, там и сям отбивая образцы пород. Сумка тяжелела. Около 12 часов решил отдохнуть. Неимоверная глушь. Сел под большим деревом закусить. Ни души — только орлы следят за чем-то с безоблачного неба. Тишина полная, до ощутимости. Вдруг отчаянный человеческий вопль о помощи заставил вскочить на ноги. Спасибо ГПУ, что разрешило мне ношение кольца. За маленьким кряжем гранита один человек в лохмотьях душил другого в таких же отрепьях. Услышав меня, оглянулся, потом выхватил кинжал. Я не думал, что сумею так быстро достать револьвер. Выстрелил в воздух. Бродяга мог бы, конечно, успеть, но испугался.

Отпрянул, дико вскрикнул, и скорее, чем я мог сделать движение, скрылся в лесу. Полузадушенный скоро очнулся... “Он — Мохамед Моздузин, турок, рыбак, давно проживавший на Каспийском побережье. Он не сердится на нападавшего — кому какое дело до старых человеческих счетов! — но мне он никогда не забудет этой минуты. Я его спас; его жизнь — моя до гроба”. По-видимому, это была одна из сцен давней вражды, мести, войны не на живот, а на смерть, к которой он всегда готов и привык. Из его слов я понял — ему уже второй год приходится скрываться в одном из самых диких уголков Кавказа, прячась от своих соотечественников. Видимо, у него есть основание для этого... Но не это меня заинтересовало.

Слегка придя в себя от глотка вина, он тяжело задумался. Казалось, испытывал глубокую внутреннюю борьбу. Потом сказал мне: “Ты мне, как мать. Ты — как отец. Ты второй раз дал мне жизнь. Покажу тебе то, что показал бы только отцу да матери. Жене не показал бы, брата убил, если бы он узнал. Тебе покажу!”

Всему, что он говорил потом, трудно поверить. Ясно, что здесь почти все — выдумки, естественные у темного человека, религиозного, да еще мусульманина. Но и та правда, которую можно угадать в его несвязном рассказе, очень интересна.

По его словам, с полгода назад он присутствовал при каком-то странном явлении в лесу, при падении на землю метеора. (Он об этом говорит, как о нисхождении ангела.) Ангел сошел вечером, в столбе огня, с громом и ревом небесных труб в одну из замкнутых со всех сторон долин Ак-Мечетской лесной дачи, когда Мохамед выслеживал козую. Он упал на траву и пролежал до тех пор, пока не подумал, что ангел, наверное, уже улетел, т. к. стало тихо. Встав, он подошел к краю котловины и увидел, что ангел оставил там (наверно, забыл!) огромный бриллиант, сияющий всеми огнями и цветами. Вся ложбина, по его словам, была “нежнее” луны и ослепительнее солнца. Всюду точно летали огненно-голубые мухи. Над краями ее поднимался легкий пар, а сквозь него сиял огромный, как две добрых фе-

ски, сложенных одна на другую, драгоценный камень... Он испугался и, тихо спустившись вниз, ушел оттуда. До сих пор все понятно. Картина падения метеора, как ее должен видеть любой необразованный, окованный тысячами вер и суеверий человек, точна до мельчайших подробностей. Но дальше начинается уже странной.

Он не хотел пойти посмотреть на ангельский камень. Может быть, ангел думал, — никто не видел, — пусть лежит. Может быть, он украл его на небе и принес спрятать. Не надо смотреть, нехорошо смотреть!

Но любопытство преодолело страх и эту забавную рассудительность. Он пришел, по его словам, через месяц, потом еще раз спустя месяц, затем стал бывать здесь часто — чему трудно поверить, — картина оставалась той же. Конечно, камень из рая. Фосфорически голубой свет в долине будто бы можно видеть, и до сих пор. Будто бы даже маленький источник, бьющий в этом месте и за 25 саженей от истока, светится голубым сиянием, райским светом. Камень поет. Как камень может петь — разъяснить он не может, — но утверждает, что поет. В лощине, если верить ему, случилось что-то странное с растительностью. Простая трава стала как деревья, деревья неслыханно разрослись и приносят необычайное множество огромных плодов. Из долины веет жаром, а ночью он, Моэдузин, неоднократно видел толпы лиловых и голубых ангелов, возносящихся к небу.

Все это несколько не похоже на правду. При всем желании, ничего не могу объяснить себе из этих слов, не могу найти и зародыша всех его невероятных видений. Остается два выхода: или самовнушение, или сознательная, хотя и непонятная ложь. Но не могу удержаться от проверки. Он предлагает идти завтра. Во всяком случае, интересен самый болид, да отсюда от сторожки не так уж далеко, версты три. Он засвистит мне около 5 часов вечера и мы пойдем. Если верить ему, место это найти легко, т. к. главной его приметой является пирамидальная скала, которая видна из сторожки. Отсюда, чтобы найти начало пути, нужно отсчитать...»

Петров испускает сотовое за этот день сердито-досадливое восклицание. Страница! Не хватает по меньшей мере одной страницы и самой важной. Отсчитать? Что отсчитать? Шагов, сажен, турецких единиц меры? Куда отсчитать? Что делать дальше, если он, Петров, и увидит эту чертовскую пирамидальную скалу? Нет, это невозможно, невозможно...

Петров неистовствует. Петров не знает, что если не сегодня, так вчера, не вчера, так на прошлой неделе, в Лондоне, сэра Вальсон сердито откинется в жалобно звенящие пружины кресла: «Проклятая бумажонка. Стоило Мак-Кину присылать этот вырванный листок, если из него можно столько же узнать об этом нужном месте, сколько из каталога моего портного...» Принимая за начало восточный край, 180 локтей к лесу, и влезть на то дерево, которое будет прямо перед тобой, тогда, если повернуться спиной к солнцу ровно в полдень, отсюда и только отсюда будут видны три других вершины в виде петушиного гребня. Из них одна наполовину закрывает другую, а за этой средней... «Тысяча петушиных гребней этому дьяволу Утлину! Зачем ему нужно было из всего дневника класть в шкаф в Ростове вместе с другим дневником, дневником опытов, только одну, никому не нужную бумажку. Да, здесь точно указано, как найти закрытую вершину и тропинку за ней, и поворот с этой тропинки, и масса других очень точных примет. Но здесь нет одного. Восточный угол — его надо принять за начало? Дома, пруд, лужайки, ямы, горы... И из-за этой глупой предусмотрительности загорается сыр-бор с самшитом, и лорды тревожатся, и будущность лучших людей Англии — в руках какого-то нелепого Советского Концессионного Комитета...» Вальсон злобно теребит холеные военные усы. Аксельбанты на его груди звенят и путаются. Он не знает — а он знает много, — не знает, не может знать всех свойств того или другого сенбернара, всей обстановки квартиры Петрова, за которой агенты Аз. ГПУ следят слишком тщательно, чтобы она стала видимой Вальсону. Не знает он и о ежевечернем чтении тов. Петрова. И должен мириться с нелепой историей бумажонки, — не зная унич-

тоженного в ней места, нельзя определить, от какого восточного угла нужно отсчитывать роковые 180 локтей.

Но, вероятно, в дневнике не хватает больше, чем одной страницы. Он начинается неожиданно, вдруг, с восклицания.

«...Совершенно неописуемое! Мохамед раздвинул листу шурушащих самшитовых деревьев, растущих здесь во множестве. Перед нами встала та самая котловина, о которой он говорил мне. Я не удивлен, что он принял ее за кусок рая, свалившийся на Землю. Вся она походит на замерший кратер потухшего давно вулкана, метров 200 или 250 в диаметре. Склоны ее, до красноватых скал, сквозь какие мы только что пробрались, сплошь покрыты какой-то неизменно-роскошной, похожей на тропическую, растительностью. Из жерла огромной воронки, как из разбитого окна оранжереи, веяло душным, сырым зноем, запахом цветущих магнолий, рододендронов, тепличной земли, пара, — всем ароматом девственной саванны или льяносов Оринокко. В совершенно неподвижном, густом, насыщенном влагой воздухе никли тяжелые огромные гроздья ветвей и цветов, а за их пологом, в непроницаемой темноте сгущающегося вечера словно горел огромный изумрудно-голубой светляк».

Уже поздно ночью Петров передает содержание дневника всем руководителям ГПУ, собравшимся у него на квартире. Решено ознакомиться возможно подробнее со всеми данными по этому сказочному делу, чтобы дружным коллективным усилием распутать чудовищный клубок. В маленькой комнате заперты все окна, — курить приходится выходить в другую, чтобы не повредить больному. Снаружи и внутри сторожкие глаза напряженно следят за всяким, кто приблизится к дому в это время. Трудно допустить, чтобы враги, такие вероломные и сильные, не узнали бы теперь, где находится драгоценная рукопись. Враги... Но кто они такие? Неужели еще долго томиться, упорствовать, ждать удара из-за угла... Все сгрудилось около стола. Петров рассказывает.

«После долгих уговоров, ему удалось убедить напуганного турка сойти в долину и произвести подробный осмотр ее. Все оказалось таким или почти таким, как в его рассказе. По средней линии впадины протекал крошечный ручеек, бравший начало почти в ее центре, несколько западнее. Камни в нем, его вода, случайно упавшие в его русло предметы, даже легкий туман над поверхностью его — сильно светились прозрачным голубым светом. Было очень жарко, жара эта все увеличивалась, и в западной части круга кратера доходила до 54-57 градусов по Реомюру (видимо, Утлин носил с собой термометр). Растительность, похожая на тропическую, при ближайшем осмотре оказалась еще более странной. Формы ее напоминали общекавказские: но размеры, пышность, блеск, превосходили тропики. В частности, самшит, растущий за пределами кратера в обычном своем низкорослом виде, здесь превращался в великолепную пальму». Все это химик заметил, видимо, мимоходом, быстро пересекая ложину с целью пробраться в чащу леса, где за рощей деревьев будто светился чудовищный зелено-голубой фонарь...

«Ну, ну!...» с каждым перерывом речи Петрова сосредоточенные лица придвигаются все ближе, глаза блестят все ярче. «Ну!»

— «Ну, и когда они вошли туда, — увидели, что метеор (Утлин до конца дневника не сомневается, что это он) упал сажень в двух правее и выше начала источника. В полную противоположность картине пышного сада поодаль метеора, вблизи его была сущая пустыня. Ближайшие кусты обгорели и опустили обугленные ветки, трава была выжжена с корнем. Сам камень, круглый обломок величиной со средний валун, очень маленький в сравнении с произведенным им эффектом, лежал на небольшой отмели из сухого белого песка, слившегося в стеклянную чашу вокруг места его падения. Он был совершенно черен, но вдоль него шла зигзагом ярко сияющая трещина, откуда, как мякоть плода, выступало огненное содержание. Кругом нее по земле были разбрызганы крупинки того вещества, которое состав-

ляло его сердцевину. Эти крупинки и песок вокруг них и испускали ровное, яркое, голубое сияние».

«Я прошу особенно заметить вот что, товарищи!» — Петров обращается к своим сослуживцам и к молодому химику, приглашенному на совещание. «Вот что очень важно для нас... Впрочем, я прочту подлинные слова Утлина».

«Пишу это при свете электрического фонарика, ночью, в кратере, в двух шагах от моего чуда. Мохамед ушел, он не в силах преодолеть страх. Я один. Наверху крупные звезды, да рядом со мной этот яркий, немерцающий и не убывающий свет.

Стараюсь привести в порядок свои мысли. Представляю себе все это так. Из мировых пространств и, несомненно, из бесконечного далекого мира к нам на землю падает за все ее существование первая такая глыба. Глыба эта, насколько можно судить сейчас, состоит из чего-то, напоминающего наши кварцы, только очень темного цвета, тяжелая, с характерно-раковистым изломом. Глыба сама по себе ничем не замечательна, но в ней, внутри ее, по исключительной милости судьбы, как в чемодане, запакован кусок жилы или самородок какого-то на земле неведомого вещества. Оно крайне активно химически и механически, оно в течение нескольких месяцев произвело, действуя в очень малых количествах, в виде пыли и выбрызгов, огромные изменения в окружающем его пространстве природы. Сейчас, до света, до исследования боюсь, хотя бы с большей или меньшей полнотой, делать выводы, но уже и то, что вижу — почти невероятно огромно.

1) Действие термическое. Оно нагревает с большой силой все соприкасающиеся с ним предметы. Воздух в лощине нагрет все время до 60 градусов. Если принять во внимание потерю тепла через конвекцию, лучеиспускание и пр., какой же огромный запас теплородной энергии нужно предположить в нем?

2) Действие электро-магнетическое. Компас мой пляшет, как во время самой сильной магнитной бури. Видимо, все силовые линии перепутаны. На влажных листьях деревьев, на остриях скал, — огни св. Эльма. Волосы потрески-

вают, я чувствую себя, как внутри огромной спирали д'Арсонваля. Мне кажется, я вижу потоки электронов, несущихся от него вместе с этими странными голубыми искрами в наэлектризованном воздухе.

3) Химическая активность. Вода светится. У нее особый кисловатый вкус, хотя непосредственного соприкосновения нет. Почва изменила состав. Живая природа, растения, эти первые в мире химики совершенно метаморфозируют.

Все это дает мне право видеть и знать: что то, что мне открылось, еще не исследовано, еще никому не известно — и имеет такое великое значение, как ничто, до сих пор известное, в этой области. Моментами боюсь — не сон ли? Слегка лихорадит. Кружится голова. Вероятно, это действие влажной оранжерейной болотной атмосферы, а, может быть, и его действие. Но что бы там ни было, я вижу одно. Я вижу, что в этом скрытом своим кварцитным ларцом сокровище таится величайший запас энергии, больший, чем у радия и легче применимый к делу. Нужно только найти способ извлечь его, а тогда... Но никому ни слова, пока не узнаю всего до конца».

Петров поднял голову. Торжественно и восторженно смотрит на всех. Лица возбуждены, глаза горят, пересохшие рты полуоткрыты. «Дальше, дальше, не томи, пожалуйста».

«2-е декабря. Сторожка Ак-Мечеть.

Вот уже две недели опытов, завершившихся сегодня решительным успехом. Да, это вещество поистине занимает первое место по своей значительности из всех нам известных. Передо мной раскрываются колоссальные перспективы. Сила его невероятна. Запас энергии огромен. Что радий, микрон, извлекаемый из земных недр! Тут огромная масса, грандиозный аккумулятор чудесной силы... Но, по порядку. На днях мне удалось с величайшими предосторожностями донести до дома несколько пылинок "его". С предосторожностями, потому что оно при непосредственном соприкосании крайне разрушительно действует на живую ткань. И эффект превзошел все мои ожидания. Нам, химикам, все это, конечно, не покажется сверхъестественным, но все же мы не имели представления ни о чем подоб-

ном. Два новых важных сведения: элемент испускает колебания огромной частоты, не воспринимаемые нашими органами, но уловимые технически. Второе: благодаря ли этому или по другим причинам, он усиливает почти каждый из известных нам электромагнитных процессов и любую химическую реакцию. Это, говоря нашими химическими терминами, какой-то универсальный катализатор. Крошечная его частица повышает донельзя все известные нам источники энергии. Я вижу работающие при его помощи фабрики, получаемые благодаря ему стократные урожаи, мировое пространство, завоеванное посредством его. Найденной глыбы хватит на тысячелетия.

Я счастлив, счастлив, как ребенок. Вчера по-детски мучился над вопросом, как его назвать. И ночью придумал, едва не закричал от восторга! Конечно: “Революционит!” Разумеется, только революция достойна быть восприимчивой такого детища. Революционит — и да здравствует его союз с коммунизмом. Я безумно, до сумасшествия, счастлив».

«9-е декабря. Ак-Мечеть.

Единственное, что омрачает мою радость, — странное, нелепое ощущение. Мне кажется, мне чудится, что за мной кто-то следит. Вчера, во время опытов, я положительно слышал шорох в соседней каморке... Но никого... Я бы склонен был принять это за ложную тревогу перенапряженных нервов, но как раз вчера явился Мохамед со своим неизменным спутником, прекрасной собакой полу-сенбернаром Абреком и подтвердил мои сомнения. Он тоже что-то заметил, вернее не заметил, а ощутил. Он советует быть осторожнее. На днях, в лесу, ему померещилась легкая тень, скользившая за ним по подлеску. Абрек заворчал. Он наугад выстрелил. Никого. Но ему кажется... Почему не предположить, что кто-то третий знает об этом, о нашей тайне. А раз знает, то захочет отнять ее... Во всяком случае, будь осторожен, Утлин! Сознание того, что я держу в своих руках целую научную эру, не слишком легко. Потерял сон, есть не хочется. Долго осуществление перевозки “Революционита” в город казалось мне невозможным. Он разрушает

все, что до него коснется. Стекло, железо, дерево, — отказываются служить на вторые сутки. Медь, свинец — на третьи. Но неожиданно вчера нашлось гениально простое средство. Ампулка с крупницей его осталась лежать на части фильтрованной бумаги, когда-то пропитанной раствором свинцового сахара. Пятна под ней не появились. Глет превосходно предохраняет от всесокрушающего действия его. Я решил в ближайшие дни достать весь самородок и, запаковав его в такую бумагу, тронуться в путь. Надо только предпринять кое-какие подготовительные шаги, а там все будет сделано. 16-го вечером, во вторник, думаю тронуться. Скажу пока только Жене, и то не все. Но от нее скрывать не в состоянии».

«17-е декабря. Сторожка.

Кошмарные сутки. Все планы едва не рухнули. Несчастный турок. Вчера утром, когда я уже собирался идти в лес и ждал его, против обыкновения, запоздавшего, к хате моей с воем подлетел, словно взбешенный, Абрек. Я не сразу понял, что животное зовет меня за собою, но он нашел способ дать мне это понять. Пошел за ним и... Я не в силах описать подробно, да это и не важно.

Мохамед умер на моих руках. Раны в живот нельзя залечить в Ак-Мечетской даче. Его ранили в лесу, из-за угла, предательски. Он знает убийцу — старый негодяй, авантюрист, и что хуже всего, (бывший ли?) белогвардеец, давно ему известный князь Брегадзе. Но причина убийства неизвестна, и он думает — виною “Революционит”.

Перед смертью он должен оберечь меня. Он дает мне изумительный совет и не менее изумительное средство к его осуществлению. Я должен спрятать все документы, все негромоздкое и ценное в наиболее потайное место в мире. И это место — его собака. Он старый контрабандист — пусть Аллах судит его — он умел переносить хорошие вещи через границу. Собака не сенбернар, собака — дог, но на доге надета удивительно хорошо пригнанная шкура сенбернара. Он специально выдрессирован на этот предмет. Ходит неделями в ней. И за шкуру можно великолепно спрятать бумаги, маленькие крупинки вещества, что угодно... Идея

замечательна. Решено. Сегодня же я (если будет возможно) отправлюсь один в лес, добуду “Революционит”, перевезу его в Баку и при первой же возможности передам его на хранение в надежное место, или, если этого сделать будет нельзя, захвачу хоть его крупинки с тем, чтобы вернуться за ним через неделю. Турок умер без особых мучений. Абрек долго был над ним, но как только я положил его в импровизированную могилу, уныло пошел за мною... Темнеет, писать нельзя. Нужно торопиться. Лошадь ждет. Попробую идти в лес. Выйдет или не выйдет?».

— Вышло или не вышло? — Пред. Аз. ГПУ сорвался с места.

— Неизвестно! В этом вся беда!

— Нет, неужели неизвестно, достал он его или нет?

— По этому поводу — ни слова. Дневник кончен. Шансы за и против равны.

Общее молчание. А упрямый пред опять подумал, только не сказал почему-то: «Эх, только бы удалось там, в Москве, расшифровать проклятые шахматы, привезенные Петровым».

Чувствует он, что между шахматами и «Революционитом» есть какая-то незримая связь, что ключ у них в руках, но они не умеют вставить его в скважину фокусного замка.

Глава VII.

Смоллуйэс — исповедник

После долгих размышлений пред. Аз. ГПУ на что-то решился. Звонок по телефону. Петров явился почти тотчас же.

Сначала подробный распрос о здоровья. О! Дневник настолько хорошо взвинтил его нервы, что он чувствует себя теперь вполне хорошо. Нервное возбуждение придало организму новые силы... «Так говорит и доктор?» — «Да, он тоже находит мои дела отличными...»

Председатель трет широкий лоб, как бы что-то еще проверяя. И вдруг исподлобья острый взгляд. Необычным шепотом быстрый вопрос:

— Какая там лесная дача?

Петров даже не спрашивает, к чему относится вопрос преда. Его мысли полны дневником.

— Ак-Мечетская.

— Там есть самшит?

— Очень много. Это известно и без дневника.

— Так, а это ты знаешь?

Листок бумаги. Четкая справка.

«Каракалинская лесная дача сдана для разработки самшита. Инглиш Самшите Концешн Компэни. К работе приступлено».

— Ну и что?

— Как что. Каракалинская дача.

— Ну, а там Ак-Мечетская. Что же общего?

— Каракалинская и Ак-Мечетская, — то же самое. Каракалинская — официальное название Ак-Мечетской.

— Так значит?... — делает быстрый вывод Петров.

— Ну, значит — это, пожалуй, слишком поспешно. Но может... быть. Во всяком случае, надо разноухать на месте.

— Еду.

— Позволяет ли тебе здоровье приступить к работе?

Петров и слушать об этом не хочет...

Председатель уже знает, как он устроит в числе русских рабочих, занятых на концессии, техника «Кириллова» и его помощника.

Вылечил профессор Попов изобретателя лимонного газа, — опять сорвалось у неудачливого племянничка. Преждевременно порадовал Стон сэра Вальсона. О'Дэти уже в Москве: больше не укусишь, не уколешь. Ирландца тщательно оберегают — он работает в специальной лаборатории... Лимонный газ... Раскрыта страшная тайна... «Око за око, газ за газ». Еще пару недель, и пусть они знают: «цитрон деббл'ю-5» в Республике трудящихся не страшен... Счастье сэра Вальсона, что он этого еще не знает, но пока, чего доброго, такого удара не вынесла бы его апоплексическая шея.

Но вам интересно знать, как же все-таки удалось бежать из камеры № 93 глазговской тюрьмы рыжеволосому О'Дэти и почему, если не 4 мая утром, так 5, так 6 не пришлось сэру Вальсону пометить «Исполнено...»

Вы разве не слышали, как рассказывал тов. Уислоу на «Воровском» самому недоумевающему О'Дэти? Спросите Уислоу. Он сегодня свободен от бесконечных заседаний и от знакомства с работой наших учреждений. Сегодня праздник Спортинтерна на Воробьевых горах. Вот он оживленно беседует с каким-то другим англичанином, может быть, он как раз и рассказывает ему, как повезло О'Дэти, что именно в 93-ю камеру упрятала его глазговская полиция...

Все удалось только благодаря 93-й камере. Пришлось и тов. Уислоу познакомиться с глазговской тюрьмой. В ней не делали различия между политическими и уголовными... В те дни особенно усердствовали слуги Сити — тюрьма была

набита до последней степени... Товарищ Уислоу, схваченный без доказательств, случайно разделял камеру № 93 в первом этаже с двумя добродушными на вид ребятами, ожидавшими смертной казни за парочку убийств... Ребята имели с товарищем Уислоу короткий, но внушительный разговор... Они (он, вероятно, понимает) не собираются покорно ждать, пока их позовут для недлинной беседы с «джентльменом с веревочкой». Ему предоставляется на выбор: или отправиться чрезвычайно быстро и неумолимо к предкам или бежать вместе с ними.

После некоторого раздумья была принята третья формула перехода к очередным делам, предложенная Уислоу. Он не отправляется к предкам и не бежит вместе с ними, но молчит как рыба.

Смертники ждут избавления с воли. Они получили уже записочку с извещением, что подкоп под их камеру уже закончен и сегодня в ночь будет приподнята плита в полу, а завтра: «До свидания, Старуха!».

Разве можно дать зря погибнуть Джеку-Пивовару и Дебеле-Сахарной Голове...

Действительно, ночью осторожно, как крысы, скреблись под полом. Условный стук... Работа закончена, все в порядке... Только в одном просчитались Пивовар с приятелем, в это же утро их пригласили для неприятной беседы. На другой день о казни было подробно сообщено в газете.

Тов. Уислоу вскоре, нехотя, но все же вынуждены были выпустить — никаких не нашли доказательств...

Вот почему счастливым назвал Уислоу О'Дэти, когда стало известно, что он сидит в этой самой 93-й камере. Администрация тюрьмы даже не подозревала о подкопе. В ночь, когда сэр Вальсон выполнял с согласия королевского прокурора распоряжение хозяев о ликвидации инженера Уоллс-Воллс фабрики, — тов. Уислоу со своими приятелями, дорогой, которая была приготовлена для Пивовара и

Сахарной Головы, вынесли О'Дэти в полубессознательном состоянии.

Вот уже четвертый день пребывания на самшитовой концессии молодого техника «Кириллова» и его помощника «Максимова»...

Четвертые сутки т.т. Петров и Никольский внимательно следят за всем, что происходит в районе работ. Ничего особенного. Обычная подготовительная суeta. Особенно у Петрова, который все свое детство провел в лесничестве, хотя и совсем в другом районе России, не остается сомнений в чисто деловом характере всех мероприятий. Недавно еще дико-девственная дача приобретает совсем иной вид. Работают лесоустроительные партии, разбивают лес на деланки, ведут просеки, таксируют материал на корню. Сначала показалось слегка подозрительным усиленное шурфование почвы, но, ознакомившись с планом работ, пришлось убедиться, что так и надо. Было еще второе основание для внимательного наблюдения: какая-то особенно тщательная съемка местности, с преимущественным упором на магнитную.

Хотя... англичане... Европейский подход...

Рабочие разбиты на группы (английские отдельно), но на это Компания имеет право по договору, тем более, что вездесущий труд-инспектор успел поинтересоваться этим и не нашел ничего предосудительного.

Лесная дача очень велика, тысяч пять десятин. Да и времени бродить по лесу у Петрова не слишком много. «Технику Кириллову» приходится работать. Никакой таинственной лощины он не нашел. Он начинает предполагать, не ошибка ли это? Не напрасны ли поиски чего либо здесь? Да, но ведь сторожку, описанную Утлиным, он видел своими собственными глазами. И даже около нее, — там теперь живут две семьи сторожей участков, — около нее, на довольно большом расстоянии, при прохождении мимо уви-

дел высокую красноватую скалу, слегка напоминающую пирамиду. Да и еще обратил внимание на высокого инженера, редко бывавшего в конторе, начальника одной из изыскательских партий, кажется, мало, впрочем, принимавшего участия в чисто технической работе. Но, пожалуй, еще большее внимание обратил он на жену этого инженера, очень хорошенькую, очень хрупкую на вид, с которой ему случайно удалось познакомиться в линейке, везшей его к конторе. Единственная русская женщина на концессии. И такая общительная. Почти сразу разговорились. Ей очень приятно было поговорить на родном языке. Надо будет попробовать, не удастся ли узнать через нее что-нибудь о сути концессии.

Странные приготовления делались в те дни на большом пустыре под Москвой. Сначала точно вымеряли место, затем круг — радиусом метров в 300 — обносили проволочным ограждением. Сто метров отступя, снова вокруг — кольцо. В круг — несколько помостов с клетками на разной высоте. Недалеко от круга, с большой осторожностью и тщательностью, устанавливают большую, герметически закрывающуюся стеклянно-стальную будку, — толстенное стекло. Поставили туда стол, кресел несколько... Большой чан с водой, мешка два с солью...

Сегодня инженер О'Дэти демонстрирует перед экспертной комиссией лимонный газ. Результат месячной работы в Московской лаборатории, — О'Дэти добился того же, что на Уоллс-Воллс-фабрик.

Пригнали десятка полтора старых кляч. Вот привезли на грузовом автомобиле и выгрузили дюжину-другую бездомных псов в клетках...

Ждут.

Рожки автомобилей. Экспертная комиссия. О'Дэти.

Лошадей загнали за проволочные кольца, десяток во внутренние, а остальных в наружные. Собак разместили по клеткам на помосте.

Небольшой медный баллон. Сбоку часовой механизм. «Цитрон деббл-ю-5» — вторая степень, лимонный газ. Радиус 300 метров.

О'Дэти распоряжается. На лошадей и собак надевают противогазные маски. Зеленый, желтый крест... Противогазы иприта, люизита, росы смерти. На одну лошадь и собаку надевают противогазы, выкрашенные в ярко-желтый цвет. Противогаз против лимонного газа, сконструированный О'Дэти. Удивлены до крайности покорные животные...

О'Дэти устанавливает внутри круга баллон, заводит часовой механизм... Сигнал. Рабочие поспешно уезжают на автомобиле на находящийся вдали холм... О'Дэти и эксперты прячутся в стеклянную будку и герметически закрывают за собой дверь.

Через десять минут автомат сорвет предохранитель и бесцветный лимонный газ должен быстро охватить весь внутренний круг, — радиус 300 метров.

Резкий, словно револьверный выстрел, звук, — предохранитель сорван. Эксперты плющат носы о стеклянные стены своего убежища. Пока — ничего. Лошади мотают головами в респираторах, собаки пытаются снять передними лапами крепко прилаженные маски. О'Дэти спокойно смотрит на часы.

На пятой минуте замечались лошади во внутреннем кругу... Вот падает одна, вторая. Наиболее сильные пускаются в неистовый галоп вокруг проволоки, тщетно стараются прорвать ее. Скачка смерти. Все усилия напрасны. От лимонного газа не унесут самые быстрые ноги... Через несколько минут во внутреннем круге все лошади, кроме одной, той, на который желтый респиратор, судорожно дергаются на земле. Двенадцатая минута. О'Дэти спокойно — экспертам: «Сейчас газ начнет подниматься вверх. Следите за собаками».

Дико заметались в клетках обреченные на смерть псы и в предсмертных конвульсиях свалились на пол. Все за исключением той, у которой желтый респиратор.

Прошло сорок минут. Теперь можно спокойно выйти из убежища. Было выпущено очень маленькое количество газа. Он весь уже успел рассосаться.

Потрясенные эксперты уезжают. Рабочие закапывают трупы.

Еще один маленький опыт в лаборатории О'Дэти. Позавчера под стеклянным колпаком была помещена морская свинка, и впущено $\frac{1}{2}$ куб. сантим. «цитрона 3-й степени». Свинка умерла через 15 секунд. Эксперты приехали посмотреть, что с трупом сегодня.

Под стеклянным колпаком щепотка грязновато-зеленого пепла. Все... Против третьей степени и сам изобретатель не знает защиты.

Вечером на экстренном заседании тот, к каждому слову которого прислушивается ненавидящая его буржуазия, после доклада экспертной комиссии: — «Будем надеяться, что нам никогда не придется применять действия “цитрона” на практике. Но я бы ничего не имел против, чтоб они, там, узнали о наших сегодняшних опытах. “Око за око, газ за газ”».

Неоднократно уже запрашивал Лондон свою контору и Каракалинские дачи относительно результатов добычи самшита. Лондон недоволен результатами, и бухгалтеры, сообщаемые солидные цифры разработанных материалов, — недоумевают... Трудно уследить «технику Кириллову», куда девается по ночам высокий инженер Пальмерстон. А его радиogramмы, посылаемые с тайной радиостанции в горах неподалеку, интересуют Сити гораздо больше бухгалтерских отчетов. Может быть, напрасно Петров уделяет столько времени разговорам с хорошенькой женой мистера Пальмерстона... Может быть, на этом пути легче самому

попасть в ловушку, чем поймать кого-либо в капкан. Но, конечно, ни Петрову, ни Никольскому не может прийти в голову то, что вся суть работ Концессии, их центральный пункт — в незаметном подвале небольшого временного дощатого домика, на почти двухсаженной глубине под землей.

А именно туда, ежедневно, когда темнеет, осторожно, избранные рабочие-англичане приносят в карманах и других потаенных местах пробы земли из шурфов, сделанных за день в лесу. В ярком сиянии карбидных ламп, каждую ночь инженеры-химики тщательно исследуют эти пробы. Анализ количественный, анализ качественный... все с английской исполнительностью заносится на особые бланки, которые каждый из них оставляет, уходя, на столе. Каждый вечер, возвращаясь к месту работы, они уже не находят на нем бланка, заполненного вчера; на его месте лежит новый с теми же графами, но совершенно чистый. Кто их берет, для какой цели производится такой скрупулезный анализ, им совершенно неизвестно, да это и не слишком интересует их. Люди любопытны только на тощий желудок, служащие же «Самшит-Концессин Компэни» не могут, черт возьми, пожаловаться на плохое вознаграждение. Но сегодня даже самые равнодушные из них положительно потрясены. Один из рабочих принес пробу земли из шурфа на высоте 8,0011, № 12673. Производимый химиком Грэхэмом анализ был прерван на половине...

В графе 6 бланка значилось: «электропроводность породы». (Породой была горсточка наплавной глины, смешанной с белым речным песком и отчасти со стекловидными песчаными шлаками...) «Ну какая же тут электропроводность», — лениво подумал Грэхэм, но аккуратность старого служаки взяла свое. Снял с полки небольшую катушку Румкорфа, укрепил проводник в испытуемое тело и включил ток...

Яркая вспышка голубого пламени. Комната мгновенно наполнилась прозрачным голубовато-светящимся туманом. С шипением вспыхнули две или три коробки спичек у разных столов, на противоположных концах комнаты...

Аккуратные химики, как один, бросили свои реторты. Что-то сногшибательное... Какое-то совершенно непонятное, незнакомое им вещество... После долгих трудов (отмучиванием, испарением, щелочными, кислыми реакциями, которые все происходили не так, как обычно), — удалось выделить несколько странных крупинок, золотистых крошек... Одна из этих крошек, брошенная (растворимость) в стакан воды, нагрела его в несколько мгновений, как хорошая электроспираль...

Следующей ночи не дождался инженер Пальмерстон. — Ловите, ловите! На одной из лондонских крыш волшебные уши! Вести из Каракалинской дачи...

А главный инженер распорядился для чего-то на месте шурфа № 12673 приступить к срочной постройке большого складочного сарая.

Вечером в кабинете главного инженера, сэра Смоллуэйса, в его квартире — домик-то кое-как сколочен из теса, а квартирная обстановка приехала прямо из Лондона, — удобно растянулись в мягких шезлонгах сам инженер Смоллуэйс и тот, кого на концессии знают, как инженера Пальмерстона, которого сэр Вальсон называет Мак-Кином и который нам хорошо известен, как Брегадзе.

«Блестяще, блестяще, мистер Пальмерстон». Смоллуэйс благодушно пускает в воздух одно за другим кольцапряного сигарного дыма. «Замечательно... Еще в Лондоне мне рекомендовали вас за дельного работника... во многих, ха-ха-ха, отношениях. Клянусь святым Георгием, разве это неправда... Мой друг, сэр Эндрю Вальсон, кажется, уже имел случай отметить вашу службу... Но теперь я убедился в ваших способностях сам. Тысяча дьяволов. Это сработано ма-

стерски... Я буду иметь особенное удовольствие отметить перед моими патронами вашу находчивость и предусмотрительность, и много других столь же ценных качеств... Но мне хотелось бы попросить вас об одном: если вас не затруднит, рассказать, как вы наткнулись на всю эту махинацию... Это будет... м... м... м... полезно для обеих сторон, и мне лично крайне интересно, как любителю-психологу... Я знаю... м... м... м..., есть щекотливые пункты... но клянусь веткой омелы, меня стесняться нечего!...»

Брегадзе и польщен и рад случаю... До сих пор он еще ни разу не имел возможности ни перед кем похвастаться своим послужным списком... а тут... Гм... гм... щекотливое положение... О, в его деле, впрочем, нет «щекотливых положений».

Больше часа с крайним интересом слушает сэръ Смоллуэйс рассказ мистера Пальмерстона. Конечно, если бы в комнате был еще кто-нибудь третий, на его губах блуждала бы легкая полупрезрительная улыбка, как при созерцании интересного и противного зверя... Но теперь — напряженное внимание и даже ни одного лишнего слова.

«Итак, вы говорите, что поиски удобного места для радиостанции натолкнули вас на слухи о каком-то кладе, а этот ложный клад привел к нашей настоящей цели?»

«Да, подсмотренные опыты, которые Утлин производил в сторожке, дали мне понять, что я у дела, которое поважнее сведений о добыче нефти и расположении терчастей, да, пожалуй, и повыгоднее всяких кладов. Но вот Утлин уехал. Я в Баку, на собственный риск, организую свой частный аппарат слежки. Мой нюх (он у меня безусловно есть), что касается до таких дел, — меня не обманывает. Я разузнал, что у Утлина есть любовница, с которой он откровенен. Трудно было услышать хоть один их разговор. Но маленькая техническая операция с телефонным проводом, — и мой сотрудник в соседнем этаже весьма добросовестно и даже не без комфорта стенографировал воркование влюбленных голубков, пока, наконец, накануне нового года я узнал все, что мне было нужно. Это превзошло все мои ожидания, — и потрясающая сила вещества и безумные меч-

ты Утлина о победе большевиков при помощи его «Революционита». С тех пор серия Н.Т.У. привлекает целиком мое внимание. Я донес уполномоченному в Ленинград. Послал на его запрос подробное описание, — о, не удивляйтесь, у нас есть замечательный шифр, шахматный шифр. Очень простой и не поддающийся никакой расшифровке. Почти месяц, — никакого ответа. А было твердое указание без особых директив не предпринимать ни шага далее. И, наконец, только в первых числах февраля, предписание из Лондона».

С плохо скрываемой пренебрежительной неприязнью к Стону, он рассказывает, как насилу, насилу его известили, что тот провалился в Ленинграде из-за странной идеи (безразлично, какой именно), что его шифрограмма, запихнутая мистером Стоном в какой-то нелепый чемодан, попала в руки ГПУ, где находится и до сих пор (благодарение сложности шифра). Но разрешение продолжить дело Н.Т.У., и даже обратить на него исключительное внимание, все-таки последовало... А через пару дней строжайшее предписание, — делу Н.Т.У. придать высшее значение. Немедленно вырвать из рук. Дальше, дальше пошло дело так... Бесконечно длится рассказ матерого волка шпионажа... Но сэр Смолтуэйс интересуется даже самыми мелкими подробностями. О, нет, нет, его они нимало не утомляют, он слушает с величайшим удовольствием...

«Теперь я поставил себе задачей непосредственно познакомиться с Утлиным. 15-го февраля я подстроил нападение хулиганов на его любовницу, затем благородно спас ее от негодяев и вошел в их дом. Часто бывал у него, — между прочим, недурной был парень. Я с ним подружился, — и, несмотря на то, что войти с ним в интимную близость все-таки не удавалось, я рассчитывал со дня на день овладеть его тайной более спокойным путем... Я не предполагал, что большевистские бредни так прочно засели в его голове.

Однако, через некоторое время стало ясно: речи о его ренегатстве быть не может, — эти большевики удивительно непрактичный народ, предпочитающий сомнительное удовольствие принести пользу своими идеями даже само-

му обеспеченному положению вне этих идей. Осталось одно, — похитить документы. Ну и вот... 15 марта он был убит... Дело было сделано... Да, да. Вы, конечно, правы; на этом стоит остановиться подробнее.

Признаться, я не совсем-то собирался делать такое сложное дело именно в этот день. Не был даже подготовлен, как следует... Но когда я узнал, что он сегодня же уезжает на север, а приказ требовал быстроты — пришлось импровизировать. — Я решился.

Один легкий укол шприцем «цитрон деббль-ю-5» 3-й степени, и этот глупец, который спокойно мог бы по-хорошему продать свое открытие за большие деньги, стал ничем. Оставалось только замести следы. Я помнил, что кроме меня, в происшествие замешаны и другие. Преступление не должно быть раскрыто скоро.

Гениальные идеи приходят внезапно. Мы с ним приблизительно одинакового роста, оба блондины. На нас одинаковые серые костюмы... У него борода. Но практикой жизни давно уже выяснено, что никогда не мешает иметь хоть немного грима в кармане. Три знаменитых желтых чемодана помогли моему замыслу окончательно родиться на свет. Немножко химии. Цитрон заставляет кровь моментально свертываться. Особенно кровопролитным дело не будет. Немножко анатомии и тело благополучно разнято на составные части. Голову в маленький чемоданчик, остальное в большие. Человек вообще не бог знает как велик. С присущим мне чувством такта и юмора, я не лишил его одежды. А затем в скором поезде я с документами Утлина вез в чемоданах Утлина, Утлина, но без его документов.

Я решил остаться на одной из станций, на полдороге до Ростова. Чемоданы, было ясно, сдадут где-нибудь на хранение. Утлина не хватятся еще долго, но, на всякий случай, я, воспользовавшись временем, когда был один в купе, вернул по принадлежности проездной билет. Как именно? Просто раскрыл чемодан и положил ему в карман. Зачем? В точности я не знал, зачем, — но, как оказалось, это пригодилось. Чемоданы неожиданно были, — как я узнал потом, — раскрыты в Порт Петровске, и я представляю себе недоу-

менные физиономии местных следователей — пассажир Утлин, очевидно, сам себя зарезал в дороге и залез в свои чемоданы. Ха-ха-ха».

Напрасно только сэр Смоллуэйс спросил мистера Пальмерстона, почему он никогда не снимает с рук перчаток. Об этом не любит вспоминать Брегадзе. И вместо любопытного рассказа о его пребывании в Ростове, о вскрытии сейфа Утлина и замене кое-каких документов в нем совсем иным предметом, о поездке в сумасшедший дом, о приключении Валентины у Борщевского и о многих других не менее занимательных вещах, — он услышал только сухой короткий отчет, несколько его разочаровавший.

Сэр Смоллуэйс чрезвычайно вежлив. Корректен до крайности. Проводив гостя до прихожей, жмет ему руку... Но вернулся назад, постоял задумчиво на ковре посреди гостиной, нерешительно подошел к одной, потом к другой двери, и сконфуженно, точно сам от себя скрываясь, слегка попробовал, хороши ли запоры. Что это — страх? Неужели он не уверен? Ах, такова уже человеческая натура, и хозяйева зачастую сами побаиваются своих примерных слуг.

Все идет великолепно. Брегадзе может ждать хорошего вознаграждения из Лондона. Но ему что-то не по себе. Не нравится ему этот исполнительный техник Кириллов, посланный по договору с 5-ю другими через биржу труда в счет местной брони... Так, ничего определенного, но... И, пожалуй, еще больше не нравится ему его собственная Валентина. Ей поручено выяснить этого парнишку, и, в первый раз за всю их совместную жизнь, это выяснение что-то не кажется ему очень похожим на выяснение. Ну да ничего. Об этом он с ней еще успеет поговорить...

Глава VIII

Наконец, Николай Трофимович Утлин

9 часов утра в Лондоне. Парикмахер аккуратно намыливает левую щеку сладкого бисквитного дедушки. Один лакей, осторожно священнодействуя, наливает из серебряного кофейника в китайский фарфор тонкую, черную, душистую струйку. Другой, рядом, на специальном тонконом столике, с величайшими предосторожностями снимает скорлупку с яйца: лорд N ест только яйца в мешочке. Два секретаря поодаль разбирают привычными глазами и пальцами наиболее срочную почту. Докладывают самое важное и ловят незаметные постороннему глазу приказания в малейшем движении рук, бровей, старческих, слегка отвисших губ.

«От сэра Смоллуэйса. Лично вам».

Не успел парикмахер выбрать намыленную нежнейшим мылом щеку великого человека, кофейная струйка перестала литься. Наполовину очищенное яйцо неловко упало на севрскую тарелочку. Рты занятых этими делами людей на одно короткое мгновение изумленно открылись... Ко всему привычные секретари, даже не успев понять, моментально привели в исполнение небывало лаконическое распоряжение:

«Все — вон!...»

Не выпив кофе, не проглотив яйца, оставив белую пену равнодушно стекать с морщинистой щеки, сладкий дедушка разорвал у окна конверт — слабыми старческими глазами впился в четкие строки врученной ему бумажки: донесение от директора, по условию, может быть лично только ему в том случае, если Н.Т.У. найдено.

Недоуменно шепчутся секретари, лакеи и парикмахер за дверью. Что это может значить? Не побриться, не съесть яйца, не выпить ежедневных полутора стаканов кофе лорд

не позволил себе даже в тот день, когда, оплаканная шта-
том родственников, тихо скончалась его супруга.

«О-о-о. Теперь он сильнее всех. О-о-о. Теперь-то все у
него в руках». Телодвижения лорда за дверьми вполне со-
ответствуют его настроению, и отнюдь не соответствуют его
почтенным годам.

Сэр Смоллуэйс сообщает: пока найдено несколько кру-
пинок Н.Т.У., над коими произведена серия опытов. Ре-
зультаты экспериментальных работ превышают все ожида-
ния... Приблизительный подсчет: один миллиграмм чис-
того Н.Т.У. достаточен для освещения всего Лондона в те-
чение 3-х лет... Извлечение энергии из Н.Т.У. так же прост-
о, как работа паром... Разрушительная сила вещества пре-
восходит в сотни тысяч раз тринитротолуол, пикриновую
кислоту и все прочие сильно разрушительные вещества.
Самым же замечательным является возможность — умело
комбинируя действия незначительными количествами Н.Т.У.
— влиять им на расстоянии на всевозможные источники
энергии: остановить машины фабрики, мотор аэроплана,
двигатель подводной лодки... Записи Утлина говорят о боль-
шом самородке. Надеюсь, в ближайшие дни и он будет об-
наружен...

Очень доволен бисквитный король. «О-о-о. Теперь од-
но мановение руки, — и остановятся все фабрики прокля-
той страны большевиков... Нажим кнопки, — замрут поез-
да... — Он их возьмет голыми руками... Он их поставит на
колени, заставит просить пощады. Они вынуждены будут
принять все условия... Впрочем, какие там условия... Все,
все, все».

Парикмахер продолжает брить доброго сладкого бис-
квитного дедушку. Парикмахер хотел бы, но не смеет за-
глянуть в его глаза, чтобы угадать, чем был вызван такой
неожиданный, никогда небывалый перерыв. Только чуткие
руки парикмахера осязают, как в самодовольной улыбке
подергивается бритое теперь лицо биржевого владыки.

9 час. вечера в Ак-Мечетской даче.

Красные лучи солнца в маленькой комнатухе временного барака. У медного рукомоиника полощется «техник Кириллов». «Техник Максимов», как пришел домой, растянулся на койке, — здорово утомляют целые дни блуждания по даче.

— Слушай, Петров, скажи мне на милость, какого дьявола ты крутишься с этой Пальмерстонихой... Я тебя третьего дня видел, вчера видел... Прогулочки при лунном свете. А?

— Тсс, болван. Услышат.

— Никто не услышит, мы с тобой во всей конуре одни... И не вилай, а отвечай на вопросы.

— Да, мне и так с тобой надо было сегодня поговорить... по этому поводу. Дай только помыться.

Умылся, подошел и сел совсем близко на койке Никольского.

— Как по-твоему, подозрителен ли был бы тебе англичанин, живущий в СССР, отлично говорящий по-русски и упорно это скрывающий?

— А кто ж это такой?

— А помнишь ты, как я тебя просил обратиться с вопросом по-русски к инженеру Пальмерстону и как в ответ он сделал недоумевающее лицо?

— Ну, положим, помню. Но с чего ты взял, что инженер Пальмерстон говорит по-русски?

— А с того, что его жена, кроме русского языка, ни на каком другом — ни звука.

И Петров рассказывает тов. Никольскому, как он встретился на линейке с женой инженера Пальмерстона, как он обратился к ней с вопросом по-английски, — он-то ведь недурно знает этот язык, и как оказалось, что она русская, говорит только по-русски и что ее муж, по ее словам, прекрасно владеет нашим языком... Она неожиданно сильно, словно проговорившись в чем-то, смутилась, и постаралась замять разговор.

Петрову все это мало-помалу кажется подозрительным. Ему думается, а нельзя ли что-нибудь разведать через нее.

Нужно постараться завести знакомство и это оказывается гораздо более легким делом, чем можно было предположить. Она сама идет навстречу. Она так одинока в этой компании иностранцев, так скучает, она охотно с ним встречается. Несколько раз они уже проводили вместе вечера.

— Ну, как же далеко зашел ваш роман? Тебе удалось узнать что-нибудь существенное?

— Я как-то не умею вести дела с женщинами. Это не в моем характере. Может быть, с ними надо быть решительнее... Вместе с тем я вижу совершенно ясно, что, конечно, чтобы что-нибудь разведать, нужно именно вступить с ней в близкие отношения... Иначе ничего не выйдет... Да, скажу тебе, пожалуй, мне кажется даже, она совсем не прочь, она сама ищет встреч... И я вижу, — для дела это необходимо, но, видимо, я не такой человек, чтобы легко относиться даже к таким легким связям...

— Гм-ммм... А ты не думаешь, что тут может быть ловушка и с той стороны... Если она сама ищет... Смотри, не увлекись сам... Ведь она очень интересная женщина; многие бы дорого дали, чтобы она искала встречи с ними...

— Ну, последнего-то я не боюсь... А подозрения... Да, я тоже не вполне уверен... Но, впрочем, как раз сегодня, в одиннадцать у нас свидание... Постараюсь окончательно разгадать ее и приступить к решительному выяснению дела...

«...Я повторяю: ты мне не нравишься. Что это за работа... Так ты выполняешь мои поручения? Что ты мне можешь сказать о Кириллове... Ваши встречи... Это пахнет-то уже чем-то другим... Так вот что, милая: развратничать без пользы для меня я тебе не позволю. Валяйся с кем хочешь, но...» Но... этого не ожидал Брегадзе. Валентина вскочила, с каким-то диким воплем ринулась к нему... Резкий звук пощечины...

«А-а-а, так-то ты?!» Левая щека Брегадзе горит. Он весь сжался, присел, как раненый хищный зверь, рука сделала

неуловимое движение, — в ней арапник, всегда висевший на стене, над столом...

«А, орать, ты орать вздумала... Кусаться?»...

Шелковый, сильно, очень сильно надушенный платок заткнул рот маленького, извивающегося, царапающегося, воющего сквозь зубы, яростного существа...

«Вот тебе, вот тебе, вот тебе... Что, получила... Молчишь... Ну, то-то».

Конечно, задание о Кириллове отменено... О каком задании может быть тут речь?

Хорошо, что по непредвиденным обстоятельствам пришлось сэру Смоллуэйсу отменить еще с утра назначенный на сегодня маленький банкет по случаю успехов самшитовой концессии... Правда, бисквитный дедушка известил его, что на его именном счете в одном из банков Сити прибавилась еще добрая толика хорошего «фунтового печенья», но все же работа мешает поделиться своим радостным настроением с другими... И это к лучшему, — иначе пришлось бы мистеру Пальмерстону извиниться за сильную мигрень миссис Пальмерстон.

Из-за этого идиота Фаренгайта блестящая до сих пор карьера сэра Вальсона висит на волоске. Но он здесь положительно не при чем... Он принял все меры... Но еще неизвестно, как посмотрят на это хозяева... Им нет дела до того, что какому-то там Стону не везет в последнее время. Они имеют дело только с сэром Вальсоном... Но кто мог ожидать, что рыжий черт выдержит такой яд... Хозяевам и так чрезвычайно не понравилось таинственное исчезновение из глазговской тюрьмы... Правда, тогда удалось удовлетворить их достойной отсидкой всего тюремного начальства... Жаль, что он не поручил ликвидацию Дэти Мак-Кину... Мак-Кину: этот князь прекрасно выполняет возлагаемые на него поручения, — иногда среди русских белогвардейцев попадаются дельные люди...

Да, действительно, неприятное сообщение получил сегодня Вальсон от мистера Стона: «Дэти раскрыл большевикам тайну лимонного газа»... Мало того, этот рыжий негодяй-ирландец в Московской лаборатории воспроизвел «цитрон деббл-ю-5». Агенты Стона видели опыты на пустыре под городом. Опыты подробно описаны в донесениях: хорошо знакомая сэру Вальсону картина. То, что это лимонный газ, нет никаких сомнений. И хуже того, прохвост, видимо, открыл противоядие, — некоторые животные во время пробы остались в живых. И теперь здесь известен только газ, там же и газ и способ бороться с этим газом...

Полная темнота царит во всем маленьком домике, где на спешно собранном из готовых частей фасаде надпись: «Самшитс-Концешн», а на двери — «инженер Пальмерстон». Темно и в спальне. Старая Нина встревожена: крики, движение, князь ушел крайне рассерженный, как давно уже не бывало... Она неоднократно подходит к двери в спальную, но в замочную скважину ничего не видно, полная темнота...

Темнота... Если бы она вошла в комнату со своей маленькой керосиновой лампочкой, она увидела бы на ковровой кушетке жалкую, маленькую, прижавшуюся в угол, между подушками, фигурку... Вот уже час сидит Валентина так, с ногами на диване, изредка резко вздрагивая, закусив зубами маленький батистовый платочек, неподвижно смотря в темноту перед собой...

А если бы люди знали способ ловить на какой-нибудь еще не изобретенный экран человеческие мысли, то с какой быстротой заплясали бы на белой стене, на которую она сейчас так упорно смотрит, такие знакомые для завсегдатая кино картины.

И сентиментальные всплакнули бы, наверное, над трогательными титрами: «Отец и дочь»... «У могилы отца»... «Одна-одинешенька»...

Оркестр, торопясь, заиграл бы что-нибудь подходящее, — шимми, или более близкое кинематографическим сердцам аргентинское танго... «На низких бархатных диванах...» и на экране во всей красе появился бы —

«Обольститель, ротмистр, князь Брегадзе...»

Отдельный кабинет, патриотические деникинские марши, кокаин и «Великая и неделимая...» Поспешное бегство, животный страх перед смертью: «Яблочко, куда ты катишься...»

На минутку свет в зале, потом снова мрак, видовой номер, — Константинополь и Босфор... Экзотический жанр, — знаменитое русское кабаре Вертинского — лакейский фрак недурно сидит на плечах у тех, кто вчера еще вешал и расстреливал во имя своих эполет и имений; графиня X и баронесса Z исполняют танец живота с особым шиком, превосходно соперничая с признанными звездами домов терпимости Галаты и Скутари, — а потом снова тяжелая драма:

«Князь-шпион»...

«Переход границы»...

«Пуля, или делай то, что я приказываю».

И вот дальше и дальше, пестрое мелькание жизни, потрясающие трюковые сцены, фунты стерлингов за риск жизнью и за собственное тело, отвращение, грязь, бесцельная храбрость, бессмысленный разврат, и над всем этим холодные глаза и спокойная жестокость хозяина...

Баку-Тифлис... Верно, механик торопится... Но что это! Аппарат испортился. Почему же не дают света?

Лента остановилась, лента замерла неподвижно. На экране застыла картина: вывеска Шах-Назарьянца, автомобиль, выстрел из револьвера, падающий человек с бородой...

И вдруг, медленным, жутко медленным наплывом это лицо яснее, выдвигается на первый план, чуть чуть изменяется, теряет бороду, смотрит пристально, пристально... «Да, да, это он»...

В маленькой комнатке неожиданный вскрик... Лента оборвалась. Валентина отчаянным движением вскочила с дивана. Часы бьют 11 ударов.

«Нет, нет... Пойду, сейчас пойду... Конечно, он... Все расскажу, все... Пусть знает, пусть спасет, пусть расстреляет его... Я не могу больше так...»

Переодеть костюм, вообще, — дело очень несложное для хорошо воспитанного английского джентльмена. Но иногда оно может стать трудным до крайности. Мистер Фаренгайт вне себя от волнения... Переодеваться надо экстренно, но руки дрожат, колени подгибаются, тяжело дышет тучный человек, тщетно стараясь попасть запонкой в прорез воротничка. Лакей, который стоит рядом с фраком наготове, конфузится за своего хозяина: со стороны можно подумать, что он никогда не одевал приличной одежды... Сэр Вальсон нарушил священный воскресный отдых мистера Фаренгайта. Сэр Вальсон на этот раз подействовал на испорченный желудок многострадального директора Уоллс-Воллс-фабрик хуже даже, чем на него действовали острые сои лорда Кеддльтона... О, эти проклятые гурманы... Ему-то что: накормил соями добродушного фабриканта в тот роковой день и горя мало, а тут... Маленькая, незаметная причина и какая грандиозная цепь следствий... Мистер Фаренгайт дрожит, одеваясь, дрожит на автомобиле, дрожит, входя в двери маленького особняка на Кетлер-Стрит... Но не так страшен черт, как его малюют: видимо, сэр Вальсон не может считать свои действия по ликвидации О'Дэти такими безупречными, какими бы он хотел их видеть.

«Вы видите, мистер Фаренгайт, — я не стараюсь даже обвинить вас, уличить вашу халатность, зафиксировать промахи... Я вполне понимаю, что вы здесь не при чем, но мое понимание ничего, или почти ничего не значит... Весь вопрос в том, как посмотрят они на ваше... на ваше... ваше расстройство пищеварения... Мне совершенно неинтересно пор-

тить ваше положение. Я готов сделать для вашего оправдания все, что будет в моих силах... Я хотел бы надеяться, что... в вопросе об этой постыдной неудаче с казнью преступника... вашего авторитетного мнения по поводу случайно слабого результата действия цитрона будет вполне достаточно...» «Так вот в чем дело...» О, теперь мистер директор прекрасно понимает реальные основания речей Вальсона... Старина Вальсон тоже побаивается гнева хозяев. Ну, что ж? Старая, старая пословица: рука руку моет... О, конечно, он вполне согласен, сэр Вальсон может быть совершенно уверен в нем. И честные слуги честных хозяев жмут друг другу руки в знак заключенного союза... Да, да, они вместе поедут сейчас к лорду N, именно к нему, чтобы разъяснить ему подробности происшедшего. Решено. Мистер Фаренгайт почти успокоился; приятнее иметь сэра Вальсона союзником, нежели врагом.

Двенадцатый час. Она все не идет. Петров большими шагами нервно ходит по самому краю обрыва в условленном месте... Какая темнота, — непроглядная, южная летняя ночь... После разговора с Никольским особенно тяжела каждая минута тщетного ожидания... И эта погода, низкие тучи, душный воздух, тяжелое приближение надвигающейся медленно грозы, удесятерят его волнение...

Чутко прислушивается Петров ко всем шорохам... Не прав ли Никольский, не сам ли себе подстроил он ловушку?... Хотя, кажется, он не допустил никакой ошибки.... Если ему не удалось узнать через нее ничего существенного, она-то, во всяком случае, не узнала от него решительно ничего... Тсс... Что это? Шаги... Да, да, — она... Несколько шагов навстречу... Облегченный, хотя и измученный женский полувскрик, полувздых...

Она бросается к нему на грудь (этого он даже не ожидал), прижимается всем маленьким, легким телом (держись, тов. Петров); обеими руками берет его голову, наклоняет к

себе лицо, неожиданно пристально, упорно, точно желая разгадать заключенную в нем тайну, всматривается в него расширившимися, блестящими во мраке глазами...

Петров недоумевает. От ее близости у него как-то странно, совершенно непривычно закружилась голова. Руки сами потянулись обнять, но не успели... Что такое? Она плачет. Игра?

«Я должна, я должна сказать... Вы должны знать все... Кто они, зачем здесь. Его надо расстрелять. Нет, нет, я... не могу... Я боюсь... Он, наверно, подслушивает. Завтра, завтра... завтра... Я все скажу, тут же, в это же время... Сегодня нельзя, — завтра... И ты спасешь меня?... Прости меня... милый...»

Необычайно приветлив сегодня лорд N. Неожиданно приветлив... На такой прием никак не имели право рассчитывать провинившиеся слуги...

«А-а-а. Очень приятно. Чем порадуете старика? хе-хе. У меня со вчерашнего утра счастливейшие часы моей жизни... Ну, ну, сначала ваши новости, потом наши... Хотя, впрочем, — бутылочка доброго вина не помешает, — хе, хе, — перед деловым разговором...»

Крайне смущены сэра Вальсон и мистер Фаренгайт... Вту не пропали все планы оправдательных речей... Как теперь приступить к делу, как начать разговор о проклятом ирландце, как огорчить доброго старика?...

Но что это? С минуты на минуту удивленнее становятся лица достойной пары.

«Ах, вы о лимонном газе... Оставьте... это такие пустяки... Стоит говорить о каких-нибудь газах теперь, когда у нас в руках... Сэр Смоллуэйс сообщил мне еще вчера, что Н.Т.У. обнаружено... Поздравляю вас, сэра Вальсон... Я еще вчера собирался это сделать. Что же до лимонного газа, то, раз вы говорите, что ирландская шельма Дэти изобрел там противогаз для него, — тогда он нас тем более не может

интересовать... Газы... Немецкая выдумка... Я вообще не любитель этих газов. На всякий случай, Фаренгайт, вы, конечно, озаботитесь изготовлением противоядия...»

Чрезвычайно благодушно настроен хозяин... Доброе ли бургонское действует на него так, или планы относительно Н.Т.У., но он даже шутит и упорно рекомендует вниманию мистера Фаренгайта какие-то новые пилюли против несварения желудка.

Техник Максимов с усмешкой относится к любовным похождениям техника Кириллова. Никольский иронизирует над рассказом Петрова. «Эх, ты, шляпа. Просто бабенка с жиру бесится, а ты тут шерлокхолмствуешь зря... Смотри, наладет вам по шее англичанин за ночные свидания».

Но Петров уверен, в нем возникло какое-то внутреннее убеждение, что за слезами Валентины и русским языком инженера Пальмерстона кроется большая и необходимая ему тайна... И, он почти не смеет надеяться; — но может быть, та тайна, которую он здесь розыскивает. Конечно, он пойдет туда сегодня, в назначенный час.

На всякий случай только, он передает Никольскому какой-то пакет... «...Если я не вернусь сегодня ночью... Ну тогда немедленно свезешь его в Баку... Там уже будут знать, что надо делать...»

На том же месте и в то же время, снова, как и вчера, дожидается Петров. Но сегодня его настроение гораздо более уверенное. Сам почти не зная, почему именно, он почти убежден в правдивости Валентины... Нет, нет, без сомнения, она вчера была искренна с ним.

Да и погода нынче не располагает к дурным предчувствиям. Ручей, глухо бурливший вчера в обрыве, добродушно бормочет сейчас, на ясном небе мерцают крупные звезды, даже тявканье шакалов в горах звучит не так зловеще, как вчера.

Но все-таки его сердце замирает. Не от темных опасений, не от боязни попасться в ловушку, — нет, от сознания того, что вот-вот, может быть, перед ним встанет давножданная, давно мучающая его разгадка...

Что-то скажет, что-то откроет она?... А вдруг правильны подозрения председателя и они действительно ищут здесь, в этой даче, вещество, открытое Утлиным. И как кажется ему, Пальмерстон должен знать о последних минутах трагически погибшего химика. Может быть, ему здесь, на этой самшитовой концессии, удастся раскрыть тайну маленького, желтого чемоданчика, который его самого совершенно нечаянно сделал участником целого шквала неожиданного драматических событий...

Задумался Петров о грандиозном открытии Утлина, о том, что будет, если «Революционит» станет на деле достоянием трудящихся. Картина за картиной проносятся в его голове, и кулаки его судорожно сжимаются при мысли о том, что изумительное вещество еще не стало их достоянием, что еще неизвестно, не ищут ли в то же самое время его и другие люди, вот сейчас, здесь, в этом же самом, глухо шумящем лесу, не нашли ли уже... А если нашли, если оно, действительно, известно там, им, капиталистам... тогда... Тогда в любой момент они смогут стать настоящими хозяевами всего мира, с которыми почти невозможна никакая борьба... Кто знает, какие скрытые возможности таятся в этом сказочном веществе... Может быть, оно действительно...

Но что такое?... Может ли это быть? Уже почти двенадцать... Что же она? Что с ней, что ей помешало?

Да, 12, 12.30, 12.45... Наконец, час. Ее нет. У Петрова опускаются руки. Ждать дальше, видимо, нет никакого смысла.

Но что же делать, что предпринять? Очевидно, что-нибудь произошло. А между тем совершенно ясно, что она должна была ему передать что-то очень важное — он это чувствует как-то всем своим существом... И теперь сидеть неподвижно над темным оврагом, в то время, когда там, может статься, происходят новые, изменяющие все положе-

ние события, становится для него совершенно непереносимым. Нет, он не может оставить все это так... Ему теперь кажется, что у него в руках были уже какие-то реальные нити дела... Дать всему зданию разрушиться в самом конце постройки, дать рыбе, так хорошо взявшей приманку, соскользнуть с крючка... Немыслимо, невысказанно. Он сейчас же проберется к дому Пальмерстона. Может быть, там можно выяснить хоть что-нибудь.

Дом инженера за концессионным поселком, в лесу, уже между древесных стволов. К нему сравнительно легко подойти незамеченным, особенно ночью. Но Петрову не мешает соблюдать осторожность.

Когда он был еще далеко, в окнах дома горел огонь. Теперь, с его приближением, лампы потушили. Стало почти темно, только в глубине комнат кто-то движется со слабым маленьким ночничком. Петров подполз к окну и прижался к стене. Осторожно пытается заглянуть сквозь стекла.

Ночник погас — темно. Стукнула входная дверь, и не успел Петров опомниться — мимо него, почти задев его, прошел инженер Пальмерстон. Не заметив его за водосточной трубой, прошел быстрым торопливым шагом. «Он ли? Да, конечно, он. Ну, тогда можно попытаться проникнуть в дом. Может быть, она заболела. Может быть, при нем она не могла выйти».

Позвонил на крыльце, у обитой клеенкой двери. Никто не открывает. Потянул ручку, — закрыто. Еще раз дернул звонок. Должно быть, спит. Обошел осторожно вокруг дома, постучал во все окна. Тоже никакого ответа. Только одна рама закрыта неплотно. Определенно, тут в доме что-то неладно. Пощупал свой браунинг... пошевелил не совсем закрытой рамой, нажал... Окно распахнулось.

Сердце все-таки здорово стучит в груди Петрова — не особенно приятное ощущение ночью, проникнув в окно, бродить по комнате чужого, незнакомого дома. Что он скажет, если войдет хозяин?... Впрочем, в эту минуту ему почти все равно. Он твердо знает лишь одно: необходимо повидать Валентину и вырвать у нее ее тайну, все равно каким способом. В комнатах пусто, темно, никого нет. Чиркнуть спич-

ку или нет... А, была не была, — чиркнул. Кабинет... Прямо против — дверь, по-видимому, в спальню. Бросил спичку, приоткрыл створку. Острая дрожь пробежала по спине. Не может быть. Неужели... О, о, о — только не это.

Из-за двери, тонкой струйкой, мешаясь с веянием легких духов, пудры, косметики, слабый, почти незаметный, но так хорошо знакомый — запах лимона...

Быстро захлопнул дверь. Что делать, что делать?! И вдруг стало немножко стыдно за самого себя: пуганая ворона куста боится. Ну, конечно же, не может быть этого. Наверное, просто пили чай с лимоном, или варили пунш, или она терла себе виски от головной боли. Надо войти и посмотреть. Может быть, она тут. Снова спичка, снова дверь открыта. В комнате никого. По стенкам от спичечного огонька быстрые, непонятные тени. Постели застланы белыми одеялами, никаких признаков Валентины... Нет, здесь никто не пил чая с лимоном, никто не варил пунша и не тер виски... Это определенно тот же запах, так хорошо памятный ему с Крепостной, 7. Так значит... О, значит, здесь можно найти много интересного. Скорее к письменному столу инженера. Но он не успел еще выйти из спальни, как энергично распахнулась дверь и на пороге с маленьким электрическим фонариком в руке, — инженер Пальмерстон. Он не ожидал встретить гостя, гость не рассчитывал дожидаться хозяина. Краткое, но энергичное взаимодействие рефлексов. Рефлекс гостя опередил рефлекс хозяина на одну десятую долю секунды. Подушка с кровати в руке гостя уже описывает быструю дугу, когда рука хозяина ползет в карман к браунингу. Фонарик гаснет. Отчаянный прыжок через подоконник наружу. Сзади из темноты вдогонку пуля. Инженер Пальмерстон сочно выругался по-русски.

Надоело технику Максимову ждать возвращения товарища с любовного свидания с замысловатой миссис... Уснул.

Шепот над ухом: «Оденься и выйди»... Никольский трет глаза, не понимает спросонья. «В чем дело», — «сказал выйти на двор. Важно». Неохота вставать, дисциплина и дело — прежде всего.

Иронии как не бывало. Никольскому с первых же слов Петрова ясна важность его сообщения. Исчезновение жены Пальмерстона после того, как она обещала раскрыть какую-то тайну, и запах лимона.

«Да, да. Узел у нас в руках, но надо спешить. Думаю, что инженер меня узнал. Они не остановятся перед тем, чтобы по своему расправиться. Ты сейчас же дуй отсюда в Баку. Передай мой пакет, остальное расскажи сам. Писать некогда. Каждую минуту нас могут тут захватить. Я, так сказать, уйду в подполье; постараюсь найти Валентину — жену инженера, если... если только она еще жива. Передай, что я рекомендую Пальмерстона немедленно арестовать. Не ошибемся. Счастливого пути. Как можешь скорее».

Наутро техники Кириллов и Максимов не вышли на работу. К инженеру Пальмерстону ночью забрались воры. Он стрелял, «воры» бежали. Не эти ли русские, техники, исчезнувшие с концессии?... Инженер Пальмерстон первым долгом наутро осведомился — вышел ли на работу техник Кириллов, а его-то и нет... Такой разговор на концессии.

Сэр Смоллуэйс недостаточно внимательно слушает доклад инженера Пальмерстона о событиях прошедшей ночи. Брегадзе, видимо, недоволен. Мак-Кин, конечно, сообщит в Лондон о своих подозрениях, о несомненной слежке и будет ждать инструкций от сэра Вальсона. Но главный инженер должен быть в курсе дела. Инженер Пальмерстон дает понять, что он имеет достаточные основания предложить ему серьезно отнестись к данному вопросу.

Но у сэра Смоллуэйса своя забота. Сэр Смоллуэйс крайне недоволен. Последние дни — дни сплошных разочарований. Долина, где был шурф № 12673 и откуда извлечены первые крупинки Н.Т.У., исследована чрезвычайно тщательно. Над шурфом был построен большой сарай и в этом месте работы продолжались непрерывно день и ночь. Земля, несомненно, с признаками Н.Т.У., но самородка нет. Это

единственное место, где он мог бы быть, все исследования говорят об этом. Да, исследования одно, сэръ Смоллуэйс, а печальный факт, — другое.

Главный директор не знает, что делать. Продолжать ли работу, бросить ли? Вероятнее всего — химик Утлин унес отсюда самородок. Да, да, очевидно, так, но как решится он сообщить бисквитному дедушке? Это сообщение может лишить сэра Смоллуэйса не только новой пачки хорошего «фунтового печенья», но, пожалуй, и повлечет за собой и другие дорогостоящие неприятности. Вот почему главный директор не особенно внимательно слушает доклад о каком-то подозрительном технике Кириллове. Но, впрочем, напрасно удивлен Брегадзе равнодушием, больше сказать, легко-мыслием директора Бритиш-Самшитс-Концешн: начальству ведь ничего не известно ни о разговоре Брегадзе со своей Валентиной, ни о пощечине, ни об арапнике; ни о ночном свидании техника Кириллова с миссис Пальмерстон, ни о том, что было дальше, о чем, пожалуй, никогда не доложит сэру Смоллуэйсу инженер Пальмерстон.

Председатель Аз. ГПУ получил сегодня из Москвы шифрованное сообщение чрезвычайной важности — бежавший из Англии инженер Уоллс-Воллс-фабрик Дэти, изобретатель лимонного газа, раскрыл нам его тайну: опыты прошли очень удачно.

В цепи не хватает только одного звена. Убийство Утлина — дело английской организации, той самой, в руках которой лимонный газ. Но где искать последнего звена? Самшитовая ли концессия в Ак-Мечетской даче? Или, может быть, уже — «Революционит?». Нет, нет! Невольно сжимаются кулаки... Что это нет сообщений от Петрова? О, если бы Москва прочла проклятый шифр!...

...Торопись, торопись, тов. Никольский — ты везешь последнее звено... Да, да. Осторожно ползи следом за инжене-

ром Пальмерстоном, тов. Петров. Поиски Валентины ничего не дали, но куда это в лесную глушь идет инженер-англичанин, хорошо говорящий по-русски? Зачем понадобилось ему пойти через дикий овраг, где не велись никакие работы и где небольшая пещерка приветливо давала ночлег вчерашнему технику Кириллову? Шаги выводят из оврага, ведут по крутому склону горы. Тропинка, проложенная через густые кусты, видно, не в первый раз, приводит Пальмерстона к этому узкому входу в пещеру...

Вот уже несколько часов, как Петров, спрятавшись в кустах, сторожит скрывшегося в пещере. Войти следом нельзя. Нет никакого смысла для дела рисковать, чтобы только получить труп таинственного инженера. Пусть он уйдет — Петров спокойно исследует пещеру. Может быть, даже наверное так — сюда упрятал свою жену Пальмерстон.

Наконец, он вышел. Спокойно, не оглядываясь, начал спускаться вниз. Чего опасаться здесь всегда осторожному Мак-Кину: Ак-Мечетские кусты не городские стены, они еще не имеют человеческих глаз и ушей...

Что удивительного в наши дни даже в глуши встретить радиоприемник и маленький, но мощный отправитель. Но когда эти волшебные уши тщательно спрятаны в пещере на вершине горы, аккуратно прикрыты брезентом и засыпаны землей и когда ими, конечно, нигде не зарегистрированными, пользуется инженер и притом английской концессионной компании — это очень интересно для сотрудника ГПУ. А когда у этого инженера исчезает, кроме того, знающая какую-то тайну жена, когда в комнате у него запах лимонного газа и когда в этой самой Ак-Мечетской даче Утлин нашел «Революционит» — тов. Петрову совершенно ясно: последнее звено у него в руках. Крепче держи. Не выпусти. В твоих руках победа!

Тщательно исследует пещеру. Интересного больше нет ничего. Радиоаппараты установлены, как полагается — антенна, очевидно, на самой вершине горы. Нет, не в пещеру «Волшебных Ушей» упрятал негодяй свою жену... Петров тщательно закрывает брезентом и засыпает землей... Он спрячется здесь в пещере и будет ждать. Во второй раз ин-

женер Пальмерстон не уйдет отсюда, не рассказав ему всего. Пусть умирающий, но еще живой он достанется Петрову. Вот эта веревка ловкой петлей поймает лучше браунинговой пули...

Петрову кажется порой, что и здесь в пещере чуть заметный запах лимона. «Что за чертовщина. Ерунда. Нервы расшатались».

Нервы напряжены до крайности. Ждет. Ждет. Решающие часы...

Недолго ждать Петрову. Если бы он знал, какие вести поймали сегодня волшебные уши, его не удивило бы, что инженеру Пальмерстону так скоро понадобится опять тихим стуком тревожить далеких хозяев самшитовой концессии.

А на концессии какое-то непонятное волнение. Впрочем, для постороннего глаза нет ничего особенного. Как всегда, утром приступили к работам партии рабочих. Как и вчера, расчищают просеки.

Но почему что-то спешно пакуют в подземной лаборатории? Почему так аккуратно и вместе с тем торопливо сэр Смоллуэйс из ящиков своего стола и из несгораемых шкафов перекладывает в чемоданы переписку и документы Самшитс-Концешн? Да и не один он. Еще несколько инженеров заняты тем же самым. А в канцелярии идет обычная работа — щелкают счеты, составляются ведомости — выработка вчерашнего дня, задание на сегодняшний.

О, сегодня чрезвычайно внимательно выслушивает главный инженер каждое сообщение Пальмерстона. Мак-Кин незаменимый работник. Сэр Смоллуэйс сегодня чрезвычайно высокого мнения о работниках сэра Вальсона. «Как им удастся узнать такие тайны?»

Какое отношение могут иметь к самшитовым разработкам тихий разговор о двенадцати местных аэропланах? Неужели экспорт будет производиться воздушным путем? Что пытается найти в безоблачном небе вот этот инженер с подозрительной трубой в руках? Он никогда не числился любителем астрономии. Да и какая астрономия днем?

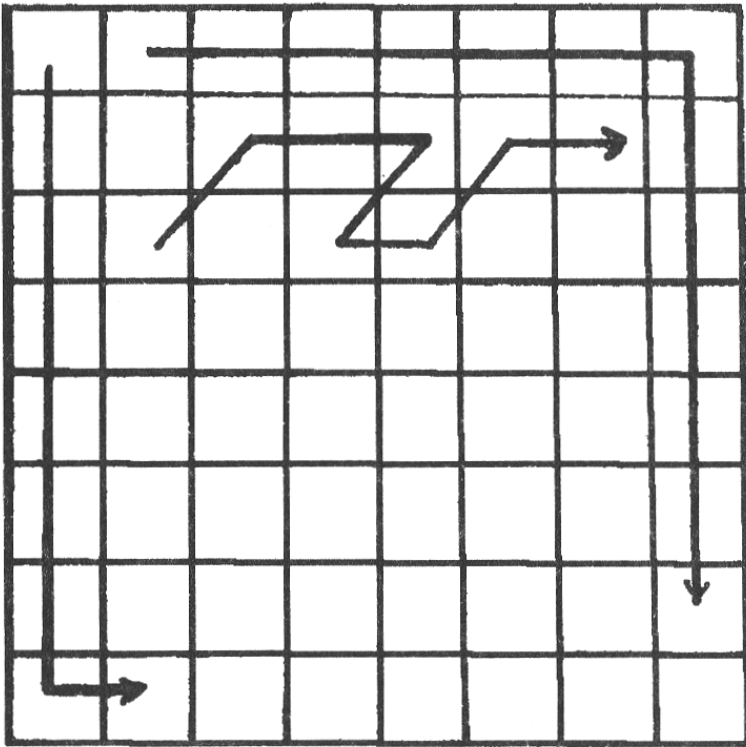
Петрову необходимо ждать в пещере «Волшебные Уши». Да, но не менее полезно было бы для дела, если бы он мог тоже заняться наблюдением безоблачного неба...

Желтые чемоданы Утлина, присланные из Баку, конечно, не могут помочь т.т. Майзелю и Кривцову раскрыть тайну шахматного шифра. Вот лежат они здесь в кабинете, молчаливые свидетели смерти своего хозяина, так похожие на тысячи других — «Made in England» из русской кожи. Только четкие мелкие буквы — Н.Т.У. говорят, что они действительно принадлежали Николаю Трофимовичу Утлину.

Каждый день до глубокой ночи бесплодные попытки. Как не упрямы Майзель и Кривцов, но, очевидно, придется дело это бросить. И как обидно сдаться, сказать, мы не можем, когда и тайна лимонного газа уже раскрыта, и дневник Утлина прочитан, и до боли ясно, что судьба величайшего открытия Утлина, его «Революционита», зависит от этих проклятых исписанных цифрами листков. Чуть ли не все цифры листков знают наизусть Кривцов и Майзель. Но что с того? 51 52-54 67 115 2325 1218 2610 67 1313 94 814 51 1017 175 1218 135 54 — нефть уголь транспорт. Дальше этой бумажки ни шагу. А то, что это ерунда, что этот способ расшифровки ошибочен, что, пользуясь этими обозначениями, не прочесть дальше ни слова — это хорошо известно. «Мгновенно сердце молодое горит и гаснет». Если хотите позлить Кривцова, продекламируйте ему эту строфу из «Полтавы». С марта месяца хорошо ему памятна она.

Последняя попытка. Майзелю пришла в голову мысль: «А что, — если попробовать окунуть в раствор, каким были проявлены чистые листки, и листок с шахматной диаграммой?». Счастливая идея. Больше ничего не придумаешь.

Тревожно бились сердца, когда бумажка была извлечена из раствора. Смотрите. Шахматная диаграмма почти смылась, но зато есть чуть заметные клетки.



Что значат эти линии? Что значит 51-52, наверху с края так отчетливо выступившие?

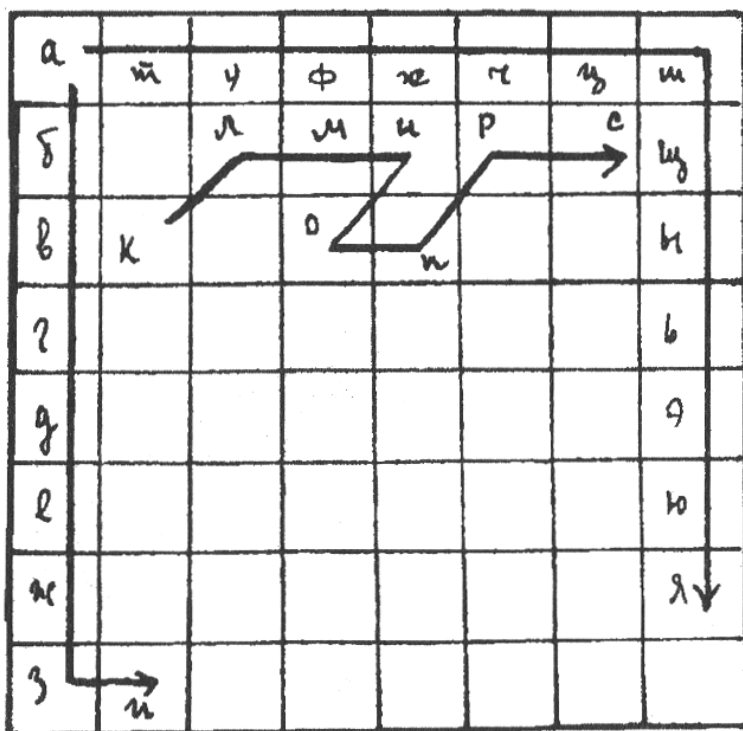
51-52. Видишь, это первые цифры на первом листке. Те, что ты по «Полтаве» расшифровал, как «Н» и «Е». — Да, да. Но что значат эти линии?

— Может быть, по этим линиям надо расставить алфавит и тогда мы найдем произведение. Видишь? Нижняя часть шахматной доски без этих линий. Конечно, конечно.

Счастливые идеи приходят всегда случайно. Случай — наш лучший друг. Случай наш злейший, коварнейший враг. Целая цепь случайностей привела зашифрованный доклад

Мак-Кина-Брегадзе-Стона в наши руки. Случайная попытка Майзеля дает нам последнее звено с таким трудом собираемой цепи.

Несколько раз сбивались Майзель с Кривцовым, но, наконец, расставили на таинственной шахматной доске четкие буквы.



«Русалка»... От нетерпения стучат молодые сердца. 45-й ход. Но в Пушкинской «Русалке» нет 45 строк. Может быть, 4-я строфа, 5-я строчка... «Она манит его рукой, Кивает быстро головой» «Ну, ну. Давай попробуем». И через полчаса напряженной нервной работы на листке бумаги выросло четко:

Н е - т ь т р а н с п о р т
 51 52-54 67 115 2325 1218 2610 67 1313 94 814 51
 Н и к о л а й Т р о в

 е г о л ь
 1017 175 1218 135 54

Утлин. Н.Т.У. — Николай Трофимович Утлин. Н.Т.У. — улыбаются боками желтые Утлиновские чемоданы. Такая игра случая, возьмешь «Полтаву» — прочтешь не-ть, еголь, транспорт и будешь дальше биться в бесплодных муках; возьмешь «Русалку» и под заголовком «Николай Трофимович Утлин» четкие цифры покорно расскажут: о борьбе Мак-Кина с Утлиным, о слежке, о таинственной находке в Ак-Мечетской (Каракалинской) даче.

Сегодня могут спокойно спать Майзель и Кривцов. Они свое сделали. Шифр должен быть расшифрован — этого требуют интересы Республики Трудящихся. Шифр должен быть расшифрован — и шифр расшифрован. Теперь предстоит работа другим товарищам... Мы знаем, кто и где охотится за «Революционитом» — и «Революционит» будет наш. Так сказал Председатель ОГПУ.

Счастливые ли улыбки на лицах т.т. Майзеля и Кривцова сказали кому не надо, что Н.Т.У. раскрыто?... Тонкие ли стенки в Доме Советов, радиоприемник ли приютился там, где ему не следовало быть?... Но жаль, что безоблачное небо над самшитовой концессией не попадает в поле наблюдений тов. Петрова.

Глава IX.

Конец романа

Чу... Раздвигаются кусты у входа в пещеру... высокая, худая фигура инженера Пальмерстона сразу закрыла узкое отверстие пещеры, превращенной в красную бронзу горячими лучами заходящего солнца. Петров забивается поглубже в одну из бесчисленных ниш в гранитной стене... Жди...

Англичанин спокойно, как дома, сбрасывает землю с брезента, попыхивая папироской; мурлыча что-то себе под нос, удобно пристраивается под радиоаппаратом.

Прыгнуть на него сзади, набросить петлю... выстрелить... Петлю... сейчас...

Вот он сел на камень. Обычные для любого радиотелеграфиста — наушники на голову, руку — привычным жестом на контакт.

В руках Петрова легкая судорога нетерпения... Бросай... Петля в воздухе.

Очевидно, неудобно сидеть на камне Пальмерстону. Неожиданно привстал. Петля, не дотянувшись, хлестнула его по ногам. Два тела, в мгновенном порыве, бросились друг на друга.

Равнодушный радиоприемник, — последняя модель, — всегда готовые служить новенькие браунинги, — самой модной системы... и борьба, телом к телу, грудь с грудью, со звериным рычанием, с зубовым скрежетом, как в каменном веке... четыре руки... На одной татуировка. Две в перчатках... Желтая перчатка тянется к горлу. Руки заняты. Зубы заменяют их.

А Петров вцепился зубами в лаковый палец. Противник не вскрикнул даже. Быстрое движение, — желтая перчатка повисла в судорожно сжатых зубах... фальшивый палец. Четырехпалая рука снова тянется к незащищенному

горлу... Крепостная, 7, Утлин, палец, отрезанный несгораемым шкафом...

«Так вот, кто ты.. Убийца...»

Самое главное доложено. Отряд на автомобилях выступит через несколько минут. Ордера подписаны. Моторы гудят. Председатель Аз. ГПУ отдал распоряжения. Теперь в эти немногие остающиеся минуты он может подробнее расспросить запыленного, грязного Никольского: «Как вы оставили Петрова? Что он собирался предпринять?»

«Следить. Найти жену инженера».

«Молодец, надеюсь, — это уже удалось ему».

Не удастся Никольскому отдохнуть от трудного пути. Да, если бы ему и предложили отдых, он не воспользовался бы им.

Автомобили с площадки перед гаражом правильным полукругом, один за другим, на равных дистанциях, скрылись в облаке пыли над дорогой...

Радиостанция при ГПУ длинными искрами говорит Москве о лимонном газе на «Бритиш-Самшитс-Концепшн» и об отданном распоряжении: аресте руководителей.

Слабеет Петров. Видимо, сказывается недавно залеченная рана. Борьба, как циклон, движется по длинной кривой, к противоположной стенке грота. Туда, к этой чернеющей за спиной Петрова нише. Ноги Петрова не чувствуют опоры под собой... Резкий толчок... руки разжались...

Брегадзе, слегка наклонившись над черным отверстием в каменном полу ниши, прислушивается к гулу, идущему из нее...

И снова на голове волшебные уши. И снова рука на послушном контакте. Лондон... Лондон... Лондон... Мак-Кин

сообщает...

А проволока принесла в тот час в Баку, в ГПУ, радостное секретное сообщение.

Не обманывало предчувствие старого бойца. Но нефть, транспорт и уголь — Н.Т.У., Н.Т.У. — Николай Трофимович Утлин. «Молодцы ребята, раскусили орешек. Эх, Борис, Борис...» Невольно о Борисе вспомнил Пред ГПУ.

Новые распоряжения. Второй отряд немедленно вслед за первым на самшитовую концессию. Не совсем обычный состав, не каждый день встречающиеся сотрудники собираются на автомобилях. Несколько инженерных фуражек, несколько мягких шляп и профессорских очков перепутались с красными звездами и околышками ГПУ. Два грузовика с рабочими и необходимыми инструментами: глухо ворчат мощные ролс-ройсы.

Колонна тронулась. Впереди оливковое Торпедо самого председателя. Абрек радостно рычит: быстрая езда, как известно, ему по нраву. Решительный бой за Н.Т.У. — за «Революционит».

Скорей, скорей, как можно скорей! Версты наверстываются на колеса, крепко впились шоферы в рули. Держите ваши мягкие шляпы и умные очки, товарищи профессора. Пусть кривыми змеями почти под самые шины прыгают канавы. Пусть жалобно пищат испуганные мосты. Скорей, скорей, как можно скорей!...

Первый отряд подъезжал к Ак-Мечетской даче. Солнце уже совсем садилось. Недалеко от конечного пункта поездки, дорога узкая, извилистая, наскоро приспособленная для грузового движения уже в самое последнее время, вступает в такое же узкое и извилистое ущелье...

В полном молчании движется по нему отряд, медленно пыхтя, прокладывают себе дорогу автомобили... На всех лицах один вопрос; во всех головах одна мысль: «Удастся ли, или нет?».

Что это? Эхо? В полном безмолвии тесно обступившего путь векового леса неожиданный звук: мощное, ритмическое гудение многосильного мотора. Это не моторы автомобилей, — звук ниже и полнее. Но это и не эхо... Крик изумления вырывается из многих уст.

Над самыми краями ущелья на одно мгновение, — желтое брюхо аэроплана. Шасси почти задело за верхушки деревьев. Мелькнул и исчез. И почти тотчас другой, круто вверх, делает смелую «горку». На крыльях знакомые красные пятиконечные звезды. Наши, наши. Помощь. Ура!

«Тише. Не орать!» Начальник отряда, видимо, встревожен. Председатель ничего не говорил ему об аэропланах... Да и система...

— Тов. Никольский. Вы не узнали, какая эта система?

Никольский служил в авиации: — «Виккерс». Последняя марка.

— У нас такие есть?

Отрицательный жест головой...

— Так значит... Черт их знает, что это может значить еще.

Отряд быстро и тихо оцепил жилые постройки концессии. Никольскому место хорошо знакомо. Дом главного директора. Пуст домик инженера Пальмерстона. И там пусто. Где же главные действующие лица?

Из бараков высыпали рабочие и мелкие служащие. Где администрация? Работы часа два, как кончились, служащие не знают, где. Может быть, в конторе? Но и там, кроме дежурного, никого. Начальнику отряда уже это доложено.

Аэропланы? Никаких аэропланов не видели. Шум пропеллеров? Не обратили внимания. Впрочем... а ведь, пожалуй, и в самом деле был какой-то шум... На лицах рабочих, — и не только рабочих, привезенных из Англии, но и наших, — написана такая растерянность, что не поверить нельзя... Может быть, служащим известно, куда делось их начальство? Но нет. Служащие всполошены не менее других. Исчезновение администрации их очень тревожит. Как? Завтра платеж жалованья и никого...

«Списки!», коротко приказал начальник отряда. Обрадовались. Списки — на жалование.

Список всех работников принесли из конторы. Все собраны на полянку. Переключка. Не хватает 15 англичан и двух русских техников, Кириллова и Максимова.

«А этих нет уже несколько дней. Это — воры. Лазили к инженеру Пальмерстону и сбежали».

Больше никто не встречал техника Кириллова за эти дни? Нет, никто. А жену инженера Пальмерстона? Тоже уже несколько дней никто ее не видел. «Обыск!». Самый тщательный обыск в домах не дает никаких результатов. Стол директора, конторки канцелярии, столы начальников отделений, — все пусто... Служащие крайне взволнованы; приказано взломать несгораемый шкаф, где хранились денежные суммы. Что-то там?

Умелые специалисты быстро сделали свое дело. Общий тяжелый вздох. Полная и абсолютная пустота.

Отряд рассыпался по лесной даче. Необходимо не упустить ни одной минуты до наступления темноты. Ищут Петрова. Но ни на сирены, ни на рожки, ни на револьверные выстрелы и голоса — никакого ответа.

Верстах в трех, в горах одна из партий на почти горизонтально лежащей поляне наткнулась: примятая трава, следы многих ног, как бы велосипедные колеи в траве, несколько опорожненных жестянок из-под авиационного смазочного масла и, в виде странного, нелепого контраста, — одна маленькая, женская, лакированная туфля... Очевидно, здорово торопились садившиеся. «Еще бы. Смылись перед носом».

В домике инженера Пальмерстона тоже ничего, оставивающего внимание. Пуст письменный стол, разгром, как после выезда из квартиры, много небрежно брошенных туалетов молодой женщины... Но кто же станет возиться с бабьими тряпками?

В спальне, видимо, уже давно настезь распахнуто окно, и напрасно силится Никольский почувствовать запах лимонного газа. Если бы не это бегство, он, чего доброго, подумал бы: «А не ошибся ли тов. Петров?» Правда, тов. Ни-

кольскому никогда не приходилось сталкиваться с лимонным газом. Но все же в этой спальне пахнет чем хотите, только не смертоносным лимоном.

Быстро спускается ночь. Стали на посты часовые. Значит, ничего не поделаешь — приходится поиски Петрова отложить до завтра. Первый отряд опоздал. Есть ли теперь смысл спешить второму отряду?

Ночь. Но ослепительные щупальцы автомобильных прожекторов выхватывают из мрака все новые и новые участки извивающейся горной дороги.

Ночь. Но английские летчики высоко, у самых облаков, ведут «Виккерсы» с краденными советскими звездами на крыльях. В маленьких чистых кабинках не спят. Спуститься? О, да, если бы это было в Англии!... Здесь же, — здесь спуск может быть совершен только в определенный час и в строго ограниченном пространстве. Где и когда, и почему именно там и в такое время, знают лишь те, кому об этом знать надлежит.

Брегадзе, видимо, доволен. Перед тем, как задремать в удобном, слегка покачивающемся кресле, он вполголоса — сэру Смоллуэйсу: «Я рад, что, наконец, удалось развязаться с этим будто бы техником, Кирилловым. Я его узнал: чекист Петров.. Тот самый, который... Шифр. Его не взяла пуля в Баку, но теперь их коллективы могут спокойно почтить его память вставанием».

Он не говорит об этом чистенькому директору, но в голове его бродит и другая, злорадно насмешливая мысль: «Пробовал ухаживать за Валентиной. Ну что же, поухаживай теперь...»

Охотно бы задал и сэр Смоллуэйс вопрос кое о чем, но в глазах этого, похожего на ястреба человека, видит он что-то такое, что не считает нужным расспрашивать его о том, о чем тот не рассказывает сам.

Ой, не нравится это воздушное путешествие старой Нине. Много видела она на своем веку, но чтобы так, не успев докипятить кофе, все бросив... лезть в такую шайтанову штуку и под облака... Ей нехорошо. Ей хуже, чем на море. А впрочем, раз князь сказал...

Петров очнулся. Непроглядный мрак. Абсолютная тишина. Несколько секунд лежал неподвижно, потом вдруг резко вздрогнул. Под ним что-то мягкое, поддавшееся под движением его тела. Протянул руку, ощупал... дрожь перешла в озноб; длинные мягкие женские волосы, отсыревшая ткань платья, маленькая, обнаженная и до ужаса холодная рука... Сам не помнил, как вскочил на ноги. О, какое счастье: в кармане френча и спички и электрический фонарик.. Нажим кнопки, бледный конус белого света... Больно! Тов. Петров должен закусить губы, чтобы подавить готовый сорваться вопль: «Валентина».

Может быть, еще жива. Может быть, так же как он сам, не разбилась насмерть. Может быть... И словно ответ на его безмолвный вопрос, — острый, хотя и слабый, запах лимона... О! о! Разве можно сомневаться. Она убита так, как был убит Утлин. Да и как он мог забыть даже в такую минуту, — ведь именно этот запах привел сюда его из спальни Валентины.

Лимонный яд... Перед ним в неуловимое мгновение картина опознания трупа химиком... Разложение... О, какой ужас!... Слабый луч фонарика, вместе с лихорадочным взглядом человека, судорожно заметался по влажным каменным сводам... Наверх... О нет, нечего и думать... Наверху только маленькое отверстие, круглый люк в вершине пятисажен-

ного купола... Но зато вот там, в глубине, чернеет какое-то пятно, видимо, вход в другую пещеру...

Да, действительно, там другая пещера, целая подземная галерея... Есть ли из нее выход? Кто знает. Во всяком случае, оставаться здесь... Бррр... Да, который час? Но часы разбились при падении... Заживо погребенный. Но что же делать? Нет, только не сидеть так!.. Идти, идти в это отверстие...

А может быть, может быть... А вдруг?...

Галерея тянется бесконечно. Низкие, мерцающие искрами под лучом фонарика, своды... Сплошной гранит, то гладко отполированный водой, то торчащий острыми изломами первобытной породы...

Нельзя слишком много жечь свет... Кто знает, насколько нужно растянуть запас его в одной батарейке и коробке спичек. Но хоть ощупью, хоть шаг за шагом, только дальше, только вперед... Устал. Сел. Мучительно хочется пить. Голова кружится еще от падения... О, папиросы в кармане. Ну, хоть это... закурил, как будто стало легче... Теперь можно снова пуститься вперед... Долгое, долгое путешествие... Несколько раз мерещился свет, слышался какой-то настойчивый, хотя и слабый шум. Раза два принимался кричать... Но слишком невыносим человеческий писк под землею, — перестал тотчас же...

Вдруг, когда совсем обезумел от отчаяния, жажды и усталости, — такое неожиданное, почти невозможное счастье: ноги охватил холод, за голенища полилась морозная струя... Вода, о, вода, вода... Пил долго, много, жадно. Откуда-то явились новые, новые силы, новая бодрость. Намочил горячую голову ледяной струей. Зажег фонарик. К пещере текла справа другая. Из нее, весело позванивая, — маленький темный ручей подземной воды — яркая молния мысли: 99 шансов за то, что у воды есть выход... Выход наружу... А если так... О, вперед, вперед...

Дальше и дальше... Ручей, с уступа на уступ, спускается куда-то вниз... Но, разумеется, так и должно быть: грот с радиостанцией высоко в горах, вода пробила себе ворота, где-нибудь внизу, в долине... Скорей... скорей... И вот уже

свет... Слабый, страшно слабый, свет вдали... Значит, правда, значит, он спасен. Легко, как горный козел, прыгает по гранитным обломкам обессиленный, только что залечивший рану человек... Еще, еще немного... Что это? Что это такое? Пещера внезапно расширилась, фонарик больше не нужен. Пещера наполнена светом... В нем особенно красиво поблескивают ее стенки... Но это не дневной свет. Это странное, холодное, никогда не виданное Петровым, сияние, голубовато-зеленый флуоресцирующий туман... Откуда же оно исходит... Ниоткуда! Вокруг него равномерно, не ярко и не тускло, светится все: стенки грота, мокрые камни в русле ручья, самая вода. При этом свете можно свободно видеть все пространство вокруг. Ручей расплылся по расширившейся пещере, растекся маленьким, черным, как смола, озерком. Поверхность его совершенно спокойна, только в одном месте вода уходит куда-то за крошечной, точно выдолбленной в черном и зеркальном асфальте воронкой. Куда? Конечно, туда, на поверхность земли, к свету, воздуху, к солнцу... А он... И слабый обессиленный человек в таинственном голубом сиянии падает на песок на берегу подземного озера... Последняя энергия его, по-видимому, иссякла.

Шум... Может быть, аэропланы. Часовые насторожились: «Стой. Кто идет?». Из поворота с дороги прожектор. Оливковое торпедо ГПУ, храпя, как загнанный жеребец, подкапилось к посту. Отряд № 2 прибыл.

Никольский и начальник отряда докладывают председателю: «Убежали... На аэропланах. Никого... Петрова нет... Обыск не дал никаких результатов».

«До утра делать нечего... Там увидим... Я привез спеццов... Теперь сами поищем “Революционит...” Эх, жаль, что этим сволочам удалось улизнуть. Но куда мог деться Петров?... Неужели он попался... Нет, парень не таковский,

правда, горяч он... Ну, утро вечера, как говорится... Ложитесь-ка спать...»

Под утро, когда в молочной дымке земля видна достаточно ясно, а люди спят еще крепче, чем ночью, оба аэроплана бесшумно, с выключенными моторами с подоблачной высоты, как огромные совы, спустились в точно назначенное место. Пассажиры вышли. Летчики включили двигатели и... может, кто-нибудь шум пропеллера и слышал, так что ж в нем удивительного... и ввысь.

Что это за место? Далеко не все пассажиры знают, где кончился их несколько неожиданный воздушный рейс. Кто-то из них робко осведомился. Инженер Смоллуэйс недовольно пожал плечами, инженер Пальмерстон нетерпеливо дернул губой... Несколько коротких слов и маленькая группа растаяла в тумане.

Где они встретятся опять?...

С раннего утра рассыпались по лесной даче и снова зовут и кличут Петрова. Шарят в кустах... Что ж не пошлют Абрека искать своего хозяина?

Занят Абрек... Он вместе с председателем исследует квартиру инженера Пальмерстона... Что-то нервничает Абрек. Бьет себя хвостом по бокам и глухо лает. Короткая шерсть его щетинится. Что его беспокоит? Передается ли ему нервно-напряженное состояние окружающих людей или звериное чутье в этом смешанном запахе спальни ловит что-то, чего не замечают Пред. Аз. ГПУ и Никольский?

Инженеры и профессора ожесточенно роются в земле; на тех местах, где удастся найти следы шурфов самшитовой компании, — в первую голову. Маленькие, по одному, по два партии разведчиков тоже рассыпаны по даче. Часть

рабочих-англичан, державших себя несколько странно, взята под стражу. Признано за благо всех их, за явной бесполезностью, отправить за пределы дачи. Только несколько человек принято на розыскные работы, вследствие выраженного ими самими желания, и после тщательной проверки их искренности. Они вызвались показать профессорам места работ, не совсем похожих на лесные: странный, невиданный доселе самшит намеревались выкапывать из-под земли заправила самшитовой компании...

«Абрек, тубо, Абрек, что ты делаешь?!»

Абрек с невероятным остервенением рвет, раздирает на клочки чей-то серый костюм, найденный им в одной из комнат...

«Чей это костюм?» «Хозяина квартиры, инженера Пальмерстона».

«Абрек, отдай». Пес неохотно послушался... Бросил костюм и теперь злобно рычит возле кровати. Вцепился в одеяло, стащил его с постели и, с ошетилившейся шерстью, с налившимися кровью глазами, треплет его на полу... Наконец, оставил, в сотый раз обнюхал пол, выскочил в дверь, обежал дом, заметался вправо и влево, среди множества натоптаных следов отыскал единственный ему нужный и ненавистный, вернулся обратно, осторожно — зубами за рукав председателя и, повелительно рыча, тянет его за собой...

По лесу, по лесу, вправо и влево. Собака впереди, часто поворачивая морду, точно проверяя, поспевают ли за ней люди сзади, стараясь не упустить ее из глаз. Неблизкий путь, — председатель, два сотрудника, Никольский совсем устали. Умный Абрек снисходителен к людской слабости, — замедляет шаг. Дикий овраг. Узкая тропинка в гору. Пес начинает радостно повизгивать. Темен собачий язык. Вот он уже опять злобно рычит, — почти воет. Забежал зачем-то в маленькую пещерку и долго, так непонятно радостно скулит... Чуть заметная тропка сквозь густые кусты, — в гору. Узкая щель — пещера. Служат свою службу электрические фонарики. «Ага. Радиоаппарат. Здорово дело постав-

лено». Смотрит, определенные следы борьбы. «Вот и вот. Ясно отпечатались ноги двух людей».

Но Абрека мало интересует электрический язык и уши. Он совсем тихо, стиснув пасть, медленно бродит от стены к стене. Совсем на брюхе подполз к темной нише, морду туда всунул и яростно залаял...

Бросили небольшой камень вниз, насторожились... Звук не слышно. Неужели так глубоко? Палка на веревке, вернее, не палка, а довольно длинный шест. О, совсем не так глубоко. Смотрят вниз с фонарем. Свет слишком слаб, — ничего разглядеть нельзя... Но одно страшно. Каждый раз, что они наклоняются вниз, — запах лимона... Неужели Петров? — мысль без слов у каждого.

Председатель распорядился принести большой фонарь с автомобиля, прочный трос, багры, и позвать еще несколько человек. Яркий свет ацетилена, восемь наклоненных над отверстием голов, общий вскрик.. Женщина... мертвая женщина. Впрочем, может быть, жива еще. Скорее достать!..

Один спустился по веревке вниз. Обвязал петлю вокруг тела, крикнул наверх. «Да, да. Это жена Пальмерстона. Мертва».

Мертва. И от мертвой теперь уже совершенно отчетливо запах лимонного яда. А мысль невольно возвращается все к одному, — тов. Петрову. А Абрек все воет у ниши...

Этот день не дал больше никаких результатов. Поиски и исследования профессоров не увенчались успехом. Но зато следующие сутки оказались решительными. Утром под барак № 9 была обнаружена лаборатория Компании, но кроме богатого ассортимента образцов почвы, — ничего: ни записей, ни реактивов. Однако и открытие пустой лаборатории сослужило свою службу. Председатель тотчас же приказал исследовать полы во всех помещениях.

Под складочным сараем, далеко в лесу (один из рабочих-добровольцев сейчас же вспомнил, что такой сарай существует), была найдена... аккуратно вырытая большая яма, нечто вроде начала железно-дорожного карьера, сильно расширенный шурф. В яме не нашлось ничего, но профессор,

производивший поиски в этом месте, сейчас же констатировал необыкновенное богатство флоры этого уголка Ак-Мечетской дачи. Приехавший же на место председатель убедился при первом взгляде, что эта долинка, где стоял сарай, была именно той, которая описана в дневнике покойного Утлина.

Екнуло сердце. «Если “Революционит” еще есть, то он может быть или здесь, или нигде».

Быстрое исследование почвы лопатки в лаборатории бывшей Самшите-Концешн-Компэни. Чуть заметная, но вполне соответствующая утлинским описаниям активность. Или «его» уже нет, или он глубже. «Рыть!»

Петров не знает, сколько времени пробыл он в подземелье. Он знает только, что несколько раз терял сознание: рана, очевидно, слегка раскрылась. Из нее, правда, немного, но сочится кровь. И, несмотря на это, он чувствует себя не так уж плохо. В этом подземелье и свет и воздух таковы, что ему кажется, они как-то подкрепляют его, успокаивают нервы. Но что делать? Что делать? Он пытался пройти назад, в верхнюю пещеру к трупам... Увы, подземный обвал как раз возле него преградил туда путь...

О, насмешка судьбы... После многих часов ожидания, долгих томительных часов, одна ослепительная, как молния, мысль прорезает сознание Петрова. Крепостная, 7, таинственные явления таинственного дома... Голубой свет, тепло, «Революционит». Разумеется, это «Революционит...» Очевидно, пещера подходит под землей под то самое место, где нашел его Утлин... О... о! Значит, он здесь, совсем рядом... Если только они его еще не достали, не выкопали, не унесли... Оно рядом, а он бессилен спасти его для Республики Трудящихся. Оно рядом, и он должен умереть тут, у своей давно желанной цели... О! Это выше его сил!...

Он мечется, как раненый зверь, бьется головой о голубую стену... Ему не хватает воздуха... Душно... душно... На берегу лазурного подземного озера несчастный снова лежит без чувств...

А время идет. Очнулся... Что это? Стук. Совершенно отчетливый стук. Здесь. Возле. Совсем близко.

Они. Это они. Они нашли. Они работают... Они сейчас его отнимут.

Бессильно сжимаются кулаки, бешено стискиваются зубы...

Он забывает даже, он не слышит, что удары с каждым мгновением все ближе, что, очевидно, стенка, отделявшая его от внешнего мира, тонка, что она вот-вот разрушится, что он... может быть, будет спасен. Он, заживо погребенный... Ах, что значит он и его жизнь? Мало ли ставил он ее на карту за дело трудящихся... Да, впрочем, и спасение ли еще несут ему эти удары английских кирок о каменный свод...

Страшный грохот. Целая огромная глыба рухнула в пещерное озеро... Струя холодного внешнего воздуха. Ослепительный солнечный свет. «Что такое? Кто здесь кричал?» — слышится растерянный голос со смешным иностранным акцентом.

А через час обезумевший от ужаса Абрек без конца, не отступно лижет руки и ноги лежащего на диванчике хозяина... Нет, не может быть... Нет, конечно, это не сон. И эта комната, и Абрек, и такое доброе лицо председателя, наклоненное над ним. Почему он так грустно-ласково смотрит на Петрова? Петров не видел себя в зеркале, не видел своего так страшно похудевшего лица... О, какое молодое измученное лицо, и над ним шапка — совершенно седых, серебряных волос...

Счастливые часы сменяются днями горьких разочарований. Опять Н.Т.У. становится неуловимой загадкой.

Печальную весть принесли профессора председателю Аз. ГПУ — «Революционит», несомненно, был в этом месте, но сейчас там его нет. Ни одной крупинки. Голубой свет в пещере, мощное развитие растительного царства, — все это результат его прошлого пребывания тут. Это только воздействие той, совершенно неуловимой и невыделимой эманации его, которую оно испускает. Нет, совершенно яс-

но, не подлежит никаким сомнениям — «Революционит» украден!!!

Тяжелое настроение царствует не только в Аз. ГПУ, но и в Москве, и вообще среди всех тех, кто хоть немного осведомлен о том, что такое, — дело Н.Т.У. Вот, значит, сбылись тяжелые предвидения Утлина. Свершилось то, чего он так боялся. Великий источник энергии и жизни в руках тех, кто из него сделает плоть и смерть. Так этого оставить нельзя. Ни один человек в СССР не сможет, не посмеет опустить руки перед ставшей внезапно такой реальной опасностью. Так значит, что же? Что же делать? Перенести борьбу туда, в неприятельскую цитадель. Применить против них их же способы борьбы. Трудная борьба, опасная. Очень мало шансов на успех. Но это-то, это никого не остановит. Нужна длительная, напряженная подготовка. Так что же? — к ней нужно приступить с сегодняшнего дня. Мы сознаем опасность, не скрываем ее, но и никогда, ни в каком случае не склоняемся перед ней.

Неожиданно омрачилось торжество в день столетия существования знаменитой фабрики лучших в Англии бисквитов и галет, — наследственного достояния сладкого дедушки. Какое же, на самом деле, торжество в отсутствие хозяина. А он не приехал. Только что, несколько минут тому назад, звонил по телефону его дворецкий, сообщив, что все готово к отъезду. Уже пыхтел автомобиль у подъезда роскошнейшего в Лондоне особняка, как вдруг, словно черная тень, выпрыгнул из-за угла улицы другой и замер возле дубовой парадной.

Вот что значит докладывать не совсем по порядку о важных событиях, особенно, если события идут не вполне так, как хочется. Не успел доложить сэр Вальсон лорду N о том, что самородок Н.Т.У не обнаружен на самшитовой концессии, что там его вовсе не было к моменту начала работ, что по сведениям, точным сведениям Мак-Кина, его

нет и в руках большевиков, успел сказать только о вынужденном бегстве из Ак-Мечетской дачи и был прерван...

Тяжело заскрипело глубокое кресло под тяжело осевшим в него тучным телом:

«А-м-м-м-м... п-п-п... кх...» — бессмысленно брызжет слюной на свое собственное плечо перекосившийся рот; дергается правая нога, судорога свела пухлую правую руку... Доктора, доктора!!!!...

Не перенес бисквитный юбиляр мелькнувшей в голове мысли, что Н.Т.У уже попало в руки коммунистов, самая неподдельная апоплексия схватила старика...

Биржа реагирует на медицинский бюллетень прыжками ценностей. Чемпион гольфа и тенниса, любимец всех кокоток ночного Пикадилли, наследник бисквитной фабрики, доброй трети Сити и лордского титула тщательно расчесывает пробор на преждевременно лысеющей голове, становясь в позу перед зеркалом: он проектирует свою первую речь в палате лордов...

А ведь через пару дней надо было бы сэру Вальсону опять повидать своего хозяина. Есть что сообщить новенького, — но что поделаешь?..

Хорошо, что как раз вовремя Вера получила отпуск и приехала в Баку. Состояние здоровья Петрова требует ухода любящей женской руки. Побольше лежать, поменьше волноваться: спокойствие и отдых, и все пройдет. Так сказал доктор. Вера всячески отвлекает его от тревожных мыслей. Ему запрещено даже разговаривать о «Революционите».

Но зачем он, незаметно для Веры, уже много раз, как только она выйдет в другую комнату, достает из бумажника в ночном столике и внимательно, не пропуская ни одного слова, перечитывает обрывок старой газеты. Глядите внимательнее, это не обрывок; это аккуратная вырезка, синим карандашом обведенная:

«ОБВАЛ ДОМА № 7 ПО КРЕПОСТНОЙ УЛИЦЕ».

Сегодня утром в 7 час. обитатели Крепостной улицы и прилегающих к ней были встревожены страшным грохотом. На столах в соседних домах запрыгала посуда, вылетели стекла из многих окон.

Некоторые подумали, что начинается землетрясение. На самом же деле это обрушился дом № 7 по Крепостной улице, вероятно, памятный нашим читателям по интересу, вызванному им и таинственными происшествиями, в нем происходившими, в последних числах апреля и начале мая месяца. Немедленно прибывшему на место происшествия нашему сотруднику удалось узнать следующие замечательные подробности. В комиссии откомхоза, произведшей осмотр и обследование дома, царило полное спокойствие относительно дома. Насколько можно было судить, ничто не угрожало катастрофой в непосредственном будущем: стены не давали значительных трещин, фундамент не оседал. Дом числился находящимся в состоянии не более критическом, чем некоторые другие, нисколько не таинственные дома. Впрочем, не вызывала особых забот его судьба из-за выезда жильцов. Обвал произошел почти точно в 7 час. Комендант, назначенный после апрельских событий, сообщил, что он в этот момент был на дворе и только благодаря счастливой случайности избежал гибели. Он, проживая в надворном флигеле, тоже не замечал ничего особенного за последние дни. Сотрудник заинтересовался его переживаниями с момента назначения. Как оказывается, ему при-

шлось пережить и увидеть много действительно загадочного за это время.

Никаких неудобств или болезненных ощущений, подобных тем, что вызвали в апреле повальное бегство из дома, он на себе не наблюдал, хотя из предосторожности пользовался водой из другого дома. Но ему пришлось столкнуться, например, с необычайным ростом травы и прочей растительности вокруг дома. В частности это касалось растительности не только в прямом, но и в переносном смысле слова: крайне энергично росли его волосы. Свечение, наблюдавшееся в апреле, продолжалось во всей окружности дома, как и некоторые прочие явления.

За разъяснением всего виденного наш сотрудник обратился к химикам, принимавшим участие в исследовании таинственного дома. Ученые заявили, что все это вполне возможные явления. Они остаются при своем убеждении, что все они производятся каким-то неизвестным и невыясненным доныне веществом, над которым производил опыты убитый в своей лаборатории химик Утлин. Самого вещества пока еще не обнаружено, состав его не поддается определению. Однако, безусловно и буйный рост растений и свечение дома вызывается эманацией того же вещества.

Ученый добавил, что несмотря на продолжающиеся попытки воспроизвести Утлинское вещество, кажется, можно с прискорбием констатировать, что талантливый химик унес свой секрет с собой в могилу.

Не потому ли он так внимательно изучает газетные строки, что он нашел их перед самым отъездом из Ак-Мечетской дачи, еще и еще раз подробно осматривая ящи-

ки стола инженера Пальмерстона, где, в щели между разошедшимися фанерками, — застрял, сохранился маленький, трижды свернутый клочок. Не кажется ли ему, что эта вырезка... Но нет, тогда бы он, разумеется, показал ее председателю. Впрочем, может быть, он не показывает ее потому, что ему кажется, что и сам председатель утратил все надежды овладеть «Революционитом». Дело об убийстве химика Утлина переправлено в Москву и Аз. ГПУ занялось своей обычной, будничной, повседневной работой. Нет, не то. Очевидно, и сам тов. Петров не уверен еще в основательности своих предположений... А в таком случае... В таком случае, не лучше ли подождать, и по выздоровлении попытаться самому, никому не сообщая, выяснить, насколько они соответствуют действительности...

Брегадзе, как любезный хозяин, по возможности удобнее устроил в родном ему Баку своих гостей с Самшитовой Концессии после воздушного путешествия. Неплохо поставлено дело у него. Из бакалейной лавки принесли в тот же день художественно исполненные виды на жительство — гости могут разместиться в лучших гостиницах...

И об удовольствиях заботится он. Сегодня пикник — морская прогулка на моторной лодке. Пять гостей. А остальные? Ничего, участники веселого парти де плезир делятся впечатлениями. Но все же, почему они лишены непосредственного удовольствия — боязнь морской болезни, загара на ярком солнце? Быть может, и это, а, пожалуй, все-таки помнит заботливый хозяин о существовании морского Особого Отдела. На слишком большой пикник знатных иностранцев с русскими паспортами, чего доброго, могут пожаловать и незваные гости.

Замечательный, видимо, чисто английский пикник, в форме, незнакомой в Баку: ни русской горькой, ни балыка... Но помилуйте, нет и джина, и шерри, и каких-нибудь других английских деликатесов... Может быть, расчет на

серьезную рыбную ловлю? Но ни рыбцу, ни шемае не угрожает, кажется, никакая опасность.

Мирная беседа знатных экскурсантов.

Длинным рассказом занимает Брегадзе гостей. Вынимает из кармана старую бакинскую газету и переводит им на английский содержание какой-то, видимо, очень занимательной, статьи... Затем рекомендует вниманию спутников план города, говорит, должно быть, о каком-то достопримечательном, наверное, историческом здании в нем, показывает его чертеж... Оживленный общий разговор, вероятно, обсуждение деталей следующей экскурсии, осмотр городских достопримечательностей.

Прогулка окончена. Но почему участники так торопятся поделиться впечатлениями со своими, сгучавшими без них в чужом городе, друзьями? Странно, разве они не встречаются на квартирах друг друга? Очевидно, так. Одного уже дожидается человек на бульваре, другого приятель давно подкарауливает в кофейне на углу самых людных улиц, третий, встреченный нужным лицом почти у самой пристани, поспешил свернуть вместе с ним в какой-то маленький, вонючий переулок. И с какой стати у них такие довольные, хотя и озабоченные лица? Неужели же они никогда не катались на моторной лодке? Не может этого быть, а и впрямь можно так подумать, видя, как хочется им рассказать про свою поездку близким друзьям...

Хозяин настоящий спортсмен. С моторной лодки прямо на мотоцикл. Полчаса занятия радиолюбительством, очевидно, нужны ему как хлеб насущный: «Вальсону... Вальсону... Вальсону...

Срочно... Срочно... Срочно...

От Мак-Кина...»

Но неужели же гости, просидевшие в городе в день морской прогулки, так сильно обиделись? Да, они уезжают. И никто из остающихся не проводит их на Бакинском вокзале... Да и хлопотливое занятие, по правде, было бы проводить их на этот раз... Как это люди не могут сговориться о совместном отъезде? Хоть бы случайно двое попали в один поезд.

Брегадзе — достаточно только шести сотрудников.

Радостная забота сэру Вальсону... О, эту просьбу Мак-Кина приятно выполнить. Он охотно бы доложил обо всем этому бисквитному королю, но... правда, здоровье его несколько поправляется, пожалуй, немного преждевременно спроектировал свою дебютную речь в палате лордов его любезный и достойный сын, правда, биржа уже прекратила свои скачки, вместе с ртутью максимального термометра под мышкой у больного, но все же врачи не позволяют еще его беспокоить.

В книге дежурного Гринвического аэродрома отмечено: два быстроходных «Сопвича» 138 выбыли сегодня в 21 ч. 30 м., по предписанию 3-го отделения. Но нигде, ни в какой книге никакого аэродрома не значится, что два «Сопвича» спустились там-то и тогда-то. Что же? Неужели пропали без вести? О, нет! В той же книге, того же аэродрома, только рукой другого дежурного проставлено:

«Сопвич 138, №№ 21, 22, вылетевшие вчера по предписанию 3-го отделения, возвратились после одного спуска, без аварий».

Не сказано лишь, где был совершен этот единственный спуск.

Замечательное явление для наблюдательного глаза. Инженер Пальмерстон и директор Смоллу-эйс, повидимому, поменялись ролями. В маленькой комнатке, на одной глухой бакинской улице, на импровизированном заседании семи оставшихся в городе служащих Самшитс-Концешн-Компэни, инженер председательствует, если только это можно назвать председательствованием, все по очереди вы-

сказываются, а один задает короткие, прямо поставленные вопросы.

— Значит, вы, господа, определенно уверены, что этими приборами можно с достаточной точностью определить местонахождение?

— Да, с точностью до одного метра в условиях, при которых будет производиться работа.

— Можно быть спокойным за работу самопишущего аппарата?

Утвердительные кивки.

— Завтра вы сможете приступить к обучению сотрудников. Люди выбраны понятливые и исполнительные...

Милиционер на посту против дома № 7 по Крепостной улице привык, что к таинственному дому ежедневно шатаются любопытные... Особенно много их было в первые дни после обвала. Откомхоз обнес участок проволоочной оградой. Постовой милиционер полагает, что это совершенно лишнее, кто полезет в это чертово место... Когда приходится дежурить ночью, он скрывает, что не особенно ему по душе голубоватые огоньки... конечно, милиционер не верит в привидения, но...

Какой дурак-тряпичник полез копать на развалинах? «Эй, гражданин! Куда те понесло! Вылезай. Что за черт... дороги ему мало...» Какой-то разносчик пролез через проволоку — избрал кратчайший путь на соседнюю улицу... «Куда пошел? Вернись!»

Не слышит. Не бежать же за ним. Не жаль сапог — пусть лезет по камням...

Два папиросника с лотками расположились у развалин... «Э-э. Опоздали, други. Теперь не то, что недельки две, три назад. Народу, что на базаре... Теперь много не наторгуешь...»

Сегодня прямо повадились тряпичники. Клад, что ли, думают... Сердится постовой милиционер — сил нет за ними гоняться...

Если б был у него характер и повадки царского фараона, — пожалуй, рассердившись, намял бы он шею одному-другому... Ну, и сделал бы любопытное открытие, что под

одеждой на боку совсем не нужный тряпичнику, непонятный прибор. И такой при этом новенький, что уж, конечно, подумать нельзя, что он его из помойки вытащил.

Но мордобой не входит в круг прав и обязанностей постового милиционера, а оснований подозрительно относиться к каждому шатающемуся по своим непосредственным делам тряпичнику, право слово, нет никаких, даже на посту у самого таинственного дома в СССР.

Однако, даже и царский фараон, ежели бы довелось ему обнаружить под полою тряпичника маленький аппаратик, конечно, не смог бы узнать назначение его. Да что фараон? Если бы на его месте оказался какой-нибудь инженер, или хоть целая комиссия экспертов-техников, много пришлось бы им помудрить над красивой игрушкой, чтобы дознаться, для чего она предназначена. Совершенно новое изобретение, прибор, сконструированный и построенный в течение последних дней, ну, может быть, недель. Никто с первого взгляда не определит, для чего он устроен, никто, кроме стоящих в курсе открытий, сделанных на самшитовой концессии в Ак-Мечетской лесной даче. О! В делах лаборатории, стоящей под непосредственным наблюдением сэра Вальсона, уже несколько времени тому назад появилась новенькая папка: «Дело об опытных работах над энтеускопом инженера Брекблейда». Несколько крупинок Н.Т.У., добытых на концессии, позволили высокоученому английскому конструктору создать этот прибор, — некоторое видоизменение магнитного теодолита или тахеометра, — и благодаря чувствительнейшим магнитным стрелкам, на которые заметно влияет даже крайне малое количество Н.Т.У., стало возможным в любой момент обнаружить его местонахождение...

И вот день, другой и третий сменяются на посту у дома № 7 дежурные милиционеры, и все эти дни и зеленчики и угольщики и тряпичники, словно сговорившись, бродят по развалинам обрушившегося здания. Даже другие граждане, убедившись, что переход через руины не сопряжен с

какими бы ни было опасностями, уверенно и легко прокладывают тропинку через них. Наконец, одному из постовых надоела вечная ругань из-за незаконных переходов огороженного пространства, он сообщил по начальству, сведения пошли дальше и откомхоз положил конец этому, протянув еще одну колючую проволоку поверх простой.

Самопишущие аппараты точно записали, а гости инженера Пальмерстона внимательно записи изучили, и о выводах Мак-Кин огненными искрами, осведомив, обрадовал Кетлер-Стрит.

Глава X.

Экскаватор марки «Г. Р.»

Идет своим путем дипломатическая и судебная переписка о небывалом доселе случае. Бегство концессионеров — исчезновение руководителей Бритиш-Самшитс-Концешн. В этой переписке нет намека ни на убийство Утлина, ни на то обстоятельство, что не только самшитовыми разработками занимались иностранные предприниматели. Мы не рассчитываем нотами и судебными процессами вернуть у нас похищенное. Бей врага его же оружием. Мы попытаемся рассчитаться.

Советское правительство считает концессию расторгнутой и выполняет точно все формальности. Концессионеры делают обиженное лицо непойманного вора и будто всерьез отстаивают свои права на самшит... Советской власти, мол, нет дела, что сбежал главный инженер с хозяйскими деньгами. Они рассчитывают на энергию и опыт советских розыскных органов...

И своим чередом идет переписка Мак-Кина с сэром Вальсоном. Перерывают кучу документов хитроумные юристы, приглашенные правлением Самшитс-Концешн для игры в бирюльки.

Бесшумно роет землю электрический экскаватор-карлик. Марка «Г. Р.» — последнее слово английской техники.

Сэру Вальсону, наконец, разрешено лично осведомиться о здоровье своего негласного хозяина... Здоровье его несколько лучше — он может выслушать приятное сообщение. О, сообщение сэра Вальсона, может быть, будет полезнее капель и пилюль!...

Жалкий старик, повелевающий армией посильнее войск Соединенного Королевства, полчищами фунтов стерлингов... Паралич здорово его хватил... Не действует правая рука, тяжело, как чужая, лежит нога (но, собственно, зачем ему ноги). Почти не видит правый глаз — ничего, за него смот-

рят другие. Но неугомонно жирное жадное сердце... Он не может сам разделить на две части кусочек бисквита, но раздел мира его занимает еще больше, чем вчера... Доклад сэра Вальсона говорит о возможности этого в самом близком будущем...

Хозяина нельзя утомлять такими подробностями, как, каким образом добиваются результатов его слуги, да его это, кажется, и не особенно интересует.

Из доклада сэра Вальсона не узнать ни о прогулках Брегадзе со своими гостями, ни о тряпичниках, ни об осторожных совещаниях на конспиративной квартире, ни о том, почему в течение целой недели так нервничали и сэр Вальсон и Мак-Кин...

Одно такое осторожное заседание особенно интересно. В довольно-таки странной обстановке происходит обсуждение иных технических вопросов.

Если пройти до конца грязной узкой улицы, по которой в марте месяце в сером пальто поверх белья бежал из плена в ГПУ только что начинавший свою деятельность на новом поприще Петров, свернуть из нее в другой, еще более грязный переулок, найти там серый покосившийся домишко, конфузливо спрятавшийся за своего более солидного собрата, и разыскать в нем чистильщика сапог, не то Ахмед-Бея, не то Ахваз-Оглу, то и тогда вы еще не попадете на это заседание. Надо уметь не только найти место, надо знать, как пожать руку церемонному чистильщику сапог. Один, протянутый вперед, указательный палец служит повелительным пропуском недавним инженерам Бритиш-Самшитс-Концешн-Компэни.

Семь пальцев пожал одним и тем же вопросительным пожатием почтительный чистильщик сапог. Семь человек порознь прошли сегодня в низкую темную дверь за его спиной осторожными шагами.

Брегадзе вошел в роль. Регламент заседания неизменен, — один спрашивает, один отвечает, остальные слушают.

— Итак, общее мнение, — исследований совершенно достаточно. Местонахождение Н.Т.У. установлено со всей дос-

тупной в наших условиях точностью. На какой глубине, вы считаете, находится самородок?

— Если верить показаниям энтевускопической съемки, на глубине от 4-х до 4½ метров. Оснований же сомневаться в правильности примененных методов у нас нет.

— Превосходно. Но для меня неясно одно. Как Утлин мог на глазах у всех закопать его так глубоко, не вызвав никаких подозрений? Это, как хотите, заставляет задуматься.

— Мне кажется, допустимо только одно предположение. Зарыть он, конечно, не мог, не мог и опустить его в готовую яму. Совершенно очевидно, — Н.Т.У — в трубе канализации. Для чего и почему он решил сохранить его именно в таком неподходящем месте, мы не знаем, но это, видимо, так.

Брегадзе издал неопределенное «гм». Собеседники, знающие его лучше, решили бы, что он что-то вспомнил. И не ошиблись бы. «Гм... гм...» Маленькая картинка воспоминаний подтверждает предложение исследователя. Да, но этого он им не говорит.

Способ извлечь Н.Т.У. — задача далеко не такая простая, как кажется. Копать. Да, но как копать? Производить раскопки на развалинах таинственного дома немислимо при всей ловкости Брегадзе. Домик слишком нов, чтобы удостоиться археологического изучения. Получить концессию на участок земли под руинами седьмого номера по Крепостной... Ха, ха, ха. Это было бы, конечно, неплохо, но... председатель не разрешает юмористических уклонов...

Единственный способ — подкоп, начатый под одним из ближайших домов. Но и здесь значительное затруднение, не в том, чтобы найти место, откуда можно начать ведение туннеля, нет, этот вопрос разрешен давно. Но грунт... О грунте скверного мнения господина исследователя.

«К сожалению, как раз в этом месте почти к самой поверхности почвы подходит прослойка известнякового сланца. Порода нетвердая, но при ручной работе во всяком случае необходимы посторонние землекопы и достаточное время». Ну а такой способ несомненно привлечет к себе внимание гораздо больше, чем того желали бы скромные тру-

женики науки и самшитовой концессии. Сэр Смоллуэйс доволен собою; наконец пригодились его знания горного инженера, — сэр Смоллуэйс вносит успокаивающее предложение.

Электрический экскаватор-карлик, марка «Г. Р.», роет землю совершенно бесшумно, требует крайне мало энергии, максимально производителен и портативен: в случае необходимости, пара-другая «Г. Р.» легко может быть доставлена из Англии на аэропланах.

Чистильщик сапог поодиночке проводил своих гостей, не удостоивших его разговором.

И эту просьбу Мак-Кина приятно было осуществить сэру Вальсону. Закупить два экскаватора марки «Г. Р.», проверить их продуктивность и испытать на работе было не долгим и интересным занятием. С наслаждением рассматривал инженер от шпионажа неоживленных электрическим током металлических кротов.

И вот опять суетятся люди на огромной оголенной площади возле маленького городишки Барреу. И вот снова огромная бело-желтая птица, распустив неустанные крылья, дожидается сигнала об отправке, чтобы унести в своем теле в известном направлении двух стальных кротов, которых она только что проглотила. Загудело огненное сердце птицы, поле побежало мимо окон пилотской кабинки... Несколько мгновений, несколько уверенных наклонов рулевого рычага и теперь уже далеко внизу видны широко раскинувшийся аэродром, красные крыши ангаров по его краям, и по всему огромному зеленому его полю, подобно самой грандиозной в мире визитной карточке, из конца в конец гигантская надпись: «Виккерс...» Низ этой надписи незаметен. Сэр Вальсон, покуривая трубку, бродит по штрихам надписи, принимая их за простые дорожки, желтые песчаные дорожки в зеленом газоне. А механическая пти-

ца, превратившись в едва заметную точку, уже скрывается за горизонтом...

Третий день с левой ноги встает Брегадзе, — старая Нина дважды пыталась перекрестить его, сталкиваясь с ним в темном коридоре, чтобы хоть немножко утешить его гнев. Зря попадает старательной старухе, — и за кофе, за будто бы скверно вычищенные сапоги, и невесть за что еще.

Ничего утешительного не могут сообщить князю ни в парикмахерской, ни в кофейне. А радиолюбительство, кроме раздражения, с недавних пор ему ничего не дает.

Говорящие искры от Вальсона с Кетлер-Стрит беспокоят все сильнее и сильнее Брегадзе в Баку. Говорящие искры от Брегадзе тревожат все настойчивее Вальсона на Кетлер-Стрит.

На аэродром Виккерса летит вопрос за вопросом, по проволоке, по радио и почтой. Но на аэродроме тоже не знают ничего. «Виккерс 56 выбыл, Виккерс 56 прошел Константинополь. Виккерс 56 уже больше недели не дает никаких сведений о себе...»

Не там ищут сведений все обеспокоенные пропажей исчезнувшей птицы. Первый, кто мог бы успокоить и князя Брегадзе, и коменданта аэродрома, и сэра Вальсона, и жену летчика Мьютри, и невесту моториста Бутса, балаклавский рыбак Мавро-Кордато и его приятели, бурей занесенные на самую середину Черного моря, далеко от любимых путей жирной осенней белуги.

Эх, не знает он, что за его рассказ заплатили бы круглыми, звонкими, английскими деньгами...

Буря трепала баркас Мавро-Кордато трое долгих, долгих суток. Эта же буря и необычайной чайке треплет огромные крылья. Неужели шестьсот лошадиных сил не справятся с озорным ветром? Хорош озорник? В Новороссийске сорок вагонов, груженных хлебом, легко, как бильярд-

ные шары, покатыл и, как пустые спичечные коробки, под откос насыпи бросил.

Как безумный, прыгает пузырек угломера, стрелка альтиметра мечется вверх и вниз, словно одержимая пляской святого Витта. Летчик судорожно впиается в руль в тщетной попытке выпрыгнуть из воздушных бурунов. Страшно звенят натянувшиеся до мыслимых пределов тросы креплений. Сигнала бедствия нельзя подать, — радио давно уже отказалось действовать.

Волны воздуха страшнее морских соленых волн. 7 человеческих сил на баркасе, на аэроплане 600 лошадиных сил, но вряд ли Мавро-Кордато согласился бы поменяться теперь местами с мистером Мьютри...

Словно тонкая нитка, лопнул толстый стальной трос. Точно из бумаги склеенное, отрезало шквалом прочное дюралюминиевое крыло. Черноморская чайка не так стремительно кидается на рыбу, как навстречу седобородым валам, в черной бездне играющим балаклавским баркасом, ринулся Виккерс 56...

Сэр Вальсон получил нетерпеливую телеграмму от Мак-Кина. «Очевидно, аэроплан погиб. Необходима немедленная высылка новых машин».

О, да, конечно, он согласен. Но не попал ли «Виккерс» в их руки? Хотя, во всяком случае, что это могло бы переменить? Нужно только весьма и весьма поторопиться. Побольше осторожности, понадежнее люди... Впрочем, Мак-Кин дал за последнее время столько доказательств своих блестящих способностей, что Вальсон склонен полагаться на него вполне.

Новая птица вспорхнет в назначенное время с аэродрома Виккерс К°, в тот день, когда это будет приказано, с тем же грузом: интересы хозяев требуют максимальной затраты усилий. Что значат две-три затраченных жизни, когда они нужны для дела. И на этот раз в назначенный срок уже наверно получит сэр Вальсон сообщение, что экскаваторы марки «Г. Р.» благополучно выгружены в условленном месте и прибыли по назначению.

Казалось бы, какие шансы могут быть у частного торговца не прогореть на открытии большого оптового склада риса в Баку. А ведь вот открыл-таки какой-то предприимчивый Бек-Салтанов совсем приличный, и, по-видимому, далеко не бедный магазин, да еще как раз напротив тем же товаром торгующего кооператива. И торговля, судя по всему, ведется оптовая, в широких размерах: ежедневно шесть, а то и десять раз на день пятитонный грузовик вывозит куда-то из склада и привозит вновь на склад множество рогожных и джутовых мешков с рисом. Они заняли большой сарай в глубине двора здания, но, очевидно, хозяину и этого мало: он недавно возбудил ходатайство перед ответственными органами о предоставлении ему права на расширение подвалов дома до потребных ему размеров. Откомхоз пошел навстречу, к работам уже приступлено: автомобили вывозят не только рис на вокзал, но и вырытую из подвальных помещений здания землю на свалку. И в неслыханном порядке ведет свои дела широкий предприниматель: был фининспектор, был трудинспектор, — ни одного замечания сделать нельзя. Но если бы кому-нибудь зачем-либо вздумалось поинтересоваться качеством риса, отвозимого на пятитонном грузовике, отъехавшем только что от двери магазина, то сильно перепугался бы и шофер и артельщик. А если бы кто-нибудь проследил путь этого автомобиля, то вместо вокзала или склада он попал бы за город и увидел бы, что не ханский рис, конечно, на пустыре выбрасывают из мешков поджидающие грузчики...

Землю, и в мешках, возят землю верные люди Бек-Салтанова. Что-то уж слишком много земли, и чересчур аккуратно они ее возят. Не удивительно. Быстро и аккуратно работают два экскаватора марки «Г. Р.»... Где? Где, работают эти экскаваторы? О, стоит пройти в заднюю комнату склада за высокую, до потолка, грудку кулей с рисом, приподнять люк в полу и увидеть там уже очень глубокий, правильно-эллиптического профиля туннель, идущий в землю под легким наклоном. О, какие сложные работы затеял глава фирмы в своем помещении, то-то разовьет дело! Конечно, он даже представил в Управление Губинжа подроб-

ный проектный план на утверждение, все в порядке, только... Безобразную ошибку допустил в своем плане чертежник Бек-Салтанова, — забыл обозначить в нем проектированный туннель. И зачем нужен этот туннель? Его, конечно, не разрешил бы Губинж... Брегадзе и не рассчитывает на разрешение, недаром тщательно укрываются от посторонних взглядов эти работы... Ха, ха, купцом заделался Мак-Кин-Пальмерстон-Брегадзе-Салтанов. Недаром не любим мы людей с многоэтажными знатными фамилиями.

Посылка сэра Вальсона прибыла в полной исправности. Даже многоопытный инженер Смоллуэйс не ожидал такой дьявольской продуктивности от маленьких, почти игрушечных машин. Удивительное изобретение. Двигается обыкновенным осветительным током и так работает!

Два экскаватора выстроились в подземельи один за другим, передний вчерне намечает грубое узкое отверстие, задний превращает его в аккуратный правильного профиля туннель... Он же и подает в мешки землю. Остается только грузить ее на автомобиль.

В глухой тишине подкопа, при свете сильной электрической лампы тускло поблескивают серо-стальные веретенообразные тела удивительных машин. Экскаваторы. Это не совсем точное название. Это и сверлильная машина, и элеватор для земли, и еще много других приборов, соединенных вместе. И какая бесшумная работа. Корундовый бур грызет твердую породу, колеса дробят ее, огромной силы хобот-насос втягивает земляную массу, коленчатые щупальцы выбрасывают встретившиеся камни...

За Н.Т.У., за «Революционитом», ползут вглубь земли стальные кроты капитала. Они уже глубоко под землей проползли под улицей, где расположился склад Салтанова, проползли под домами и дворам и на другой стороне ее и назавтра, когда Брегадзе спустится в туннель, согнувшись в три погибели, над его головой чуть слышно застучат экипажи, проезжающие по Крепостной улице.

Глава XI.

Развязка?

Сегодня Петров неважно себя чувствует. Доктор говорит еще о большой физической и нервной слабости. После обеда, не раздеваясь, лег на диване в полутемной от жалюзи комнате. Но только успел задремать чуть-чуть, как резкий звонок по телефону...

Его вызывают в ГПУ. Необходимо срочно с профессором Стрешневым поехать к безумной подруге Углина. Очевидно, у профессора, все время наблюдающего за ней, есть основания думать, что настал момент повторить допрос под гипнозом.

И опять оливковое торпедо Пред. Аз. ГПУ подымает пыль по душным улицам Баку и опять недоверчиво поглядывает на профессора смуглый комендант ГПУ тов. Бибаев, и Абрек, неизменный спутник, высынув язык, наслаждается быстрой ездой.

Порывистый ветер с моря освежает голову, — но почему-то такое странно-тяжелое настроение. Четко стучит мотор, равнодушный шофер спокоен, радостно повизгивает Абрек; профессор, сдвинув на упрямый лоб мягкую шляпу, шепчет что-то, видимо, напряженно думая о предстоящей новой попытке и смотрит в ослепительную даль близорукими глазами, — а ему все как-то удивительно не по себе. Не то хочется, чтобы машина замедлила слишком быстрый ход, не то, чтобы она неслась со всей возможной скоростью, — нелепое, тягостное ощущение внутреннего утомления.

Большая уснула. Профессор проделал все подготовительные пробные опыты над ней, стенографистка приготовилась записывать... Профессор уверен, что он теперь добьется своего...

Стенографистка не успевает записывать. Быстрая, пожалуй, несколько отрывистая, но совершенно сознательная речь.

— Ха-ха-ха... как, и вы в это поверили? Вы тоже решили, что Николай Трофимович Утлин замечательный изобретатель?...

— Что такое? Нет, это не бред сумасшедшей.

— Тише, тише. Не перебивайте. Она говорит то, что знает.

— И вам он успел вскружить головы. И вам откуда-то известно о его чудачестве, о его выдумке, детской сказке, — о каком-то там «Революционите...» Ха, ха, ха. Вот смешноту. Он сам, наверное, не ожидал такого успеха для своей шутки.

Евгения Джавала совершенно сознательно отвечает на вопросы профессора Стрешнева.

— Что? Таинственные явления в доме? Вот чудачки профессора. Возьмите любой учебник... Таинственный огонь. Можно подумать, что и вы верите в привидения... Свечение. Фосфоресценция... Каждый опытный химик может устроить тысячи таких чудес.

Недоуменно переглядываются все, а она продолжает спокойным уверенным голосом, будто и не находится под гипнозом.

«Она нас дурачит». — «Нет, нет». Профессор Стрешнев твердо знает, что под гипнозом этого быть не может... Ее воля бездействует — она говорит только то, что знает...

— Николай придумал замечательную шутку... Ха, ха, ха. А я ему не верила, что ему удастся убедить людей, что он сделал замечательное открытие, — этот ваш «Революционит» и что «Революционит» у него похитили. Могла ли я предполагать, что люди так легковерны? Он говорил, что он заставит сотни умных серьезных, взрослых людей бегать и волноваться, как маленьких ребят. Зачем это ему понадобилось?... Зачем? Ну, для этого-то, значит были свои причины. — Этого она не хочет сказать.

Она рассказывает о том, как они вместе составили дневник об открытии «Революционита», как после долгих совещаний переодели в чужую шкуру Абрека, — неужели нашлись способные поверить в наивную сказку о собаке и благодарном мусульманине?...

Только услышав вопрос об убийстве химика, заданный в упор, смутилась, замялась Евгения Джавала: «Да, да, убийство... Но как будто убийство должно непременно иметь какое-нибудь отношение к шутке с «Революционитом»? И потом убийство, убийство... Ах, она вообще не хочет говорить о такой вещи, как убийство, но уж если на то пошло... Да, самое обыкновенное преступление на романтической подкладке. Как, неужели же настоящий убийца до сих пор не найден? Не может быть? Ведь всему городу известно, что за ней тогда ухаживали двое, — Утлин и еще один. Ну, и вот... и ясно, что в конце концов один из них... да, один из них...» Но дальше опять не удается добиться ничего от Евгении Джавала. Снова истерика, снова, как и в первый раз, бурный нервный припадок, снова твердый голос профессора Стрешнева, запрещающий категорически дальнейшее любопытство, которое может стать роковым для больной.

— Я не знаю... Я с ума схожу... Профессор, скажите, кто же из нас действительно безумен: мы или она. Неужели же можно верить тому, что она теперь сказала?

— Да, это, безусловно, правда. Я не знаю случая лжи или мистификации под гипнозом.

— Но тогда, значит, «Революционит» не существует.

Профессорские очки досадливо сверкнули: «Вы слышали то же, что и я. Я склонен думать, что это именно так...»

— Но что же это тогда? Ведь это похоже на кошмар. Это же ужас. Я не могу примириться с этим...

— Дорогой товарищ, — поучительно произносит профессор, — как не неприятно разбивать свои лучшие иллюзии, но полезно только одно, — примириться, считаясь с фактами, добытыми наукой...

Он говорит еще что-то, какую-то длинную речь, но его уже не слушают. Петрову кажется, что он на автомобиле один. Он ничего не слышит, — слишком назойливо стучат в готовый лопнуть череп собственные мысли.

«Революционита нет! Все это только выдумка. Нелепая выдумка, словно какой-то авантюрный роман. Поверил сам, увлекся, отвлек столько народа от действительной важной

основной работы... А все его подозрения, так хорошо связывавшиеся в стройную цепь улик, охвативших все? Но как он мог, как он мог им поверить? Они, конечно, только нелепая игра воображения. И он поддался, попал на удочку. Из простого уголовного дела создал сам для себя какую-то невероятную борьбу за фантастический “Революционит”...»

Клубок тягостных мыслей все сильнее давит Петрова: сознание своей ошибки, вызвавшей многие уже непоправимые результаты, чувство стыда за глупый промах... Эх, — Шерлок Холмс. Вот что значит, не спросясь брода, братья за незнакомое ответственнейшее дело.

Неприятный длинный разговор с председателем Аз. ГПУ. Через несколько дней повестка, — явиться для объяснений в Контрольную Комиссию. «Что, что сможет он сказать в объяснение старым партийным товарищам?...»

Темная комната, освещенная слабой лампочкой под зеленым колпаком. Над мечущимся в постели человеком склонилась встревоженная женская фигура. Она прикладывает к его вискам холодный компресс, пытается его разбудить...

— Что с тобой? Милый, очнись! Что с тобой?

Он отталкивает ее руки, он борется с ней, говорит, кричит что-то непонятное... Наконец открываются глаза, большие глаза на измученном, молодом еще, но таком усталом-обессиленном лице, он садится, бессмысленно оглядывает стены вокруг себя... Она испуганно на него смотрит. Он трет лоб и, наконец, удивленно, недоверчиво смотря в знакомое лицо женщины, говорит:

— Ты знаешь, мне приснился какой-то дьявольский сон... Бесконечно длинный и сложный, точно целый авантюрный роман, с таким злым насмешливым концом... Такой тяжелый, гнетущий, и вместе с тем удивительно реальный... Я его могу воспроизвести до мельчайших подробностей...

Наутро Вера, ласково проведя рукой по лицу, разбудила Петрова.

— Ну и напугал ты меня сегодня ночью, Федя. Кричал, как сумасшедший.

— Да, понимаешь, приснится же такая чертовщина. Честное слово, у меня и сейчас еще голова кругом идет. Но до чего реально? Подумай, вижу, будто я приехал со Стрешневым для допроса Евгении Джавала, а она рассказывает под гипнозом, что никакого Революционита нет, что это все выдумки Утлина и ее... Стрешнев уговаривает меня, что ее словам нужно несомненно верить, что наука и т. д... и в результате меня вызывают в Губ. К. К.

— Это дело тебя вконец измучает.

— А ты знаешь, что я тебе скажу? Я не знаю, что было бы лучше, — чтобы этого «Революционита» или, как его называют англичане, Н.Т.У., действительно не существовало бы вовсе, или чтобы он был, но нам не было бы известно, что с ним и где он находится в данный момент.

Петров открывает ящик ночного столика и дает ей газетную вырезку с сообщением об обвале таинственного дома.

— Ты понимаешь, о чем я думаю? Я уверен, что мы все-таки его добудем. Я себя сегодня совершенно хорошо чувствую. Я пойду побродить по этому месту на Крепостной, может быть... «Революционит» должен быть нашим, раз только он существует на самом деле, — вот единственное, что я о нем знаю совершенно твердо...

Глава XII.

Авто из сумасшедшего дома

Да, этого никто не ожидал. Скверного мнения были о грунте охотники за Н.Т.У., но такого сюрприза не рассчитывали они получить...

Что случилось? В 9 ч. 22 минуты одиннадцатого октября тихое гудение электрического тока, текущее из подземелья, неожиданно прекратилось. До магазинного помещения донеслось какое-то глухое восклицание. Работа стала. Бек-Салтанов, крайне встревоженный, привстал из-за конторки... Из люка вынырнула голова инженера, следившего за действием переднего экскаватора, — он судорожно потрясал головой и окровавленной кистью правой руки... Бек-Салтанов никогда не был трусом, но сердце его на этот раз как будто упало.

Брегадзе выскочил в заднее помещение. Что случилось? В чем дело?

Едва не произошло катастрофы. Экскаватор наткнулся на огромный валун, целую скалу. Все произошло совершенно неожиданно. Хорошо, что он еще успел почти инстинктивно выключить ток, едва почувствовав шестым чувством старого маркшейдера-землекопателя близость препятствия. Бур сломался. Это-то еще ничего, — есть запасные, — но могла случиться очень плохая штука... Минутный испуг, замешательство прошли почти тотчас же.

Сэр Смоллуэйс руководит работами по определению размеров каменной глыбы. Глубоко в подземелье, при свете тусклых лампочек, собрались все герои подкопов и ударов из-за угла.

Четырьмя саженями выше, над этим местом, по залитой утренним солнцем Крепостной улице сонно бродит дворник с метлой, милиционер, стоя на углу, смотрит на большую тучу, заходящую с запада. Должно быть, дождь будет здоровый. — Пробежал мальчишка с пачкой утренних газет

под мышкой, доносятся звонки трамвая, Азнефть развозит керосин, хозяйки возвращаются из утреннего путешествия с покупками, жизнь идет своим чередом. А бурав уже исправлен, исследование кончено, электрический крот поползет над камнем саженью выше.

Зачем же в задней комнате склада переодевается хозяин торгового заведения? Зачем снимает свою красную бороду? Неужели только затем, чтобы выйти на улицу, — подышать свежим воздухом? Нет, сегодня Брегадзе нужно поговорить с сэром Вальсоном. А ведь, пожалуй, не совсем удобно купцу Салтанову лезть в неуказанные никем для купеческих прогулок трущобы, где ждет его пара всегда готовых к его услугам, волшебных ушей.

Молодой человек в сером пальто и мягкой шляпе, с большими роговыми, медными очками на носу, вышел на Крепостную улицу из переулка, на углу которого любителю на тучу милиционер, и, постукивая тросточкой, гуляет теперь взад и вперед, мимо пустыря и развалин дома, где раньше жил Утлин... Наверное, свидание назначил кому-нибудь юноша. Ходит сначала медленно, потом скорее, и нетерпеливо с силой барабанит концом тросточки по земле. Постучит, постучит, постоит, насвистывая, видимо, прислушивается к гулко разносящимся по пустынной улице шагам прохожих, и опять ходит туда и сюда. Надоедливое, нервнующее занятие прислушиваться в ожидании даже к шагам любимой женщины.

Другой молодой, в таком же сером пальто, тоже в черепяковых очках, только ростом пониже и без тросточки, вот уже несколько минут наблюдает за первым. Неужели соперники? И какие бездельники могут назначать свидания в это время, когда уже все за работой... Первый все еще внимательно к чему-то прислушивается, второй к милиционеру зачем-то подошел, бумажку какую-то показал... Милиционер браво кобуру нащупал... Тот, с тросточкой, наконец, видимо, наблюдателя заметил, быстро оглянулся и большим размашистым шагом пошел... Без тросточки, — что-то крикнул ему, не слышит, шаг быстрее... «Останови-

тешь!» Этого он не мог не слышать — значит, милицейского приглашения принимать не намерен...

Резкий свисток. По тихой улице бегут — впереди высокий, в сером пальто, тросточкой помахивая, легким шагом. А поотстав порядочно, милиционер и другое серое пальто (очки уже в кармане). Эх, нет мальчишек почему-то, а то их шумная стая давно б — «держи!» — настигла длинноногого.

Но вот свистками привлеченная погоня растет, как снежный ком. Не уйти ему с тросточкой, не скрыться в переулке и не запутать проходными дворами.

Фью... Тросточка за забором сада, пальто серое комком на тротуаре позади. Все равно не уйдет. Из переулка навстречу те, что в таких случаях страшнее тигров в джунглях, — запоздавшие к даровому представлению мальчишки... Да и здоровенный милиционер далеко впереди, на углу решительно отстегнул уже кобур револьвера... Страшно пульсирует кровь в висках у беглеца: что делать? что делать? что делать?

До милиционера, до далекого угла двух улиц, — другой угол. Справа, — переулок. Крутой поворот, — взгляд назад... ох, еще хоть две, три минуты...

Эй, Брегадзе, стой! Внимание! Собери нервы. Выход перед тобой.

В переулке, около правого тротуара мирно замер большой сильный автомобиль, — ландоле, со знаком красного креста на дверках.

Двое, шофер и какой-то военный, копошатся около раскрытого кобота машины, — видимо, потребовалось маленькое исправление. Исправление — потому что под опущенным верхом осталась только фигура пассажирки в белом; маленькое, — ясно, потому что мотор уже гудит; оба человека, бросив последний взгляд на его пульсацию, опускают капот.

Стой, Брегадзе, стой! Напряги все внимание! Ни секунды потерянного времени. Они еще не смотрят на тебя. Свободно можно вскочить в шоферскую кабинку и дать полный газ. Ты умеешь править автомобилем.

Э-эп! Поберегись!

Раз, два, руки на руле. Нога на педали, — пуск газа ножной. Дикий вскрик клаксона. Ужас на лицах шоферов. Бросок машины вперед... Пассажирка?... Э, черт бы драл всех пассажиров в мире, когда Брегадзе надо спасать свою шкуру. Вперед!

Эх... Давно жалеет запыхавшийся от быстрого бега Петров, что нет с ним верного Абрека... Пес пригодился бы гораздо больше переодевания в серое пальто и черепаховых очков. Вера с утра на базар взяла с собой тигрового кавалера. Он бы не выпустил этого изящного джентльмена с тросточкой, бродившего по Крепостной, возле дома № 7.

Но не до рассуждений на быстром бегу. Скрипят зубами преследователи. Автомобиль уже скрывается за углом. Нельзя даже выстрелить вслед. Не везет, не везет! О, постойте! Вот и удача!

Из-за угла навстречу другой автомобиль, еще более сильный. — Милиционер, свистите. Да свистите же громче, черт бы вас побрал! Стой, шофер! Стой, тебе говорят!... Гражданка, выходите. Ну, скорей!

«Что такое? что такое? Почему это? Это же безобразие... Мой муж советский служащий, Промышлянский... В чем дело? Это нахаль...»

— Шофер, полный. Что? Красная черта? Ко всем дьяволам черту. Необходимо догнать их. Давайте, что можно. Газ, газ, газ...

Ко всем дьяволам черту! Ко всем дьяволам все правила езды по городу. Поноют искалеченные о стенки кабинки бока Петрова, двух милиционеров и какого-то, против общей воли ввалившегося в последний момент мальчишки, поноют потом, когда они возвратятся домой. Теперь же одна цель впереди. Клубы белой пыли, сначала по улицам окраины, потом на шоссе, за городом... Шофер, видимо, заразился общим напряжением. Как мертвый вцепился в руль, глаза уже не ищут манометра. Красная черта... Ха, ха, ха, хорошо строят машины за границей, но еще лучше на нашем красном «Большевике». Давно пройдена красная черта, бешеный храп мотора перешел в долгую ноту одно-

тонного воя, от радиатора клубами пар. Но... Но как будто несколько больше стал теперь маячащий на дороге впереди столб пыли...

Что, неужели нагоняем? В такт бешеному биению мотора колотится сердце Петрова. Да, да, несомненно, догоняем... Ура...

Машины совсем близко. Кажется, только пыль разделяет передние колеса догоняющих от задних убегающих. Руль вправо. Надо не только нагнать, — обогнать надо. Беглец это чувствует и виляет по дороге, преграждая путь.

Куснуть готовятся наганы. Ветер, дунув, разогнал пыльный смерч; стрелять нельзя. В автомобиле беглеца совершенно неожиданное положение... К решительной пассажирке попал в шоферы Брегадзе. Ей не нравится загородная прогулка. Должно быть, стучала в окно, кричала, приказывала... А не слушается... Спустила раму и со всей силой отчаяния, — в волосы непокорного шофера.

Голова Брегадзе оттянута назад. Зубы судорожно сжаты... Что стоило бы ему одним движением рук?.. Но их ни на секунду не снимешь с руля на этом страшном двадцативерстном ходу... Сквозь рев машин: «Это он! он! Убийца!».

Еще секунда и пуля из браунинга Петрова пробьет шину, рядом бегущую...

Но не успел спуститься курок, как живая, шина ландолета прыгнула назад. Какая страшная сила нужна, чтобы обрезать ход, сразу после сумасшедшей скорости. На месте. Страшный толчок едва не сорвал с шасси автомобиль с красным крестом. Мощным ударом пассажирка сброшена с места: руки разжались. Голова Брегадзе освободилась из судорожно сжатых тисков.

Машина погони, как дикий кабан, не ожидавший внезапной остановки своей жертвы, молнией пролетела вперед. Стоп... стоп... Остановитесь, шофер!

Автомобиль затормозил в саженях 15-ти от ландолета. Когда Петров подбежал с браунингом в руке к дымящемуся красному чудовищу, — беглеца уже не было возле него. Пассажирка изнутри автомобиля пытается открыть проч-

но запертую дверцу... Сквозь окошко бледное, растрепанное, испуганное и яростное лицо... Петров замер на месте, как пораженный электрическим разрядом.

Евгения Джавала... Автомобиль из сумасшедшего дома...

Она кричит, она кричит, задыхаясь: «Это он, он. Это убийца Николая...»

Сердце Петрова все время подсказывало ему, что длинноногий в сером пальто с тросточкой, — инженер Пальмерстон...

Но где же он? Куда он мог деться? О, очень просто куда, — только этого никто не успел заметить: налево лес, направо глубокая кустистая степная балка.

Соскочил он, вероятно, направо, — шоферское сидение справа. Так и есть, на пыльной дороге след... А дальше? Дальше крутой, почти отвесный обрыв... Сажень двести идет почти параллельно шоссе, потом, нырнув под дорожный мостик, сливается с леском налево... Пытались искать... Постреляли наугад сквозь стволы... Так уж, больше со злости, чем в надежде на удачный выстрел... Искать еще, оставаться дальше... не только бессмысленно, прямо вредно для дела. Единственно на что, может быть, еще можно рассчитывать, это как можно скорее добраться до дома, сообщить своим, затребовать помощи, оцепить лес облавой... Вчетвером, впятером в нем ничего не сделаешь.

Возвращается машина нэпмана Промышлянского, таща за собой веревками привязанный ландолет сумасшедшего дома.

Сегодня без профессора Стрешнева, без гипноза можно обойтись при допросе Евгении Джавала. Но как может пропустить такой замечательный случай любознательный ученый... Сумасшедшая стала нормальной. Да, да. Профессору Стрешневу, конечно, известны случаи возвращения рассудка под влиянием внезапного нервного потрясения.

Но это, действительно, крайне редкий случай. После семимесячного безумия, не поддававшегося никакому врачебному воздействию, пациентка сегодня быстрым, но строй-

ным рассказом вот уже час как приковывает внимание и профессора, и Петрова, и самого председателя Аз. ГПУ. Стенографистка готова забыть свою непосредственную обязанность, — черточки, черточки, крючечки, — так живо увлекателен рассказ возлюбленной покойного химика Утлина.

Она уже рассказала о том, что Петрову и пред. Аз. ГПУ так хорошо известно из дневника Утлина, о самом моменте его открытия, о его опытах над «Революционитом» в маленькой лаборатории на Крепостной, дом 7, при которых она была бессменной ассистенткой ученого, о славном Абреке, — как ей хочется его видеть, — о тревогах за участь огромного открытия...

«В конце февраля, вечером, когда я шла к Николаю, меня на одной из безлюдных улиц окружила толпа хулиганов... Кругом ни души... Я страшно перепугалась, хотела кричать, но не посмела... Как вдруг, совершенно неожиданно, в минуту, когда они уже стащили с меня пальто и собирались обшаривать мои карманы, откуда-то, я сама не знаю откуда, между ними появился высокий молодой человек... Без единого слова, — удар кулаком направо, удар налево... Я не успела опомниться, как они все разбежались... Он представился мне как Герман Петрович Крузе, агроном из северных губерний, сравнительно недавно приехавший на Кавказ... Был крайне любезен, ободрил меня и, попросив разрешения, проводил до ворот Колиного дома... Мне не оставалось ничего иного, как пригласить моего спасителя зайти к Николаю...

Коля тоже был ему крайне признателен... Он оказался очень неглупым, милым собеседником, достаточно интеллигентным человеком... Обоим нам он очень понравился... Да больше того, не только понравился, — они очень подружились с первого же дня, он довольно часто стал заходить на Крепостную, — за последнее время, даже почти ежедневно...»

Джавала начинает сильно волноваться... Но нет, нет, ей не нужно валерьяновых капель... стакан воды...

«Я никогда, никогда не забуду этого дня... Все это, как кошмар, ежеминутно встает передо мною... Я пришла к Коле... пришла намного раньше, чем мы с ним условились накануне... Неожиданно швейцариха передает записку. Коля, — раньше это совершенно не предполагалось, — уезжает сегодня в Ростов».

Но я пришла настолько раньше, что еще его застаю. Ключ от входной двери у меня свой...

Она очень тихо и медленно, с трудом переводя дыхание, говорит.

«Открыла дверь. В передней Колино пальто — не уехал еще. Вот и он сам в кабинете, стоит спиной ко мне. На полу его чемоданы. Я иду тихонечко, на цыпочках, — сейчас испугаю... Но он услышал. Быстро повернулся. Что он сделал с рукой? Кровь?! Он перевязывает большим платком... Не успела я произнести ни звука, как он прыгнул ко мне и здоровой рукой схватил со страшной силой меня за горло, — в ту минуту я подумала, что это Николай сошел с ума, — но когда я, вырвавшись, зацепила рукой бородку, накладная бородка слетела, — передо мною Крузе.

Что он делает здесь?... Где Николай? После короткой борьбы, но какой борьбы, — страх придает мне небывалую силу: я вырываюсь. Но в последней схватке мы, наверное, зацепили чемодан... Он раскрылся... в нем... в нем...» Судорожные рыдания уже опять свели хрупкое тело женщины... «Эх...» Председатель ГПУ отвернувшись, морщась, как от физической боли, махнул неизвестно на что рукой... «Да, я думаю, найти голову любимого человека в чемодане... Нелегко рассказывать об этом, но каково-то было это все пережить...»

Остальное она видит, как в каком-то смутном, но страшном сне... Раскрытый несгораемый шкаф, — значит, он хотел украсть «Революционит»... Вырвалась последним отчаянным усилием, оттолкнула его так, что он ударился о шкаф виском... Откуда, откуда только были у нее силы. Скорее в спальню, там, в ночном столике, — ни один вор не подумает, в старой газетной бумаге небольшой свинцовый ящи-

чек, а в нем, в другой бумаге, специально приготовленной — «Революционит».

Почти не соображала, что делает... Вероятно, инстинктивно вспомнила когда-то сказанные Утлиным слова: «Если что, брось в лючок в ванной...»

«Убийца не успел еще ворваться в ванну, — дверь я, должно быть, заперла за собой, — как я уже опустила ящик в люк.

«Дальше я не помню, что со мною было, очевидно, я потеряла сознание; мне смутно представляется, что он сломал дверь, с озверелым лицом бросился ко мне, схватил меня, понес... и... и... бросил в несгораемый шкаф...»

Петров и пред. Аз. ГПУ не могут сдержать своей радости (весь самородок?!). «Как, вы наверное помните? Вы бросили его в лючок водопровода? Но тогда, значит, “Революционит” наш! Значит, наверняка он не похищен в Каракалинской даче? Но не погиб ли он под развалинами дома?».

«Как, дом обрушился?» Встревожена Джавала. Она просит рассказать ей все, что произошло за эти семь месяцев ее отсутствия из мира разумных существ, и Петров охотно и, насколько возможно подробно, передает ей все, что ему самому известно. Она-то имеет полнейшее право знать до мельчайших подробностей все перипетии упорной борьбы за великое открытие того человека, кто ей, единственной, поведал свою тайну.

А председатель давно уже уехал и отдал все необходимые распоряжения: откомхозу прислать подробнейший план бывшего дома № 7 по Крепостной ул. и его водопроводов, распущенной несколько времени назад Комиссии откомхоза по обследованию таинственного дома экстренно собираться завтра же к 9 часам утра. Надо торопиться! Председателя очень тревожит встреча Петрова с убийцей Утлина как раз возле этого дома.

А поиски в лесу на 25-й версте не дали никаких результатов.

Глава XIII.

Солнце наше!!!

План водопроводно-канализационной сети бывшего дома № 7 по Крепостной улице. Красная черта ползет под рукой Губернского Инженера по фановым трубам от квартиры третьего этажа. Внимательно следит, склонившись над чертежом, нахмуренный Пред. Аз. ГПУ. Красный карандаш замыкает кружок. Коллектор. Предохранительная решетка на его стенке...

— Если... то только здесь...

Комиссия не может не согласиться с мнением Губинжа.

— Глубина?

— План старый... Не ручаюсь за точность... Примерно около 6-ти метров.

— Но ведь это же пустяки. Сколько времени потребно на достижение коллектора?..

— Дело не в глубине. Над этим местом обрушилась целая стена дома. Кирпич и бетон...

— Сколько времени возьмут работы по расчистке?..

— Не меньше суток.

Председатель смотрит на часы. Без десяти 12.

— В котором часу можете вы приступить к работе?...

— В два.

— Работать в четыре смены. Всю ночь. При свете прожекторов.

— Завтра в два подготовительные работы должны быть закончены.

«Как дела?»

Бодрый вопрос и приветливый гул в темноте подземелья.

«Труженики английской науки» успокоены возвращением инженера Пальмерстона.

Где пропадал весь день и всю ночь уважаемый рисоторговец Бек-Салтанов? Брегадзе не любит распространяться о своих приключениях... Мало ли какие могут быть неприятные встречи у делового человека?

— Как дела?

Короткий доклад. Подземная скала благополучно пройдена сверху. До предполагаемого местонахождения осталось всего метров 10. Условия работы именно в силу этой близости становятся чрезвычайно тяжелыми...

— Что, разве что-нибудь уже заметно?...

Пока только сильное повышение температуры. Термометр поднялся почти до 50 градусов и продолжает идти вверх.

Работы приостанавливаются. Необходимо немедленное действие на окружающую почву единственным способом — нейтрализующим Н.Т.У веществом, — раствором свинцового сахара.

Спасибо Утлину. Он дал нам и перчатки, которыми можно взять в руки его ежа, не опасаясь уколаться.

Работы возобновятся завтра утром. Часам к двум 12-го октября рисоторговец Бек-Салтанов сможет занести в товарную книгу склада небывалый товар на графу прихода.

Что удивительного в том, что откомхоз начал приводить в порядок развалины удивительного дома? Но зачем это место оцеплено таким сильным военным караулом? И не милицией, а красными околышами ГПУ.

Об этом мальчишка прибежал сказать приятелю, чистившему изо дня в день сапоги, расположившись перед дверью склада Бек-Салтанова. А услышав новость, пошел на Минаретскую, к пустырю под номером 5, и единственный приказчик большого склада. А вернулся, — хозяину на ухо

сказал и, видимо, тому сообщение это не очень-то по нраву пришлось.

«И роют и расчищают как-то странно... Чуть ли не с самой середины начали... Разбрасывают весь хлам по сторонам, кирпич в штабеля не складывают... Похоже на то, что не в порядок приводят, а спешно, как только можно спешно, хотят дорыться до чего-то под слоем щебня и мусора...» Редко волнуется Брегадзе. Давно отвык он от подобных нежностей. Но сейчас весь он, от колен до зубов, задрожал так, как в ту ночь, когда впервые, еще совсем не оперившийся корнет, — он передернул семерку пик за картонным столом синих деникинских ее величества гусар и испугался, что заметят...

Неужели?... Неужели они догадались?... Неужели теперь, сейчас из-под носа вырвут?...

Еще реже волнуется закаленный революционными шквалами старый путиловец Пред. Аз ГПУ. Но сегодня напряженное волнение не дает ему заняться обыденной работой. Уже несколько раз приезжал он на Крепостную, все такой же, со спокойным лицом... Но крепко закушена губа. Бешеным темпом ведется работа. Надо всем пустырем белым облаком известковая пыль. Порозовел темно-красный кирпич, побелели от едкой пыли лица рабочих... Лязгают скрученные падением тавровые балки, щебень с тупым гулом сыплется в неведомые пустоты над ним... Скорей, скорей. Безошибочное внутреннее чувство подсказывает председателю, что нельзя терять ни часа... Ни минуты... быть может...

Он дает распоряжение — если потребуется, применить пироксилиновые шашки, предупредить население ближайших домов...

Предупредил управдом и уважаемого своего квартиранта Бек-Салтанова о готовящемся на Крепостной пиротехническом номере.

Брегадзе отдает распоряжение торопиться. Скорей, скорей!... Брегадзе твердо знает, почему нужно торопиться.

И вот ночь. Четыре прожектора холодными потоками бледно-голубого цвета затопили развалины на Крепостной... Не в четыре, а в восемь смен ведется работа. Привычные рабочие руки не выдерживают такого напряжения. Но результаты неистовой работы уже начинают разглаживать морщины на лбу пред. ГПУ. Дело обойдется без пироксилиновых шашек. Ровно в два можно будет приступить к прямому делу.

Ровно в два лопаты уже врежутся в расчищенный от всякого мусора грунт, руководитель работ совершенно спокоен в этом отношении.

Всю ночь добывают проклятый и желанный свинцовый сахар труженики подкопа... Нелегко дался им он... Обегали посланные все москательные лавки, спрашивая столько глета, что частные торговцы немедленно же подняли цену на него. Но и после закупок дела больше, чем достаточно.

Чистильщик сапог, гостеприимный чистильщик, у которого неоднократно собирались гости, очень удивлен их поведением. Что это? Неужели они собираются гнать самогонку!... Но ведь этим уже давно никто не занимается... Но еще сильнее удивляется он, — этого уж он никогда не видел: в таинственной самогонке его гости полощут белье, да не только белье, а и верхнее платье и даже сапоги. Наконец, — час от часу необычайнее поведение всегда таких спокойных молчаливых людей, — наконец, сняв с себя платье, они тщательно, словно в бане, моются сами в той же жидкости, обтирая друг друга мягкими губками...

Всю ночь на работах дежурит Петров. Торопит, торопит. Не к двум часам, а к девяти... Ровно в 10 (точно числит время спокойный Губинж) последний кирпич, последний слой щебня будет отброшен с пути к коллектору 4.

5 часов времени выиграно. Выиграно у кого? Этого не знает Петров, но так же, как председатель, он считает каждые полчаса за победу над невидимым врагом...

Всю ночь нервничает Брегадзе. К 6-ти часам утра должен двинуться в ход экскаватор «Г. Р.». К 6-ти часам должна заработать помпа, накачивающая раствор свинцового сахара в темную трубу подземелья. Брегадзе видел лихорадочную работу наверху. Он не ошибается в ее значении. Каждая потейнная минута — угроза, что сверху и снизу дороги скрестятся... Кто же раньше? Выигранная минута, — победа... Грунт мягкий. Точный подсчет. Три часа работы экскаватора «Г. Р.» Начало десятого, полдесятого крайний срок... Н.Т.У. будет в его руках...

Глубоко ошибется тот, кто подумает, что Брегадзе способен из-за своих волнений позабыть увлечение радиоспортом... Он нашел время и для этого. Он успел своевременно известить сэра Вальсона о том, что всего 6 метров... О том, что завтра в полчаса десятого...

Сэру Вальсону было разрешено обрадовать своего хозяина. Хорошее лекарство — сообщение сэра Вальсона. Даже правой рукой сегодня вечером пошевеливал хозяин Сити. Сладкие сны снятся ему этой ночью... Вот он махнул рукой, — и стали поезда, как подстреленные птицы, кувыркнулись аэропланы, как дохлые рыбы, беспомощно ткнулись в донный песок подводные лодки, подобно паралитикам, замерли в неподвижности огромные заводы, и, словно раз-

рушенный муравейник, заметалась непокорная страна большевиков... Ха, ха. Покорятся, покорятся... Н.Т.У. замечательная вещь. Хозяин — он. Фунты стерлингов замечательная вещь. И он хозяин их. Ха, ха, ха! Сладкий сон снится сладкому бисквитному дядюшке... А юный пионер звена Демьяна Бедного Вил Кузнецов, 9-ти лет, полный впечатлениями от дневной поездки к шефам, на линкор «Марат», сквозь сон мурлычет бойкую пионерскую:

Мы пойдем к буржуям в гости,
Мы помнем буржуям кости!..
Во — и боле ничего!

Ровно в 6 часов утра, обильно смоченный раствором глета, зашевелился жадный хобот экскаватора. В тяжелой, пропитанной клубящимся паром атмосфере подземелья нет уже, собственно, почти света и нужно зажигать электрические лампочки: ровным голубовато-зеленым светом сияют стены, пол, потолок, фигуры ползающих в клубах пара странных людей в защитных масках, и сам этот болотный, густой, большими каплями на всем оседающий туман...

Помпа непрерывно мелким душем обдает все находящееся в подземелье. Иначе нельзя: слишком скоро при столь высокой температуре испаряется спасительный раствор. Должно быть, уже очень близко Н.Т.У. Странная улыбка бродит под маской по освещенному сквозь очки мертвенным отблеском лицу инженера Пальмерстона. Непрерывно ползут вперед остальные кроты. Жадно едят землю. Метр... Два... Осталось всего три с половиной метра... Без пяти 9. Хобот лязгнул о бетон коллектора; подкоп точно привел к месту.

Солнце, еще низкое утром, сменяет прожектора над пустырем на Крепостной. По пустырю бродят бледные от напряжения, всю ночь не спавшие люди.

10 лопат одновременно врезывается в освобожденный от развалин грунт. 5 минут выиграно.

Вера, едва встав, после такой же, как у всех, полубессонной ночи, принесла Петрову кое-что перекусить. Абрек радостно прыгает возле присевшего на каком-то камне хозяина... А Петров не сводит глаз с дружных взмахов лопат, там, на пустыре, уже выгребающих землю из коллекторного колодца.

Скоро застучит их железо о свинцовую крышку коллектора, такую, какие сохранились только в старых домах. Скоро...

Но почему это нагнулся вглубь ямы один из рабочих? Что он кричит?

— Эге... Да земля-то здесь, что блин из печи: горяченькая.

Петров вскочил. Встрепенулись ученые-химики из Комиссии, мирно дремавшие в ожидании, когда понадобятся их специальные познания.

«Значит... близко».

Не хочется уходить Петрову, но надо сейчас же известить по телефону председателя... Ну да, очевидно, он еще успеет, как раз грунт пошел все тверже и тверже... Работы еще вполне хватит...

«Пойдем, Вера. Мне надо позвонить по телефону... Или, впрочем, лучше посиди, я схожу один с Абреком...»

Где тут найти телефон? На этой тихой Крепостной улице ни одного магазина. А-га, вспомнил. Тут за углом в двух шагах кооператив и какой-то склад риса, а на окнах склада белой краской № телефона...

Внизу осторожно разворачивают бетон коллектора. Брегадзе поднимается вверх. Надо приготовить место и срочно вызвать автомобиль. Сэр Смоллуэйс великолепно справится сам. Все приспособления, чтобы извлечь Н.Т.У. из бетонной трубы, наготове...

«Оптовый склад риса. Бек-Салтанов». На окнах белым, четко телефон № 56-84.

Четверть десятого, — склад уж открыт. За прилавком один только приказчик.

«Разрешите переговорить по телефону?»

«Пожалуйста».

Приказчик думает, что сегодня, собственно, полезнее было бы не открывать склада, но хозяин решил, что может навлечь подозрения.

Что-то долго не отвечает центральная. Сейчас. Сейчас. Петров скажет несколько условных слов, — их услышат только ничего не сумеющий понять приказчик, да мирно вычесывающий блох Абрек, — и побежит обратно...

Абрек... Следовало бы Петрову обратить внимание на неприличное поведение своего пса. Но Петров раздраженно стучит по кнопке аппарата и не видит тщетных попыток приказчика выпроводить огромного пса, забравшегося за прилавок...

«Что такое, Абрек!» Бросил телефонную трубку Петров. «Абрек!» Но уже поздно. Абрек прыжком распахнул дверь в заднюю комнату магазина... Хриплый крик... падение тяжелого тела... Страшное, никогда еще Петровым не слыханное рычание настоящего дикого зверя, вцепившегося в горло наконец выслеженной добычи...

Что такое? Что случилось? Петров через прилавок к двери и почти тотчас же со внезапно изменившимся лицом назад. В заднем помещении, на земле два тесно слившихся тела: звериное и человеческое... Полумрак, лица лежавшего не рассмотреть, но у самой двери, в светлой полосе, бессильно упавшая на нее, так давно знакомая Петрову рука с четырьмя пальцами: убийца Утлина.

Абрек его не выпустит. Но скорее к телефону... «Революционит» может быть похищен каждую секунду и без него...

Абрек не выпустил своей жертвы. Мертвой хваткой впился он в горло тому, чей запах он не забыл с той самой ночи, памятной ему ночи, когда он потерял своего первого хозяина, турка Мохамеда, там, в Каракалинской даче...

Ждет радостных известий сэр Вальсон. Ждет исполнения своего сна хозяин Сити... Ждите... ждите...

Петров и несколько сотрудников ГПУ, осторожно пробравшись за мешки, тихонько приподнимают большой люк над устьем подземного хода. Сейчас начнут спускаться в него. Вдруг... чшшш... Откуда-то шум, потом голос по-английски:

— Хип, хип... Ура. — Негромко, но совершенно ясно. — Хэ, Пальмерстон... Алло, Пальмерстон... Вещица наша. Целый ящичек. Стойте над люком. Я вам передам.

Сэр Смоллуэйс, кажется, позабыл осторожность... Но, собственно, чего он должен остерегаться? Если бы там, наверху, было что-нибудь неладно, — поднявшийся только что впереди него Пальмерстон известил бы его. Пальмерстон настороже за всех.

Бережные руки осторожно приняли в полумраке люка небольшой пакет, завернутый в мокрый, сочащийся кусок материи.

Сэр Смоллуэйс рассчитывал обменяться с инженером Пальмерстоном энергичным рукопожатием, — крепко, по-английски пожать его четыре пальца...

Но пятьдесят пальцев, — такого рукопожатия не ожидал сэр Смоллуэйс!

Под усиленным конвоем маленький пакет, завернутый в большую мокрую тряпку, доставлен в лабораторию... Лучшие профессора склонились над ним. Приняты все меры предосторожности. Разрушительная сила «Революционита», источника неисчерпаемой созидательной энергии, всем хорошо известна...

Свинцовый ящичек, треснувший, очевидно, при падении, обрывки какой-то ткани, бумажная обертка, — скрывают невзрачный голубовато-серый камень. Вот и все. И такая невероятная сила.

Под усиленным конвоем шесть любознательных исследователей недр земных доставлены в ГПУ.

На простой телеге в покойницкую привезли Брегадзе-Мак-Кина-Крузе-Сатановского-Пальмерстона-Бек-Салтанова — труп. А в листке в покойницкой к трупу № 149 не написали даже и одной фамилии.

«В нашей тяжелой борьбе за освобождение трудящихся всего мира мы не рассчитывали и не рассчитываем на чудесные открытия. Упорный бой на фронтах производственном и культурном — пути наших побед...»

«Большевистская стойкость, помноженная на науку, сломит мировой капитал».

«Союз пролетариата и техники дали нам залог грядущей победы...»

«Революционит — подарок трудящимся СССР — трудящимся всего мира».

Яркие зовы на алых плакатах в день годовщины Октябрьской революции.

Тревожные крики бюллетеней фондовых бирж сегодня на первой странице западных газет.

Академия Наук СССР опубликовала отчет о работах над Н.Т.У. Результаты попыток превзошли все ожидания.

Новая сила вошла в мир. Сила эта — Революционит. Революционит — достояние трудящихся.

Борьба за него кончилась. Начинается борьба с ним в руках.

Красным по белому будет написана ее история.

Лондон (ТАСС) 10 ч. 30 м. утром от вторичного удара скончался тот, кого можно было считать воплощением владычества мирового капитала — «Хозяин Сити», — лорд N.

Приложение

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ
О РОМАНЕ «ЗАПАХ ЛИМОНА»

ИЗ КНИГИ «ЗАПИСКИ СТАРОГО ПЕТЕРБУРЖЦА»

Шаг третий, спаренный

1925 год. Я — первокурсник этих самых ВГКИ при ГИИИ, студент. Студент тогдашний, не теперешний. Никаких стипендий; напротив — «плата за право учения». За посещаемостью лекций следить отнюдь не приходилось: не успевшие уплатить, лазали в аудитории со двора, по дворам и через окна. Девиц с большим удовольствием подавали туда же на руках. А у главных дверей монферрановского дома нелюдимо следил за «непроходом» злонамеренных всем известный Иннокентий, весьма декоративный бывший бренд-майор, ныне — вахтер института.

Обнаружишь в кармане, коль станешь мудрей,
Часы прилива, недели отлива...
Иннокентий же — вечно! — торчит у дверей...
Несправедливо!

Так было напечатано в стенгазете курсов.

Мы, студенты, напоминали тогда пушкинских воронов: «Ворон, где б нам пообедать, как бы нам о том проведать?» Шел нэп. Мы были бедны, как церковные крысы. И лишей, чем нам, приходилось, пожалуй, только просто безработным.

Лев Александрович Рубинов, мой друг с семнадцатого года, был в те дни именно таким безработным. Лева Рубинов — необычный человек, как ранее уже говорилось. Жизнь его была подобна температурному графику лихорадочного больного. Он успел побывать уже и следователем ЧК, и прокурором, и одним из самых популярных в двадцатые годы петроградских ЧКЗ-адвокатов; в начале

Революции он возглавлял в Петрограде одно из значительных наркомпросовских учреждений того времени — я уже не могу сказать, как оно называлось — то ли Колдуч, то ли Комдуч. В тридцатых годах ему случалось работать экономистом и юрисконсультантом на многих ленинградских предприятиях. Но как-то так получалось, что между двумя «высокими» должностями у него всегда пролегли периоды полной безработицы, случалось, довольно долгое. Я о нем уже рассказывал в главе об ОСУЗе.

Так вот. Однажды, осенью 1925 года, безработный Лева Рубинов позвонил по телефону студенту Леве Успенскому.

— Лева? — как всегда, не без некоторой иронической таинственности спросил он. — У тебя нет намерения разбогатеть? Есть вполне деловое предложение. Давай напишем детективный роман...

Двадцать пять лет... Море по колено! Роман так роман, поэма так поэма, какая разница?

— Давай, — сказал я. — Какая тема?

— Первая глава уже есть. Помнишь, я жил три года в Баку? Если не возражаешь, дернем на бакинском материале, а?

— На бакинском? Ну что ж, давай... Но тема, сюжет?

— Скажу коротко... «Лондон, туман, огни...» В Лондоне (а хочешь — в Париже!) собрались, так сказать, акулы и гиены международного империализма. Они засылают группу диверсантов в Советский Союз. Цель — уничтожить три ведущие области нашей экономики: нефть, транспорт, уголь. Эн-Тэ-У... Каково заглавие, а, Лева? «Энтэу»!!

— Так... Ну что же (в 1925 году в такой тематической заявке не чувствовалось еще пародийности) — ничего! А что дальше?

— «Дальше, дальше»! — справедливо возмутился Лева Рубинов. — Дальше, брат, давай уж вместе выдумывать!

...С той далекой поры я написал не один десяток книг, повестей, романов и рассказов. Случалось, они писались легче, случалось — труднее. Но всегда этот процесс меня устраивал, нравился мне, радовал меня. И все-таки за всю

свою долгую литературную жизнь я ни разу не испытал такого удовольствия, такого, почти физического, наслаждения, как в те дни, когда мы вдвоем слевой Рубиновым писали свой «детективный роман».

1925 год — не 1825-й: на гусином пере далеко не уедешь. Мы пошли на толчок и купили индустриальный феномен — машинку «Смис-Премьер», годом старше меня, 1899 года рождения. Машинка Ильфа и Петрова, как известно, обладала «турецким акцентом». Наша была подобна дореволюционному тоняге-гвардейцу: она «не выговаривала ни одной буквы, кроме ижицы; ижицу же выговаривала невнятно». Но нам это нисколько не мешало.

По ночам («дневи довлеет злоба его»!), то у меня на квартире, то у Левы, уложив жен спать, мы приступали.

Один, взъерошив волосы, как тигр в клетке, бегал по комнате и «творил». Другой — машинистка-блондинка — «перстами робкой ученицы» воплощал сотворенное в малоразборчивые строки.

С тех пор я понял: сочинять много легче, нежели печатать, — машинистка просила подмены куда чаще, чем автор. Впрочем, у нее была двойная роль: свежее создаваемый текст, еще не попав на бумагу, уже редактировался. Вспыхивали несогласия, споры, дискуссии, только что не потасовки. Между мозгом автора и клавиатурой машинки каждое слово взвешивалось, критиковалось, браковалось, заменялось другим.

Из наших предшественников-писателей мы если и могли кому позавидовать, то разве лишь Ретиф де ла Бретонну: он, как известно, имел типографию и «сочинял прямо на верстатку», сразу в набор. Но ведь он был один, бедняга! А мы... Если бы господь-бог попросил у меня консультации, как ему лучше устроить рай, я посоветовал бы ему разбить праведников на пары и заставить их писать детективные романы. Это — истинное, елисейское блаженство!

Еще бы: никаких границ фантазии! Любая выдумка радостно приветствуется. Плевать на все мнения, кроме наших двух. Всякую придуманную малость можно поймать

на лету и мять, тискать, шабрить, фуговать, обкатывать — «покеда вопрет», как говорят мои родные скобари.

Сами себе мы ограничения ставили. Мы выдумали, что наш роман будут печатать выпусками. (Кто «будет»? Где «будет»? Неведомо, но — выпусками!) Выпуски мы считали разумным прерывать на полуслове;

«Он шагнул в чернильный мрак, и...»

И — конец выпуска; и, дорогой читатель, — становись в очередь за следующим!

Ни разу нас не затруднило представить себе, что было там, «во мраке чернильной ночи»: там всегда обнаруживалось нечто немыслимое. Мы обрушили из космоса на окрестности Баку радиоактивный метеорит. Мы заставили «банду некоего Брегадзе» охотиться за ним. Мы заперли весьма положительную сестру этого негодяя в несоргаемый шкаф, а выручить ее оттуда поручили собаке.

То была неслыханная собака: дог, зашитый в шкуру сенбернара, чтобы между этими двумя шкурами можно было переправлять за границу драгоценные камни и шифрованные донесения мерзавцев. При этом работали мы с такой яростью, что в одной из глав романа шерсть на спине этого пса дыбом встала от злости — шерсть на чужой шкуре!

Все было нам нипочем, кроме одного: к концу «выпуска» мы обычно подходили с шекспировскими результатами. Все лежат мертвые... Но, в отличие от Шекспира, мы должны продолжать роман.

Кое-кого мы наспех воскрешали; кое-кому давали дублеров... Приходилось будить одну из наших жен и привлекать ее к авторской «летучке»: «Как же быть?»

Мы старались как можно быстрее прожить день, в радостном сознании, что наступит ночь и — две пачки «Смычки» на столе, крепкий чай заварен — мы предадимся своему творческому иступлению).

Мне кажется, мы не возражали бы тогда, чтобы работа над романом продолжалась вечно. Пусть бы даже она не имела никаких материальных последствий — не все ли

равно?! Нас это не заботило, мы об этом не слишком много думали. Но вот тут-то...

И грянул гром

Азербайджанское Государственное Издательство предлагает ленинградским авторам заключение договоров на приключенческие романы (повести, рассказы) на азербайджанском материале.

Обращаться к представителю изд-ва, Ленинград, ул. Некрасова, д. 11, кв. 2, первый этаж налево, от 6 до 8 часов вечера.

— Нет, конечно, это не мне, — Леве, попало на глаза такое объявление в «Красной газете». Я не поверил, даже увидев его:

— Как ты умудрился это отпечатать?.. Ну, да! А почему тогда «приключенческий»? Почему именно — «на азербайджанском»?

— Ты стремишься все это узнать? Ну так — едем сейчас же... Мы с тобой, разумеется, материалисты, но... По-видимому, все-таки «что-то есть», как говорят кроткие старушки...

На реальном трамвае — «пятерке» с двумя красными огнями — мы прибыли к углу реальной улицы Некрасова и реальнейшего Эртелева переулка. За номер дома я не ручаюсь: может быть, он был и не одиннадцатым — огромный, старый краснокирпичный домина...

В полупустой комнате первого этажа нас словно ожидали трое. Совершенно нэпманского вида, полный, в мягком костюме, смугловатый брюнет с усиками (теперь я сказал бы — «похожий на Марчелло Мastroяни») сидел за девственно пустынным столом. У окна восточного вида пухленькая пупочка, хорошенькая, как одалиска, поглажива-

ла виноградными пальчиками клавиши молчаливой машинки. Небритый забулдыга — сторож или завхоз — на грубой «кухонной» табуретке подпирал спиной внушительных размеров несгораемый шкаф у голой стены.

— Я — Промышлянский! — «Мастрояни» произнес это так, как будто назвал фамилию Моргана или Рокфеллера. — Чем обязан?

Он поразил нас своим газетным объявлением. Теперь мы намеревались поразить его.

Несколько театральным жестом бывший адвокат Рубинов молча бросил на стол перед Промышлянским «Красную вечорку».

— Ну, и?.. — скользнув по ней глазами, спросил представитель Азгосиздата.

— Нам пришлось в голову проверить солидность вашей фирмы, — холодно проговорил Лева. — Мы можем предложить вам роман.

— Нас интересует только приключенческая литература! — Гражданин Промышлянский все еще пытался «чистить ногти перед ним».

— Лева, дай закурить! — в мою сторону уронил Лева Рубинов. — Мы и предлагаем вам детективный роман. Ликбез мы прошли, товарищ Промысловский...

Полномочный представитель поочередно взгляделся в нас обоих, потом потер пальцами нос:

— В нашем объявлении, — Розочка, я не путаю? — как будто указано: «На азербайджанском матерьяле...»

— Гражданин Перемышлевский! — независимо закуривая не какую-нибудь «Смычку», а толстую «Сафо», предусмотрительно купленную на углу Эртелева пять минут назад, очень вежливо сказал опытный юрист Рубинов. — Если бы мы написали роман на кабардино-балкарском материале, мы, к величайшему нашему сожалению, не имели бы удовольствия встретиться с вами.

Этого Промышлянский явно не ожидал.

— Розочка, вы слышите? Роман на нашем матерьяле! Очень интересно! Беда лишь в том, что у меня твердое указание свыше вступать в соглашения лишь с теми авторами

ми, каковые могут до заключения договора представить не менее двух законченных глав.

Простак, простак! Неужели же мы этого не предусмотрели?

— Лева! — обратился Лева Рубинов ко мне. — Сколько ты главок захватил?

— Одиннадцать! — глухо ответил я, возясь с пряжками моего дореволюционного министерского портфеля. — С первой по седьмую и с двадцатой по двадцать третью...

Гражданин Промышлянский развел руками. Что ему оставалось сказать? На сей раз мы удивили его. Уже с явным интересом он листал нашу писанину, велел Розочке уложить ее в папку с тесемками и папку спрятать в «сейф». Попрощались мы вполне доброжелательно...

К огорчению моему, я вынужден тут же признать: к концу дистанции выигрыш остался не за нами.

Раза четыре — каждый раз в заново «пролонгируемые» сроки — навдывались мы на Некрасова, 11. Увы, технические неполадки: Баку так далеко... Все такие пустяки, мелкие формальности! — оттягивали вожаденный миг подписания договора.

Мы стали уже как бы своими людьми в Азербайджане. Босс и Лева теперь беседовали как двое бакинских старожилов. Они обсуждали качество вина «матраса» и вкус чуреков, которые пекут в переулочках за Кыз-Кала. Душечка Розочка делала нам ширваншахские глазки. Небритый пропойца сторож жадно смотрел уж не на «Сафо», а даже на «Стеньку Разина»...

А на пятый раз мы только его и обнаружили в конторе.

— А хозяева где?

— Тю-тю наши хозяева, ребята! — с веселым отчаянием махнул он рукой. — С той пятницы — ни слуху, ни духу. И зарплата мне за месяц не доплачена. Завтра иду в милицию, заявление делать: ключи-то у меня. Ответственность!

— Как? — удивился Лева Рубинов. — А Розочка?

— И Розочку — трам-тарарам! — с собой уволок, гад мягкий! Розочку-то он нам с тобой как хошь не оставит...

Что нам было делать? Конечно, юрист Лева начал с проектов вчинения иска, с намерения вывести аферистов на чистую воду. Но, обдумав, мы развели руками. Мы неясно представляли себе основное юридическое — куи интерес? Кому это выгодно? Что он взял с нас (а может быть, и с других?), Промышлянский? Плохо читаемый экземпляр рукописи, притом явно не единственный... Что можем выиграть мы? Да еще в Баку ехать на суд... «Плюнем, Лева?!» — «Да пожалуй, Лева, плюнуть и придется».

И мы плюнули. Но не совсем. Мы отомстили. По-своему. Литературно. Мы ввели в роман совершенно новое лицо — мерзкого бакинского нэпмана Промышлянского. Мы придали ему даму сердца по имени Розочка. Мы заставили его при помощи нечистых махинаций построить себе в Баку отличный нэповский домик. А затем мы загнали под ванную комнату этого дома кусок радиоактивного метеорита «Энтэу» так, что он застрял там прямо под водопроводными трубами. Вода в них нагрелась до + 79-ти, и нэпман, сев в ванну, пострадал очень сильно...

Кто не верит, пусть читает роман «Запах лимона».

«Запах лимона»

Невозможно рассказать всю историю нашей рукописи, — пришлось бы написать еще одну приключенческую повесть. Но вот, пожалуйста:

Лев Рубус «Запах лимона»

Изд. «Космос» Харьков

«Лев Рубус» — это мы, два Льва: один — РУБинов, другой — УСПенский.

«Запах лимона» — иначе «Цитрон дабл-Ю-пять» — это то же, что «НТУ», то же, что «Минаретская, пять», если следить по разным каталогам частного издательства этого.

Почему «Космос» и Харьков? Потому что были на свете два Вольфсона, два нэповских книгоиздателя. Ленинградский Вольфсон — «Мысль» и харьковский Вольфсон — «Космос». Кем они приходились друг другу — братьями, кузенами или дядей и племянником, — я не знаю. Но — приходились.

Харьковский Вольфсон издал этот детективный «Запах» потому, что ленинградский Вольфсон не нашел возможности его издать.

Нет, он принял от нас рукопись. Как полагается, он послал ее по инстанциям. Инстанции не торопились, но это нас не удивляло: нас к этому приутожили. Но вот однажды на моей службе в Комвузе (учась, я работал в Комвузе, как это ни удивительно, — «художником»; рисовать я ни тогда, ни когда-либо не умел) меня вызвали к телефону.

Незнакомый, сухо-вежливый голос попросил меня «завтра к 10 часам утра прибыть к товарищу Новiku на улицу Дзержинского, 4». Каждый ленинградец тогда понимал, что «Дзержинского, 4» — это то же самое, что «Гороховая, 2». Выражение лица у меня, безусловно, стало неопределенным.

— И будьте добры, — добавил, однако, голос, — сообщите мне, как я могу связаться с товарищем... С товарищем Рубиновым, Львом Александровичем?.. Ах, так? Благодарю вас!

Морщины на моем челе, несомненно, приразгладились: двоих нас могли приглашать вроде бы как по одному-единственному делу. Но почему — туда?

Назавтра, несколько раньше срока, мы уже сидели на одной из лестничных площадок большого этого дома, на стоявшей там почему-то садового типа чугунной скамье. Против нас была аккуратно обитая клеенкой дверь и на ней табличка: «Новик».

Товарищ Новик, однако, нас не принял. Высокая и красивая блондинка, выйдя из этой двери, сообщила нам:

— Товарищ Новик просил меня провести вас к Нач-Кро.

Мы быстро посмотрели друг на друга. «Кро»? «К» + «Р» могли означать «контрреволюция». А что такое «О»?

Идя вслед за нашей проводницей по бесконечным коридорам, мы пытливо вглядывались в надписи на дверях. Наконец слабый лучик света забрезжил нам:

«Контрразведывательный отдел»... Стало понятней, но не до конца. Мы-то при чем тут? Нас-то это с какой стороны касается — «Кро»?

Нач-Кро приказал ввести нас к себе. Нач-Кро был высок, собран, обут в зеркально начищенные высокие сапоги. Во рту у него было столько золотых коронок, что при первом же слове он как бы изрыгнул на нас пламя.

— Так-так-так! — проговорил весьма дружелюбно Нач-Кро, товарищ Ш., как значилось у него на двери кабинета. — Садитесь, друзья, садитесь... Это вы и есть Лев Рубус? Ну что ж, я читал ваш роман. Мне — понравилось.

Мы скромно поклонились,

— Знаете, и товарищ М. вас читал (он назвал очень известную в тогдашнем Ленинграде фамилию). Ему тоже понравилось. Отличный роман. Он может послужить нам как хорошее воспитательное средство...

Леве Рубину по его прошлому роду деятельности разговоры с начальниками такого ранга были много привычнее, чем мне.

— Товарищ Ш.! — не без некоторой вкрадчивости вступил он в разговор. — Наша беда в том, что нам все говорят: «Понравилось», но никто не пишет: «Печатать»...

— А вам кажется — это можно напечатать? — посмотрел на нас товарищ Ш. — Да что вы, друзья мои! Давайте начистоту... Вы, как я понимаю, — странно, я вас представлял себе куда старше! — очевидно, много поработали... в нашей системе... Нет? Как так нет? А откуда же у вас тогда такое знание... разных тонкостей работы? Уж очень все у вас грамотно по нашей части... Но как же вы не понимаете: такая книга нуждается в тщательнейшей специальной редакции. Как — зачем? В нашем деле далеко не все можно популяризовать по горячим следам. Сами того не замечая, вы можете разгласить урби эт орби (он так и ска-

зал: «урби эт орби») сведения, которые оглашать преждевременно. Вы — чересчур осведомленные люди, а нам в печати надлежит быть крайне сдержанными...

Я смотрел на него в упор и ничего не понимал.

— Товарищ Ш! — решился я наконец. — Про что вы говорите? В чем мы «осведомлены»? Где это проявилось? Я, скажем, никогда к вашей системе и на километр не приближался...

— В чем проявилось? — переспросил Нач-Кро. — Да хотя бы вот в чем. Откуда вам стало известно, что «Интеллиджент-Сервис» в Лондоне помещается на Даунинг-стрит, четырнадцать?

Как по команде, мы раскрыли рты и уставились друг на друга.

— Лева, ты помнишь, как это получилось?

— Конечно помню. Мы в твоём «Бедэкере» девятьсот седьмого года нашли адрес «Форин-оффис». Даунинг-стрит, десять...

— Ну да. И ты сказал: «Значит, и “Интеллиджентс” неподалеку, верно? Сунем его на Даунинг-стрит, тринадцать».

— А ты запротестовал: «Я не люблю нечетных чисел. Давай Даунинг, но четырнадцать...» Так и вышло...

— Скажите на милость! — как-то двупланно удивился Нач-Кро. — Так вот: там как раз оно и помещается. Чем вы это объясните?

— Сила творческого воображения... — осторожно предположил ужасно не любивший нечетных чисел Лева.

— Гм-гм! — отозвался себе под нос товарищ Ш. — Гм-гм!

В результате беседы было установлено: молодые авторы по совершенной своей невинности, силой творческого воображения несколько раз попали пальцем в небо, там, где этого совершенно не требовалось. Авторам этим нужна благожелательная помощь и советы. Поскольку их труд представляется в общем полезным, и то и другое им будет предоставлено. Нач-Кро поручит это дело компетентным товарищам, те сделают свои замечания, авторы их учтут, и...

— И, пожалуйста, друзья мои, печатайте, издавайте, публикуйте. Очень рады будем прочесть.

С Гороховой мы летели окрыленные; Нач-Кро пленил нас: остроумный, иронический, благожелательный товарищ... *Urbi et orbi!*

Мы и впоследствии остались о нашем визите на улицу Дзержинского при самых лучших воспоминаниях. Правда, нас туда больше не приглашали, а сами мы напоминать о себе считали как-то не слишком скромным. Мы отлично понимали: и у Кро, у его начальника в том году, как и во все иные годы, было немало дел посерьезнее нашего.

Перестали мы тревожить и Вольфсона-ленинградского: мы не были уверены, как на него повлияет наш правдивый рассказ, если мы перед ним с этим рассказом выступим.

Но мы не учли одного — психологии издателя-частника. Вольфсон-«Мысль» не получил разрешения на наш «Запах» свыше и не счел нужным выяснять — почему? Но ему показалось неправильным упустить нас совершенно. И, не говоря нам ни слова, он послал нашу рукопись Вольфсону-харьковскому, «Космосу».

Как действовал владелец «Космоса», нам ничего не известно: он нас об этом не известил. Но настал день, когда нам обоим на квартиры принесли, как бы свалившиеся с неба, увесистые тючки с авторскими экземплярами «Запах». По двадцать пять штук со всеми его прелестями.

С догом, на спине которого встает дыбом сенбернаровская шерсть. С нэпманом Промышлянским, подобно ракете вылетающим из нагретой радиоактивным Энтэу ванны. С Левиным «Лондон. Туман. Огни» и моими научно-фантастическими бреднями...

Книжка была невеличка, но ее брали нарасхват. Уже за одну обложку. На обложке была изображена шахматная доска, усыпанная цифрами и линиями шифровки. Был рядом раскрытый чемоданчик, из которого дождем падали какие-то не то отвертки, не то отмычки. Была и растопыренная рука в черной перчатке. Два пальца этой ру-

ки были отрублены, и с них стекала по обложке красная кровь бандита... А сверху было напечатано это самое: Лев Рубус, «Запах лимона»... Такой-то год.

Почему — «такой-то»? Потому что роковым образом у меня не осталось теперь ни одного экземпляра нашего творения. И у Левы Рубинова тоже. И у наших знакомых и друзей. Ни единого. *Habent sua fata libelia!*

В Публичной библиотеке перед войной был один экземпляр. А теперь, по-видимому, и его стащили.

Лет десять назад один старый товарищ подарил мне дефектный «Запах» — без двух страниц; как я радовался! Но ребята, соученики сына, свистнули у меня этот дареный уникум: «Лев Рубус»! Они даже не знали, что это — мое!

Меня это огорчает и не огорчает. Огорчает потому, что хотелось бы, конечно, иметь на своей полке такую библиографическую редкость.

Радует, ибо перечтя свой роман в пятидесятых годах, я закрутил носом. Я подумал: «Молчание! Хорошо, что этого никто не знает!» Потому что Овсянико-Куликовский и Арсеньев явно недостаточно притормозили меня в девятьсот шестнадцатом. До того же бульварное чтиво — сил никаких нет!

Но все-таки есть причина, по которой у меня сохраняется к этой книжонке нежность. Не напиши ее мы с Левой, неизвестно еще: пришла ли бы мне когда-нибудь в голову идея заняться занимательной лингвистикой? Додумался ли бы я до «Слова о словах»?

Какая между тем и другим связь? Вот это уж предмет другого, и тоже довольно длинного, разговора.

Я тут — на третьем, и последнем, из моих «первых шагов» — останавливаюсь. Потому что дальше пошли уже не «первые», а «вторые» шаги. Их тоже было немало.

ИЗ КНИГИ «ПО ЗАКОНУ БУКВЫ»

Эту историю я рассказываю не в первый раз: мне она доставляет удовольствие.

Мало сказать «удовольствие». Именно потому, что она случилась в 1927 году, я в 70-х годах являюсь писателем, пишущим о языке. Как так?

В конце 20-х годов мы с приятелем вздумали написать авантюрный роман. Чтобы заинтересовать читателей, мы придумали ввести в него «зашифрованное письмо». Ввести так, чтобы оно было и зашифровано и расшифровано «у всех на глазах»: уж чего увлекательнее!

Письмо было написано: враги СССР, пробравшиеся из-за границы, извещали в нем друг друга, что надлежит уничтожить в пух и в прах три важнейшие отрасли хозяйства СССР: уголь, транспорт и нефть. Это-то письмо и надо было зашифровать.

Я шифровать не умел, но мой друг делал это великолепно. Он предложил метод, при котором текст зашифровывается при помощи шахматной доски и заранее выбранной всем хорошо известной книги. Всюду легко добываемой.

Допустим, вы выбрали бы Ломоносова, «Га и глаголь», и зашифровали свою записку по нему. Где нашел бы расшифровщик собрание сочинений Ломоносова?

А стихи Пушкина всегда легко достать. Мы выбрали средней известности стихотворение: балладу «Русалка». Не пьесу, а балладу, имейте в виду...

Мой друг, мастер шифрования, взял у меня старенький, еще дореволюционный томик Пушкина и отправился домой с тем, чтобы к утру по телефону продиктовать результат.

Но позвонил он мне еще тем же вечером. «Да, видишь, Лева, какая чепуха... Не шифруется по этим стихам... Ну, слово “нефть” не шифруется: в “Русалке” нет буквы “эф”... Как быть?»

— Подумаешь, проблема! — легкомысленно ответил я. — Да возьми любое другое стихотворение, «Песнь о вещем

Олеге», и валяй...

Мы повесили трубки. Но наавтра он позвонил мне ни свет ни заря:

— Лева, знаешь, в «Песни о вещем...» тоже нет «эф»...

— Ни одного? — удивился я. 2197

— Ни единственного! — не без злорадства ответил он.

— Что предлагаешь делать?

— Ну я не знаю... У тебя какие-нибудь поэты есть? Лермонтов? Крылов? Ну возьми «Когда волнуется...». Или «Ворона и лисица»... Нам-то не все ли равно?

В трубке щелкнуло, но ненадолго. Через час я уже знал: ни в «Желтеющей ниве», ни в «Вороне взгромоздясь» буквы *Ф* найти не удавалось...

Вчера можно было еще допустить, что Пушкин страдал странной болезнью — «эф-фобией». Сегодня обнаружилось, что и прочие поэты первой половины XIX века были заражены ею...

Не представляя себе, чем это можно объяснить, я все же сказал:

— Знаешь, возьмем вещь покрупнее... Ну хоть «Полтаву», что ли? Там-то уж наверняка тысяча тридцать-сорок букв есть. При таком множестве весь алфавит должен обнаружить-ся...

Мой покладистый шифровальщик согласился. Но через три дня он же позвонил мне уже на грани отчаяния: в большой поэме, занимавшей в моем однотомике пятнадцать страниц в два столбца, страниц большого формата, ни одной буквы *Ф* он не нашел.

Признаюсь, говоря словами классиков: «Пришибло старика!», хотя мне и было тогда всего 27 лет.

Вполне доверяя своему соавтору, я все же решил проверить его и впервые в жизни проделал то, что потом повторял многократно: с карандашом в руках строку за строкой просчитал всю «Полтаву» и... И никак не мог найти *Ф* среди тысячи, двух тысяч ее собратьев...

Это было тем удивительнее, что ближайших соседок *Ф* по месту в алфавите — *У*, *Х*, *Ц*, *Ч* — не таких уж «поминутных, повсесловных букв» — находилось сколько угодно.

Первые 50 строк поэмы. В них: *Х* — 6 штук, *Ц* — 4, *Ч* — 4.

А уж букв *У* так и вообще 20 штук, по одной на каждые 2,25 строчки.

Правда, «у» — гласный звук, может быть, с ними иначе. Но и согласных... Если букв *Х* в 50 строках 6, то в 1500 строках всей поэмы их можно ожидать (понятия «частотность букв в тексте» тогда не существовало, до его появления оставалось лет двадцать, если не больше), ну, штук 160-200... Около 120 *Ц*, столько же — *Ч*... Почему же *Ф* у нас получается ноль раз?

Не буду искусственно нагнетать возбуждение: это не детектив. Мой друг ошибся, хоть и на ничтожную величину. Он пропустил в тексте «Полтавы» три *Ф*. Пропустил их совершенно законно.

Возьмите «Полтаву» и смотрите. На 378-й строке песни I вам встретится словосочетание: «Слагают цыфр универсалов», то есть гетманские чиновники «шифруют послания». Вот это *Ф* мой друг пропустил непростительно: недоглядел. А два других *Ф* были совсем не *Ф*. 50-я строка песни III гласит: «Гремит анафема в соборах»; 20-я строчка от конца поэмы почти слово в слово повторяет ее: «...анафемой доныне, грозя, гремит о нем собор».

Но беда в том, что в дореволюционном издании слово «анафема» писалось не через *Ф*, а через *Ө*, и друг мой, ищущи *Ф* не на слух, а глазами, произвольно пропустил эти две «фиты».

Осуждать его за это было невозможно: я, подстегиваемый спортивным интересом, и то обнаружил эту единственную букву *Ф* среди 33 тысяч других букв при втором, третьем прочтении текста.

Комментарии

Л. Успенский, автор выдержавшей не одно издание книги «Слово о словах», умел подбирать слова. В воспоминаниях «Записки старого петербуржца» (1970) он так весело, увлекательно и «вкусно» описал свой студенческий роман «Запах лимона» и феерическую историю его издания, что книжка эта стала несбыточной мечтой всех любителей фантастической и приключенческой литературы. Несбыточной потому, что «Запах лимона» представлял собой настоящую библиографическую редкость; экземпляра его не сохранилось даже у авторов – Успенского и его друга Л. Рубинова (Рубиновича). Уже в шестидесятых годах прошлого века книга была ненаходима; Успенский вспоминает, что подаренный ему около 1960 г. экземпляр «без двух страниц» был мгновенно украден... Можно смело предположить, каких именно страниц не доставало в украденном экземпляре – вероятно, в сталинские годы был «от греха подальше» удален лист с упоминанием имени расстрелянного в 1938 г. Н. Бухарина.

На воспоминаниях Успенского стоит остановиться, так как рассказывает он, по совершенно понятным причинам, не все. Вероятно, «дружеская беседа» в ГПУ была не такой уж доброжелательной. По настоянию Политконтроля ГПУ в те годы конфисковывались книги, раскрывавшие механизмы политического сыска, пусть даже в царской России – например, «В погоне за провокаторами» В. Бурцева и «Секретные сотрудники и провокаторы» П. Щеголева. Внимание ГПУ к «Запаху лимона», тогда еще называвшемуся «НТУ», могла привлечь и сама аббревиатура, созвучная названию советской политической полиции (вспомним историю с изданным в 1922 г. сборником имажинистов М. Ройзмана и В. Шершеневича «Мы Чем Каемся», заглавие которого прочитывалось как грозное «МЧК»), и шпионские техники, используемые в романе английскими агентами – а значит, и их советскими коллегами: «книжные» шифры, радиообмен, убийства с помощью ядов, перехват телефонных разговоров. Роман сделался предметом объяснений на высоком цензурном уровне: так, в книге А. Блума «От неолита до Главлита» (2009) цитируется объяснительная записка заведующего Ленгублитом Энгеля «По поводу списка книг, представленных Политконтролем ОГПУ как конфискованные». В этом документе, направленном в 1928 г. в Полит-

контроль ГПУ, об «НТУ» сказано: «Отзыв благоприятный. Советский авантюрно-научный роман, идеологически вполне выдержанный. Смущает подробное описание органов ГПУ. ГПУ высказалось против издания романа. Роман не был выпущен».

Трудно поверить и в действительно фантастическую историю о том, что рукопись романа была затем без ведома авторов переправлена из Ленинграда в Харьков, где роман (опять же без их разрешения) вышел в издательстве «Космос». Скорее всего, Рубинов и Успенский просто-напросто решили действовать в обход цензуры, изменив заглавие романа; в двадцатых годах такая проделка еще могла сойти с рук. А уж для харьковского «Космоса» книга была как нельзя «профильной»: в 1920-х гг. это издательство выпустило, к примеру, знаменитый сборник пародий «Парнас дыбом» и роман-коллаж Н. Борисова «Зеленые яблоки», составленный из переводных текстов семнадцати популярнейших в России западных писателей. «Запах лимона» с его рублеными фразами, головокружительным «кинематографическим» монтажом эпизодов, пародированием всех и всяческих штампов бульварной авантюрно-приключенческой литературы достойно вписался в этот список. К слову, авторы «Запаха лимона» и не думали скрывать истоки своего вдохновения: в одном месте романа следует отсылка к дореволюционным «выпускам» о похождениях Ната Пинкертона, в другом – к экранным мелодрамам.

Менее понятно другое умолчание: «Запах лимона» отнюдь не был первой и единственной пробой пера соавторов. В архиве Успенского хранится машинопись романа «SOS SOS SOS (Агония Земли)», написанного им в 1921-22 гг. совместно с братом Всеволодом и «Л. Рубиковым» (очевидно, Рубиновым). Значит, задолго до «Запаха лимона» соавторы пытались сочинять авантюрную фантастику...

Харьковское издание претензий к ним не вызвало, да и придирайтесь, по большому счету, было не к чему. Роман и вправду, как справедливо замечал ленинградский цензор, был «идеологически вполне выдержан» – а также, по словам ГПУшника из воспоминаний Успенского, мог послужить «хорошим воспитательным средством». Все необходимые ингредиенты были налицо: и неустрашимые и самоотверженные советские контрразведчики, и алчные капиталисты-империалисты со своими политическими марионетками, и шпиономания (шпионы в романе настолько вездесущи, что легко узнают о самых секретных оборонных разработках) и пр. Но было в «Запахе лимона» и иное – ощущение некоей свободы. Идеология как бы отодвигалась на второй план, служила лишь сце-

нической декорацией для создания шпионского боевика на советском материале. Понадобилось сорок с лишним лет, чтобы в СССР вышел очень похожий роман другого вымышленного писателя – «Джин Грин – неприкасаемый» Г. Горпожакса (коллективный псевдоним В. Аксенова, О. Горчакова и Г. Поженяна).

Биография Льва Васильевича Успенского (1900–1978) – романиста, мемуариста, фронтового корреспондента, прошедшего всю Великую Отечественную войну, автора рассказов, детских и научно-популярных книг, наиболее успешно работавшего в жанре популярного языкознания – достаточно известна, и пересказывать ее мы не будем. Краткую биографию своего друга и соавтора Льва Александровича Рубинова (1900–1950-е?) приводит в своих воспоминаниях сам Успенский. Помимо изложенного в вошедших в приложение главах, здесь можно прочесть, что Рубинов был сыном врача-дантиста, участвовал в Гражданской войне, в 1930-х гг. был юрисконсультom крупных советских предприятий. В 1941 г., аттестованный интендантом 1 ранга, он пошел рядовым в народное ополчение, в первый же день на фронте «был тяжело ранен во время бомбежки, эвакуирован в Сибирь, вернулся оттуда полным инвалидом и все же до самой кончины своей работал, думал, писал, жил полной жизнью...»

* * *

Роман «Запах лимона» публикуется с исправлением очевидных опечаток, а также ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В одном случае было унифицировано написание имени героини («Женичка»); устаревшее написание некоторых топонимов оставлено без изменений. Вошедшие в приложение фрагменты публикуются по книгам Л. Успенского «Записки старого петербуржца» (1970) и «По закону буквы» (1973).

Оглавление

Глава I. «А может быть, ход коня?»	7
Глава II. Желтые чемоданы	30
Глава III. «Запах лимона»	50
Глава IV. Инженер О'Дэти	72
Глава V. «Крепостная, 7»	95
Глава VI. Подарок с неба	112
Глава VII. Смоллуэйс – исповедник	127
Глава VIII. Наконец, Николай Трофимович Утлин	140
Глава IX. Конец романа	162
Глава X. Эскаватор марки «Г. Р.»	186
Глава XI. Развязка?	194
Глава XII. Авто из сумасшедшего дома	199
Глава XIII. Солнце наше!!!	208
<i>Приложение. Л. Успенский. О романе «Запах лимона»</i>	219
Комментарии	236

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.